

ДЕНИС ДЖОНСОН

ДЫМОВОЕ
ДРЕВО

Великие романы

Денис Джонсон

Дымовое древо

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Джонсон Д.

Дымовое древо / Д. Джонсон — «Издательство АСТ»,
2007 — (Великие романы)

ISBN 978-5-17-120668-0

Это история Шкипа Сэндса — шпиона, сотрудника Отдела психологических операций, действующего во Вьетнаме,— и всех тех несчастий, которые ждут его из-за знаменитого дяди Шкипа, ветерана войны, известного в кругах разведки просто как Полковник. А еще это история братьев Хьюстон, Билла и Джеймса, которых судьба занесла из аризонской пустыни на войну, где грань между дезинформацией и умопомешательством окончательно размылась и отделить правду от иллюзии практически невозможно. Это история тайных организаций, безумия джунглей и бесконечного одиночества, не похожая ни на что в современной американской литературе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-120668-0

© Джонсон Д., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Благодарственное слово	6
1963	7
1964	16
1965	26
1966	87
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Денис Джонсон Дымовое дерево

Denis Johnson
Tree of Smoke

© 2007 by Denis Johnson
© Евгений Романин, перевод, 2023
© Василий Половцев, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Благодарственное слово

Я рад выразить признательность людям и организациям, чья поддержка и любезная помощь сделали возможным написание этой книги: фондам Ланнана, Уайтинга и Гуггенхайма; центру Белладжо Фонда Рокфеллера; Сан-Маркосской кафедре английского языка Техасского университета; Бобу Корнфилду, Роберту Джонсу и Уиллу Блайту; Робу Холлистеру; Иде Миллер, Нику Гуверу, Маргарет, Майклу и Френчу Фраям; Уильяму Ф. Кс. Бэнду Третьему; а также прекрасной Синди Ли.

Подробностями ранних лет военной карьеры персонажа полковника Сэндса автор обязан мемуарам Уильяма Ф. Кс. Бэнда «Воины, оседлавшие ветер» (Castle Books Inc., 1993).

Вновь посвящаю Х. П. и Тем, Кто

1963

Этой ночью, ровно в три часа, убили президента Кеннеди. Юнга Хьюстон и два других новобранца ещё мирно спали, а по свету уже разлетелись первые сообщения. На острове было небольшое ночное заведение – полуразвалившийся клуб с большими крутящимися вентиляторами на потолке, барной стойкой и автоматом для игры в пинбол; двое морпехов, что держали клуб, зашли к салагам, растолкали и рассказали, что стряслось с президентом. Они, эти двое морпехов, сели с тремя матросами на койках в бараке из гофрированного железа для временно расквартированных военных и стали пить пиво, наблюдая, как с кондиционера в консервную банку сочится по капле вода. Армейский узел связи на базе в бухте Субик не умолкал всю ночь, передавая сводки о загадочном убийстве.

Теперь было уже позднее утро, и юнга Уильям Хьюстон – младший опять понемногу трезвел; он продирался сквозь джунгли острова Гранде с позаимствованной на время винтовкой двадцать второго калибра наперевес. Поговаривали, здесь, в окрестностях военного пансионата, водятся дикие кабаны, – а на Филиппинах он пока только и видел, что этот самый пансионат. Хьюстон не отдавал себе отчёта, что он думает об этой стране. Просто хотелось поохотиться немного в джунглях. Кабаны-то, как говорили, бродят где-то совсем поблизости.

Ступал он осторожно, помня о змеях и стараясь не шуметь, потому что хотел услышать кабана прежде, чем тот на него набросится. Нервы у него были на взводе, и это Хьюстон тоже прекрасно осознавал. Повсюду вокруг на все десять тысяч голосов перекликались джунгли, с берега доносились крики чаек и отдалённый шум прибоя, а если замереть на месте и с минуту прислушиваться, то можно было уловить, как в разгорячённом теле мерно тикает пульс, а в ушах потрескивает стекающий пот. Если же простоять без движения ещё хоть пару секунд, то сразу подлетали насекомые и с зудением принимались виться у головы.

Хьюстон прислонил винтовку к чахлому банановому стеблю, снял с головы повязку, выжал, отёр лицо и ненадолго остановился, отмахиваясь тряпкой от комарья и рассеянно почёсывая в паху. Неподальёку сидела чайка и, как казалось, вела сама с собой жаркий спор: сначала раздалась череда протестующих скрипов, а ей наперебой – возражение в виде более низких возгласов: «Ха! Ха! Ха!» А потом матрос Хьюстон заметил, как что-то перемещается с дерева на дерево.

Не сводя взгляда с точки среди ветвей гевеи, в которой засёк животное, он потянулся за винтовкой. Вот оно снова шевельнулось. Теперь стало ясно, что это какой-то вид макаки, немногим крупнее собачки-чихуахуа. Определённо не дикий кабан, но всё же и тут было на что посмотреть: левой рукой и обеими ногами она уцепилась за древесный ствол и с раздражительной суетливостью расковыривала тонкую кору. Матрос Хьюстон взял тощую обезьянку спину на мушку. Потом приподнял оружие на пару градусов и прицелился макакe в голову. Без каких-либо раздумий надавил на спусковой крючок.

Обезьянка распласталась по стволу, иступлённо раскидывая в стороны конечности, а затем завела обе руки назад, словно хотела почесать себе между лопаток, и свалилась на землю. Матрос Хьюстон с ужасом наблюдал, как она бьётся в конвульсиях. Вот макака взметнулась, оттолкнувшись рукой от почвы, и присела, опершись спиной о ствол и вытянув ноги перед собой, будто хотела отдохнуть после тяжёлого рабочего дня.

Матрос Хьюстон подобрался на несколько шагов ближе и с расстояния всего в пару ярдов увидел, что мех у обезьянки очень блестящий, красновато-коричневый в тени и светлый на солнце, в зависимости от того, какое положение примут шевелящиеся сверху листья. Макака огляделась по сторонам и принялась судорожно глотать воздух, а животик её с каждым вдохом поразительным образом раздувался, прямо как резиновый шарик. Стрелял-то Хьюстон снизу, и пуля прошла брюшную полость.

Он почувствовал, как его собственный желудок разрывается надвое. «Твою бога душу мать!» – крикнул он макаке, будто та могла как-то изменить своё досадное и отвратительное положение. Он уже думал, что вот сейчас у него взорвётся мозг – если предполуденная жара так и будет выжигать вокруг все джунгли, если чайки так и будут орать, а обезьянка – осторожно оглядываться по сторонам, вертеть головой и вращать с боку на бок чёрными глазками, точно следя за ходом какого-то разговора, какого-то спора, какой-то борьбы, которую все эти джунгли, всё это утро, весь этот миг вёл с самим собой.

Хьюстон подошёл к макаке, опустил винтовку рядом с ней на землю и поднял зверька двумя руками, одной поддерживая зад, а другую подложив под голову. С восхищением, а потом с омерзением понял он, что обезьянка плачет. С каждым выдохом из горла вырывался всхлип, а когда макака моргала, из глаз струились слёзы. Она смотрела туда-сюда и, кажется, человек занимал её ничуть не больше, чем всё остальное, что она видела вокруг. «Эй», – позвал Хьюстон, но обезьянка, похоже, ничего не слышала.

Он держал зверька на руках, и вот сердечко наконец перестало биться. Встряхнул макаку, но знал – это бесполезно. Почувствовал, что во всём виноват он сам, и, поскольку рядом никого не было и никто бы его не заметил, Хьюстон дал волю чувствам и разрыдался – как ребёнок. Да он и был, в сущности, вчерашним ребёнком: ему было всего восемнадцать лет.

Когда Хьюстон вернулся на побережье, к клубу, то увидел, что на серый пляж выбросило прибоем косяк прозрачно-фиолетовых медуз – несколько сотен студенистых созданий, каждое – примерно с ладонь, лежало на солнце и постепенно ссыхалось под его лучами. Маленькая островная гавань пустовала. Никакие лодки сюда не ходили, если не считать парома от военно-морской базы на другом берегу бухты Субик.

Всего в нескольких ярдах, фасадами к песчаной полосе, под величественными деревьями стояла пара бамбуковых хижин – с веток им на крыши осыпались мелкие лиловые цветочки. Изнутри одной доносились крики: какая-то парочка занималась любовью – шлюха, предположил матрос Хьюстон, и какой-нибудь моряк. Хьюстон присел на корточки в тени дерева и слушал, пока они не перестали хихикать и громко дышать, а из-под застрехи не подала голос ящерица – сначала прозвучал короткий предупреждающий щебет, а затем резкий, отрывистый гоготок: «гек-ко»; «гек-ко»; «гек-ко»...

Немного погодя мужчина вышел из хижины – стриженный ёжиком, сорокалетний, под животом повязано белое полотенце, в передних зубах – сигарета; он косолапо стоял, одной рукой придерживая полотенце на бёдрах, пошатывался и вглядывался во что-то близкое, но невидимое. Вероятно, какой-то офицер. Вот он взял сигарету большим и указательным пальцем, затянулся и выдохнул туманное облачко дыма, тут же окутавшее его лицо.

– Очередное задание выполнено.

Открылась входная дверь в соседнюю хижину, оттуда, прикрывая ладонью промежность, выглянула обнажённая филиппинка и сказала:

– Он это делает не любит.

Офицер крикнул:

– Эй, Везунчик!

К двери подошёл какой-то низкорослый азиат, полностью одетый в камуфляжную униформу.

– Ты что же это, не доставил даме удовольствие?

Азиат ответил:

– Могло навлечь неудачу.

– Карма, – сказал офицер.

– Может быть, – произнёс низкорослый.

Хьюстона же офицер спросил:

– Чего, пивка ищешь?

Вообще-то Хьюстон уже должен был находиться в другом месте. Теперь он понял, что опоздал и что мужчина обращается к нему. Свободной рукой офицер сдёрнул полотенце и отшвырнул сигарету. Почти вертикально вниз пустил струю мочи, в клочьях пены которой безвозвратно сгинул окуроч, а Хьюстону сказал:

– Увидишь чего стоящее, так ты дай знать.

Чувствуя себя дураком, матрос Хьюстон вошёл в клуб. Внутри играли в пинбол и переговаривались две юные филиппинки в ярких цветастых платьях, причём тараторили они так быстро, да ещё и большие вентиляторы так вертелись под потолком, что у Хьюстона едва не подкосились ноги.

Из-за стойки поднялся один из морпехов, по имени Сэм.

– А ну, всем заткнуться! – скомандовал он. Поднял руку – в ней, как оказалось, он держал кухонную лопатку.

– А что я сказал? – не понял Хьюстон.

– Извини. – Сэм махнул головой в сторону радиоточки, сосредотачиваясь на звуке, точно слепой. – Поймали-таки этого типа.

– Так ещё же перед завтраком об этом сказали. Не новость уже.

– Там ещё кое-что о нём выяснилось.

– Ну и ладно, – бросил Хьюстон.

Он выпил воды со льдом и немного послушал радио, но сейчас у него так трещало в голове, что ни слова было не разобрать.

Через некоторое время вошёл офицер в безразмерной гавайской рубашке, а с ним и молодой азиат.

– Поймали его, господин полковник, – сообщил офицеру Сэм. – Парня зовут Освальд.

Полковник спросил:

– Какой такой ещё Освальд? – казалось, будто фамилия убийцы возмутила его не меньше, чем само злодеяние.

– Ёбаный сукин сын, – ответил Сэм.

– Точно, что сукин, – согласился полковник. – Надеюсь, ему там яйца-то отстрелят. Нашпигуют пулями по самую сраку. – Он без всякого смущения смахнул слезу и продолжал: – А Освальд – это имя или фамилия?

Хьюстон про себя отметил, что сперва этот офицер мочился на землю, а теперь – вот он уже и плачет.

Молодому же азиату Сэм сказал:

– Сэр, мы, конечно, чертовски рады гостям. Но вообще-то филиппинская армия здесь не обслуживается.

– Везунчик у нас из Вьетнама, – ответил полковник.

– Из Вьетнама? Ты что, заблудился?

– Нет, не заблудился, – сказал юноша.

– Этот парень, – продолжал полковник, – уже водит реактивные самолёты. Капитан военно-воздушных сил Республики Вьетнам.

Сэм спросил юного капитана:

– Так что, война у вас там или как? Ну, война: бдыщ-бдыщ-тыдыдыщ! – он изобразил обеими руками, будто держит пистолет-пулемёт, и синхронно затряс ими в воздухе. – Да? Нет?

Капитан отвернулся от американца, сформулировал в уме фразу, отработал, повернулся обратно и проговорил:

– Не знаю насчёт войны. Много людей умерло.

– И этого достаточно, – согласился полковник. – Это уже кое-что.

– А здесь чего делаешь?

– Я здесь для подготовки, летать на вертолёт, – сказал капитан.
– На вид-то тебе и на трёхколёсный велик садиться рановато, – усомнился Сэм. – Сколько тебе?

– Двадцать два года.

– Что ж, поставлю, пожалуй, пивка этому косоглазику. «Сан-Мигель» устроит? Да, не против, если буду звать тебя косоглазиком? Дурная привычка.

– Зови его Лаки, Везунчиком, – посоветовал полковник. – Берём, Везунчик! Чем травиться-то будешь?

Парень нахмурился, с таинственным видом сам с собой посоветовался и произнёс:

– Мне, если можно, «Лаки Лагер».

– А сигареты какие куришь? – осведомился полковник.

– Если можно, «Лаки Страйк», – ответил он ко всеобщему веселью.

Внезапно Сэм воззрился на молодого матроса Хьюстона, будто только сейчас его узнал, и спросил:

– А где моя винтовка?

С секунду Хьюстон не понимал, о чём идёт речь. Потом его осенило:

– Бля!

– Где она? – судя по всему, Сэма она не так уж прямо интересовала, просто было любопытно.

– Бля, – проговорил матрос Хьюстон. – Ща я за ней сгоняю.

Пришлось возвращаться в джунгли. Стояла ровно такая же жара и ровно такая же сырость. Всё те же самые животные производили те же самые звуки, и положение было ровно столь же ужасно, он был вдали от родного дома, и во флоте ещё служить целых два года, и президент, президент его родной страны по-прежнему мёртв – а вот макака куда-то исчезла. Винтовка Сэма лежала в кустах, там же, где он её оставил, а обезьянки нигде не наблюдалось. Видимо, какой-то зверь утащил.

Хьюстон был готов к тому, что придётся опять её увидеть; так что он испытал облегчение – можно было вернуться в клуб и не мучить себя лицемерием плодов своего поступка. И всё же, без особой тревоги или беспокойства, он понимал: навсегда от подобных картин ему не уберечься.

Матроса Хьюстона один раз повысили в звании, а потом снова понизили. Он мельком видел некоторые из больших столичных городов Юго-Восточной Азии, бродил душными ночами по улицам, на которых дрожали в затхлом бризе огни фонарей, но ни разу не оставался на суше достаточно долго, чтобы разучиться переносить качку, лишь достаточно для того, чтобы сбиться с толку, насмотреться на мешанину лиц и наслушаться страдальческого смеха. Когда срок службы истёк, он завербовался на новый, при этом более всего его завораживала власть вершить собственную судьбу, просто вписав в нужную графу свою фамилию.

У Хьюстона имелось два младших брата. Ближайший к нему по годам, Джеймс, записался в пехоту и был отправлен во Вьетнам, и вот как-то ночью, как раз перед окончанием своего второго срока во флоте, Хьюстон сел на поезд от военно-морской базы в японской Ёкосуке до Иокогамы – там они с Джеймсом договорились встретиться в баре «Арахис». Дело было в 1967 году, с убийства Джона Кеннеди прошло уже больше трёх лет.

В вагоне Хьюстон смотрел поверх чёрных как смоль макушек и ощущал себя великаном. Пассажиры – все как один малорослые японцы – разглядывали его без радости, без сожаления, без стыда, пока он не почувствовал, будто ему сворачивают шею. Вот он наконец сошёл с поезда и через вечернюю морось двинулся по прямой вдоль мокрых трамвайных рельсов, ведущих к бару «Арахис». Хьюстону не терпелось поговорить с кем-нибудь по-английски.

Большой зал «Арахиса» был битком набит военными моряками и потёртыми на вид ребятами из торгового флота, в голове сразу стало тесно от гомона голосов, а в лёгких – от сигаретного дыма.

Джеймса Хьюстон нашёл у сцены, протолкнулся к нему и протянул руку.

– Сваливаю я из Ёкосуки, браток! Снова на борт! – объявил он первым делом.

Приветствие потонуло в музыке оркестра – выступал квартет каких-то местных японских подражателей «Битлов» в ослепительно-белых костюмах и с чёлочками. Джеймс сидел в гражданской одежде за небольшим столиком и тупо глазел на музыкантов, не замечая ничего вокруг, так что Билл прицельно запустил ему в открытый рот солёным орешком.

Джеймс указал на оркестр:

– Вот ведь цирк с конями! – чтобы было хоть сколько-нибудь слышно, ему пришлось кричать.

– Ну чё тут сказать? Здесь тебе не Финикс.

– Это почти так же нелепо, как ты во флотской униформе.

– Меня отпустили два года назад, а я на сверхсрочную зачислился. Не знаю – просто взял вот и записался.

– Ты чё, бухой был, что ли?

– Ну да, прибухнул чуток, ага.

Билл Хьюстон был приятно удивлён: брат-то, оказывается, больше не мальчик! Джеймс носил стрижку ёжиком, отчего его челюсть мощно выдавалась вперёд, и сидел ровно, не вертелся и не ёрзал. Даже в штатском платье выглядел как солдат.

Они заказали кувшин пива и сошлись на мнении, что, за исключением немногих странных моментов, вот как этот бар «Арахис», Япония им обоим вполне по вкусу – хоть Джеймс пока и провёл в этой стране в общей сложности шесть часов в перерывах между полётами и наутро уже должен был сесть в новый самолёт и лететь во Вьетнам; по крайней мере, о японцах оба отзывались вполне положительно.

– Я тебе вот чего скажу, – произнёс Билл, когда оркестр удалился на перекур и стало слышно друг друга, – у этих япошек тут всё такое ровненькое и квадратное, как под линейку. Ну а в тропиках, браток, – там одно дерьмо, дерьмо на дерьме сидит и дерьмом погоняет. У каждого мозги давным-давно спеклись и закипели.

– Вот и мне то же самое рассказывают. Думаю, и сам всё узнаю.

– А насчёт того, как там воюется?

– А что насчёт этого?

– Чего говорят?

– Да в основном-то, говорят, всё просто: стреляешь по деревьям, а те отстреливаются в ответ.

– Ну а реально-то как оно? Хреново?

– Думаю, сам всё узнаю.

– Ссышься?

– Я тут во время подготовки как-то видел, как один парень другого подстрелил.

– Да ну?

– Прямо в жопу попал, представляешь?! Но это случайно было.

Билл Хьюстон сказал:

– Это что, при мне как-то в Гонолулу один чувак другого замочил.

– В драке, что ли?

– Ну как, тот гондон другому гондону денег был должен.

– И как это случилось, в кабаке?

– Нет. Не в кабаке. Чувак этот подошёл со двора к его дому, встал под окном, позвал. Мы тогда с ним мимо проходили, вот он и говорит: «Погоди, говорит, мне тут надо с одним

чуваком перетереть, он мне денег должен». Так они с минуту где-то трындели, а потом тот чувак, ну, который со мной-то был, – вот он, значит, взял да и шмальнул в того, в другого-то. Прицелился из пушки прямо в оконную сетку, братан, да и бабахнул разок, вот так. Из сорок пятого автоматического, да. А тот чувак вроде как на спину хлопнулся у себя там в квартире.

– Да ты гонишь!

– Нет. Всё по-честному.

– Серьёзно, значит? Ты сам при этом был?

– Да мы просто шлялись себе без дела. У меня и в мыслях не было, что он собирается кого-то завалить.

– Ну а ты-то чё?

– Да я-то едва в штаны не наделал со страху. А он оборачивается, суёт пушку под рубашку и такой: «Эй, идём-ка опрокинем по пивчанскому!» Словно ничего и не было.

– И как же ты всё это... прокомментировал?

– Да как-то вообще не возникло желания об этом упоминать.

– Понимаю – ну типа, бля, чё тут скажешь-то?

– Можешь не сомневаться, я всё гадал, что он думает обо мне как о свидетеле. Я ведь почему тогда рейс пропустил-то? Да потому что он был в команде, вот почему! Если б я с ним тогда вышел, то все восемь недель глаз бы не сомкнул.

Братья одновременно отхлебнули из кружек, а потом принялись рыться в закромах памяти, ища, о чём бы поговорить.

– Когда этого парня в жопу-то подстрелили, – нарушил молчание Джеймс, – его сразу шок хватил.

– Блин. Тебе сейчас сколько лет?

– Мне?

– Ну да.

– Почти восемнадцать, – ответил Джеймс.

– Тебя что же, семнадцатилеткой на службу приняли?

– Не-а. Я ж годов накинул!

– Так ты ссышься?

– Ага. Ну, не прямо всё время.

– Не всё время, говоришь?

– Я ведь пока ещё боя не видел. А уже хочется – ну, знаешь, чтоб по-настоящему, чтоб вот реальное мясо. Вот хочется, и всё.

– Большой маленький засранец!

Музыканты вновь заиграли – на этот раз песенку группы «Кинкс» под названием «Ты меня просто покорила»:

Ты меня просто покорила...

Ты меня просто покорила...

Ты меня просто покорила...

Вскоре два брата повздорили – просто так, без особенного повода, – и Билл Хьюстон пролил пиво из кувшина прямо на колени посетителю за соседним столиком – там сидела молоденькая японка, которая с грустным и униженным видом втянула голову в плечи. С ней была её подруга и два юнца из Америки – два сопливых гардемарина, которые даже не поняли, как на такое стоит реагировать.

Пиво закапало на пол, а Джеймс неловко поставил пустой кувшин и промямлил:

– Ну, бывает иногда. Бывает, чё уж тут...

Девушка даже не пошевелилась. Так и сидела, уставившись на свои мокрые колени.

– Да чё с нами не так-то, – спросил Джеймс брата, – испорченные мы, бля, какие-то или чё? Как вместе ни соберёмся, так и случается какая-нибудь петрушка!

– Знаю.

– Проёб какой-нибудь.

– Да, обязательно что-нибудь пойдёт через жопу, знаю. Мы ведь одна семья.

– Одна кровь.

– Вот эта вот хуйня для меня уже ни хрена не значит.

– Ну, что-то, должно быть, значит, – настойчиво заметил Джеймс, – иначе зачем бы тебе трястись всю дорогу, чтобы встретиться со мной в Иокогаме?

– Ага, – согласился Билл, – в баре «Арахис».

– В баре «Арахис»!

– И зачем бы мне было опаздывать на корабль?

– Ты опоздал на корабль? – удивился Джеймс.

– Должен был быть на борту сегодня в четыре.

– Ты уже совсем опоздал?

– Может, он всё ещё здесь. Но, боюсь, из гавани они уже вышли.

Билл Хьюстон почувствовал, как на глаза навернулись слёзы, горло вдруг сдавило внезапным приливом чувств – по поводу своей собственной жизни и по поводу этой земли, где все ездят по левой стороне.

Джеймс сказал:

– Ты мне никогда не нравился.

– Да знаю я. Ты мне – тоже.

– И ты мне.

– Я всегда считал, что ты мудака с маленьким членом, – признался Билл.

– Я тоже всегда тебя ненавидел, – ответил брат.

– Боже мой, я дико извиняюсь, – обратился Билл Хьюстон к японке.

Вынул из бумажника какую-то купюру – сто йен или тысячу йен, он не разглядел – и кинул на залитый пивом столик. – Я последний год служу во флоте, – объяснил девушке Билл. Он бы бросил ей и больше, но бумажник был пуст. – Я переплыл океан и умер. С тем же успехом они могут привезти назад мои сухие кости. Я теперь совсем другой человек.

* * *

Ноябрьским днём 1963 года, через сутки после вероломного убийства Джона Кеннеди, капитан Нгуен Минь, юный пилот военно-воздушных сил Республики Вьетнам, нырял с маской и трубкой прямо с берега острова Гранде. С недавних пор это стало его страстью. Испытываемое впечатление было сродни тому, что чувствуют птицы в полёте, было здорово парить над раскинувшимися внизу просторами, двигаясь при помощи собственных конечностей, на самом деле лететь, а не пилотировать машину. Перепончатые ласты, пристёгнутые к ногам, помогали отталкиваться от воды, пока он скользил над многочисленной стаей рыб-попугаев – они кормились на рифе, тысячами клювиков барабанили по кораллу, как дождевые капли по крыше. Американские военморы любили позаниматься дайвингом, как с аквалангом, так и без, раздербанили все кораллы и сделали рыбу пугливой, так что вся стая растворилась в мгновение ока, стоило ему только проплыть мимо.

Пловец из Минья был никудышный, и сейчас, когда рядом никого не было, он мог позволить себе в полной мере испытать тот страх, который чувствовал в действительности.

Всю прошлую ночь провёл он с проституткой, оплаченной полковником. Девушка спала на полу, а Минь – на кровати. Он её не хотел. Не доверял он этим филиппинкам.

Потом, уже сегодня, поздним утром полковник и Минь пошли в клуб и узнали, что президента Соединённых Штатов Америки Джона Фицджеральда Кеннеди зверски убили. Филиппинки всё ещё были с ними, и две проститутки подхватили полковника под крепкие руки и поддерживали его перпендикулярно земле, пока он обретал контроль над своим удивлением и горем. Всё утро сидели они за столиком и слушали новости. «Боже мой, – твердил полковник, – боже мой». После полудня он прибодрился и без усталости вливал в себя пиво. Минь пытался не слишком напиваться, но отказываться было невежливо, и голова у него в итоге пошла кругом. Девушки исчезли, потом вернулись; под потолком крутился вентилятор. К ним подсел совсем молоденький флотский новобранец, и кто-то спросил у Миня, в самом ли деле где-то во Вьетнаме ведётся война.

В эту ночь полковник захотел обменяться девочками, и Минь решил довести до конца то, что не доделал прошлой ночью, – просто чтобы порадовать полковника и показать ему свою искреннюю благодарность. В конце концов, вторая из девушек нравилась ему больше. На его взгляд, она и выглядела посимпатичнее, да и по-английски говорила получше. Но девушка попросила не отключать кондиционер. Он же хотел его вырубить. При работающем кондиционере нельзя было разобрать ни звука. Ему нравилось, когда окна открыты. Нравилось слушать стук насекомых в оконные сетки. В его родном доме в дельте Меконга, да даже и в доме его дяди в Сайгоне таких сеток не имелось.

– Чего хочешь? – спросила девушка. Она его явно презирала.

– Не знаю, – ответил он. – Раздевайся.

Они разделись и легли рядом в темноте на двуспальную кровать, а больше не делали ничего. Было слышно, как в одной из соседних хижин какой-то американский моряк что-то громко рассказывает своим приятелям – видимо, травит байки. Минь не понимал ни слова, хотя свой уровень английского считал довольно сносным.

– У полковника большой, – проговорила девушка, поглаживая ему член. – Вы с ним друзья?

– Не знаю, – сказал Минь.

– Не знаешь, друзья вы с ним или нет? Почему ты с ним?

– Не знаю.

– Когда ты с ним познакомился?

– Всего неделю или две назад.

– Что он за человек?

– Не знаю, – буркнул Минь. Прижал девушку к себе, чтобы та перестала копошиться у него в паху.

– Хочешь просто тело-к-телу? – спросила она.

– Что это значит?

– Просто тело-к-телу.

Девушка встала и закрыла окно. Пощупала ладонью кондиционер, но не стала трогать кнопки на пульте.

– Дай сигарету, – потребовала она.

– Нет. У меня нет сигарет, – отозвался он.

Филиппинка натянула через голову платье, надела сандалии. Нижнего белья она не носила.

– Дай мне пару четвертаков.

– Что это такое?

– «Что это такое?» – передразнила она. – «Что это такое?» Дай пару четвертаков. Ну дай пару четвертаков!

– Это деньги? – спросил он. – Сколько?

– Дай пару четвертаков, – повторяла девушка. – Посмотрим, продаст ли он мне сигарет – пачка для меня и пачка для сестры. Два пачки.

– Полковника попроси, у него есть, – сказал он.

– Один «Винстон». Один «Лаки Страйк».

– Извини. Сегодня ночью что-то прохладно.

Минь встал и оделся. Шагнул за дверь. Услышал, как девушка у него за спиной тихонько возится со своим кошельком, раскладывает на столе его содержимое. Вот она хлопнула в ладоши, потёрла руки, мимо него сквозь открытое окно пронеслось облачко парфюма, и юноша втянул его в ноздри. В ушах зазвенело, глаза затуманились слезами. Минь прочистил горло, понурил голову, сплюнул себе между ступней. Он тосковал по родине.

Когда Минь впервые вступил в ВВС, а потом в возрасте всего семнадцати лет его перевели в Дананг на курсы подготовки офицерского состава, несколько недель он каждую ночь плакал в подушку. Теперь он летал на реактивных самолётах уже почти три года с тех пор, как ему исполнилось девятнадцать. Два месяца назад Миню стукнуло двадцать два, и юноша был готов и дальше вылетать на задания, пока одно из них не станет для него последним.

Он сел в шезлонг на крыльце, наклонился вперёд, упёрся локтями в колени, закурил – у него вообще-то была пачка «Лаки Страйка», – и тут из клуба вернулся полковник, обнимая обеих девушек. Нынешняя партнёрша Миня радостно размахивала пачкой сигарет.

– Значит, сегодня ты исследовал солёные глубины?

Минь не был уверен, что правильно понял полковника. Но ответил:

– Да.

– Бывал когда-нибудь в тех туннелях?

– Что это – в туннелях?

– Туннели, – объяснил полковник. – Сеть подземных ходов по всему Вьетнаму. Спускался когда-нибудь в эти штуки?

– Ещё нет. Не думаю.

– Я тоже, сынок, – сказал полковник. – Интересно, что там внизу.

– Не знаю.

– Вот и никто не знает.

– Туннелями пользуются парработники, – сказал Минь. – Из Вьетминя.

Видимо, полковник теперь вновь горевал о своём президенте, потому что проговорил:

– Вот так вот, был красавец-мужчина, а мир его взял да и выплюнул, как какую-нибудь отраву.

Минь уже заметил: с полковником можно долго говорить, не понимая, что тот пьян.

Он познакомился с ним всего несколько дней назад у входа на вертолётную ремонтную площадку базы Субик, и с тех пор они почти никогда не разлучались. Полковника ему не представили – тот сам себя представил, – и Миня ничто официально к нему не привязывало. Вместе с десятками других временно расквартированных офицеров их разместили в казармах заброшенной воинской части, которую, по словам полковника, построило для каких-то своих нужд, а потом вскоре покинуло американское Центральное разведывательное управление.

Минь знал, что полковник из тех людей, к которым стоит держаться поближе. У юноши вошелся обычай сортировать людей, события, ситуации на сулящие удачу и неудачу. Он пил «Лаки Лагер», курил «Лаки Страйк». Полковник так его и звал – Лаки, Везунчиком.

– Джон Кеннеди был красавец-мужчина, – повторил полковник. – Это-то его и погубило.

1964

На своём японском мотоцикле «Хонда-30» Нгуен Хао, одетый в классические брюки и рубашку с укороченным рукавом, в солнечных очках и с тающим на волосах бриолином благополучно добрался до храма Новой Звезды. Ему выпала печальная участь служить единственным представителем своей семьи на погребении племянника жены. Сама жена Хао лежала дома с простудой. Родители юноши давно уже скончались, а брат выполнял лётные задания для ВВС.

Хао оглянулся – где-то там, позади, он ссадил своего друга юных лет по имени Чунг Тхан, которого все называли Монахом и который при разделе страны ушёл на север. Хао не видел Монаха уже целое десятилетие – вплоть до этого дня, а теперь он уже скрылся: соскочил с байка задом, снял сандалии и босиком зашлёпал по тропинке.

Хао бережно пронёс мотоцикл над чем-то, напоминающим лужу, а когда добрался до рисовых чеков, спешился и с величайшей осторожностью повёл машину вдоль канавок. Одежду непременно нужно было сохранить в чистоте; а ещё, видимо, здесь же предстояло и переночевать – вероятно, в классной комнате, примыкающей к храму. Деревня лежала не так далеко от Сайгона, и в лучшие времена он скатался бы домой по темноте, но опасная зона успела так расшириться, что теперь ездить после трёх часов по просёлочным дорогам, ведущим к трассе № 22, было рискованно.

Соломенную циновку он постелил на земляном полу прямо у входа в классную комнату, чтобы потом ночью было легче найти свою постель.

Среди череды хижин не наблюдалось никаких признаков жизни – только бродили в поисках корма куры да кое-где в дверных проёмах неподвижно сидели старухи. Хао сдвинул деревянную крышку бетонного колодца, опустил ведро и вытянул из тьмы себе воды – напиться и ополоснуться. Колодец был глубокий, вырытый бурильной установкой. В пригоршню, а затем и в лицо плеснула прозрачная студёная вода.

Из храма не доносилось ни звука. Наверно, учитель задремал. Хао вкатил мотоцикл внутрь: храм был отделан необработанной древесиной, сверху – крыша из керамической черепицы, снизу – земляной пол, площадь – где-то пятнадцать на пятнадцать метров, немногим более, чем нижний этаж в его собственном сайгонском доме. Предпочтя не тревожить учителя, Хао развернулся и вышел ещё до того, как глаза привыкли к полумраку, но сырые испарения от пола в сочетании с ароматом благовонных палочек уже пробудили в нём воспоминания детства – пару лет Хао послушничал при этом храме. Он чувствовал, как из тех времён к нему всё ещё тянется незримая нить, привязанная к некой грусти – та, правда, себя никак не проявляла и быстро изглаживалась из памяти. В большинстве своём эти переживания перекрывались другими событиями его жизни.

К этому ощущению примешивалась смутная тоска из-за нелепой кончины племянника. Уму непостижимо! Впервые услышав о ней, Хао предположил, что парнишка погиб от несчастного случая при пожаре. Однако на самом деле он сжёг себя заживо – за недавнее время подобным же образом поступили два или три монаха более преклонных лет. Но те, другие, совершили самоубийство на улицах Сайгона, у всех на глазах, – в знак протеста против хаоса войны. К тому же они были уже стариками. А Тху исполнилось всего двадцать, и поджёт он себя в кустах за деревней в ходе одиночной церемонии. Неизъяснимое безумие!

Когда учитель проснулся, он вышел на улицу не в мантии, а в одежде для полевых работ. Хао встал и склонил голову, а учитель в ответ отвесил очень глубокий поклон; это был невысокий мужичок с широкой грудью и худыми как палки конечностями, а голову его покрывала короткая щетина – у Хао пронеслась мысль, что, по всей вероятности, брил его именно Тху. Покойный бедняга Тху!

– После обеда я собирался взяться за мотыгу, – сказал учитель. – Рад, что ты меня остановил.

Они сели на храмовом крыльце и завели учтивую беседу; когда припустил шумный ливень, переместились в дверной проём. Учитель, по-видимому, решил, что на роль вступительной светской болтовни вполне сойдется дробный стук капель, потому что, едва дождь закончился, немедленно заговорил о гибели Тху и о том, как она его озадачила.

– Но она же и привела тебя обратно к нам. Всякий кулак свой подарок хватает.

– В храме очень мощная атмосфера, – ответил Хао.

– Ты всегда казался здесь каким-то неуверенным.

– Но я следую вашему совету. Я превратил сомнение в зов.

– Это лучше сформулировать несколько иначе.

– Таковы были ваши слова.

– Нет. Я говорил, что ты должен разрешить сомнению стать зовом, должен дать ему волю. Я не советовал, чтобы ты превратил одно в другое, а только чтобы ты позволил этому случиться. Пусть твое сомнение станет твоим зовом. Тогда твое сомнение сделается невидимым. Ты будешь жить внутри него, как мы живём внутри слоя воздуха.

Учитель протянул юноше ломтик тямпуя¹, но Хао отказался. Тогда он сам сунул в рот сладко-солёный сушёный фрукт и, сдвинув брови, принялся энергично пережёвывать.

– К нам на службу собирается явиться некий американец.

– Я его знаю, – сказал Хао. – Полковник Сэндс.

Учитель ничего не ответил, и Хао почувствовал, что надо продолжить:

– Полковник знает моего племянника Миня. Они познакомились на Филиппинах.

– Так он мне и сказал.

– Вы встречались с ним лично?

– Он уже приходил сюда несколько раз, – сказал учитель. – Искал возможности познакомиться с Тху. Думаю, человек он добрый. Или, по крайней мере, добросовестный.

– Он интересуется духовными практиками. Хочет изучить технику дыхания.

– Его дыхание пахнет мясом скота, сигарами и алкоголем. Ну а что насчёт тебя? Продолжаешь ли ты наблюдать за дыханием?

Хао не ответил.

– Продолжаешь практиковаться?

– Нет.

Учитель выплюнул косточку от тямпуя. Из-под крыльца пулей вылетел худющий-прехудющий щенок, жадно проглотил её, содрогаясь всем телом, а затем исчез – мгновенно, будто испарился.

– Во сне, – молвил старец, – собаки путешествуют между этим миром и потусторонним. Во сне они навещают и прошлые жизни, и будущие жизни.

Хао сказал:

– Американцы собираются навести здесь какие-то свои порядки, много чего разрушить.

– Откуда тебе знать? – вопрос прозвучал очень бестактно, но даже не получив от Хао ответа, учитель упорствовал: – Это американцы тебе сами сказали?

– Мне рассказал брат Тху.

– Минь?

– Наша авиация тоже будет в этом участвовать.

– Юный Минь станет бомбить свою родную страну?

– Минь не водит бомбардировщики.

¹ Тямпуй – сушёный и засолённый плод одной из разновидностей сливы, растущей в Юго-Восточной Азии. (Здесь и далее прим. перев.)

– Но ведь авиация будет сеять здесь разрушения?

– Минь велел мне увезти вас отсюда. Большого я вам не открою, так как это всё, что я знаю.

На самом-то деле Хао было жутко пересказывать более подробные сведения. Да и кому угодно было бы жутко. Уж учитель-то точно ужаснулся бы. Тогда Хао сменил тему:

– Видел только что Монаха. Приходил ко мне домой и просил дать ему денег. Потом я подвёз его сюда на заднем сиденье мотоцикла.

Учитель разглядывал его, не говоря ни слова. Да, Хао знал, что учитель, должно быть, получил какие-то известия от Чунга.

– Как давно вы с ним виделись?

– Недавно, – признался старец.

– Как давно он вернулся?

– Кто знает? Ну а ты? Сколько вы с ним не виделись?

– Многие годы. Он теперь говорит с северным произношением, – Хао осёкся, чтобы не сболтнуть лишнего, и опустил глаза.

– Ты видел его, и теперь ты встревожен.

– Он приходил ко мне домой. Ему нужны были деньги для высокой цели.

– Для Вьетминя? В городе они не устраивают поборов.

– Раз он попросил, значит, ему приказали. Это же вымогательство. Потом он настоял, чтобы я его подвёз сюда на мотоцикле.

Учитель произнёс:

– Он знает, что он в безопасности. Знает, что ты не выдашь его неприятелю.

– А может, стоило бы? Если Вьетминь добьётся своего, это будет означать разорение моего семейного дела.

– Да и нашего храма, по всей вероятности. Ну а эти чужеземцы разоряют всю страну.

– Не стану же я давать деньги коммунистам!

– Может, передать Чунгу, что у тебя нет денег? Что ты их на что-нибудь потратил?

– На что же?

– Что-нибудь такое, что снимет с тебя все претензии.

– Передайте ему, пожалуйста.

– Скажу просто, что ты сделал всё, что мог.

– Буду очень обязан!

Дымка грядущего утра начала густеть, едва только солнце скрылось на западе за близлежащим холмом, который назывался горой Доброго Жребия. Впрочем, жребий самой горы оказался переменчив. На её вершине сейчас разбивало лагерь американское военно-строительное подразделение – большинство людей подозревало, что там строится постоянная посадочная площадка для вертолётов. До Хао доходили вести, что американцы планируют распылить вдоль трассы № 1 и трассы № 22 какие-то химикаты, чтобы уничтожить там всю растительность. Лишить укрытия сидящих в секрете боевиков – мысль неплохая, думал он. Но ведь это прекраснейший край на всей земле! Конечно, ныне он объят войной и всяческими бедствиями, но никогда прежде боль этих страданий не поражала саму его землю. Хао не хотел видеть, как её отравляют.

В связи с возможным приездом американского полковника поминки отложили до времени после четырёх часов, но полковник не приехал (наверно, держался сейчас подальше от дорог из-за риска нарваться на засаду), и церемонию продолжили без него. Служба проводилась в храме. Пришли восемь жителей деревни – семь стариков и чей-то внук, все сели при свете свечей вокруг центрального алтаря: там не было покойника, только кучка всевозможных старинных украшений, в основном позолоченных деревянных Будд. Сверху всю эту картину

венчала искрящаяся гирлянда на батарейках, вроде тех, что вешают в солдатских пивных, – плоский диск, на котором двигались по часовой стрелке сменяющие друг друга полосы света. Учитель говорил громко и отчётливо. Так, словно вёл урок. Будто никто из собравшихся ничего этого не знал.

– Мы, вьетнамцы, издавна живём, опираясь на две философские системы. Конфуцианство говорит нам, как себя вести, когда судьба дарует мир и порядок. Буддизм же учит нас принимать судьбу даже тогда, когда та приносит нам кровь и смуту.

Американцы прибыли на закате в джипе с открытым верхом. То ли они не боялись дорог, то ли расположились лагерем вместе с военно-строительным подразделением на горе Доброго Жребия. Дюжий полковник, как всегда в гражданской одежде, сидел за рулём с торчащей между коленей винтовкой и с сигарой в зубах, а сопровождал его какой-то пехотинец армии США, да ещё некая женщина-вьетнамка в белой блузе и серой юбке; женщину он представил всем как госпожу Ван, сотрудницу Информационной службы США.

Они привезли кинопроектор и складной экран – намеревались показать сельчанам часовой фильм.

Полковник Сэндс поклонился учителю, и они на энергичный американский манер пожали друг другу руки.

– Мистер Хао, мы собираемся установить проектор в главном зале, если он не против. Переведите ему, пожалуйста.

Хао перевёл и ответил полковнику, что учитель не видит для этого никаких препятствий. Молоденький солдат наладил механизм, протянул провода, поставил четыре шезлонга («Для пожилых», – пояснил полковник), а также установил в нескольких метрах за деревянными стенами храма небольшой генератор, который наполнил долину гудением и провонял всю округу выхлопными газами. Хао объяснил, что им с учителем надо навестить больного односельчанина, но как-нибудь потом они постараются прийти и посмотреть хотя бы отрывок. Полковник сказал, что он всё понимает, но Хао не был в этом так уверен. И вот спустились сумерки, а за ними – темнота, и когда стало очевидно, что не придёт вообще никто, полковник Сэндс попросил показать кино хотя бы для себя самого. Киноаппарат, подпитываемый от шумящего генератора, залил храм сверкающими огнями, гулким утробным голосом диктора и пронзительной музыкой. Фильм назывался «Молниеносные годы, громовые дни» и повествовал о скоротечной, трагической и героической жизни президента Джона Фицджеральда Кеннеди. Американец-солдат и госпожа Ван тоже сели смотреть. Госпожа Ван приехала, чтобы переводить для зрителей закадровый текст, но, само собой, в этом не было нужды. Полковник сказал, что фильм идёт сорок пять минут, и вот за пять минут до конца Хао с учителем под покровом темноты прокрались внутрь и присоединились к американцам – старец расположился на своей подушечке во главе комнаты, за переносным экраном, откуда ему, по сути, было ничего не видно, а Хао – на стуле рядом с молоденьким солдатом. Госпожа Ван, сидя подле полковника, скользнула по Хао взглядом, но, видимо, решила, что тот справится и без перевода. На самом деле он не справлялся. Чтобы угадывать смысл речи на английском, ему обычно нужно было видеть мимику и жесты. Да и вообще, голос в записи перекрывался сочным басом полковника – тот сидел, скрестив руки на груди и сжав кулаки, и сокрушённо разговаривал сам с собой, комментируя красочную картинку; когда музыка усилилась, а на экране появилось приближенное изображение вечного огня на могиле Кеннеди – приземистого факела, который американцы намеревались сохранить неугасимым навсегда, – полковник сказал:

– Вечный огонь! Вечный? Если можно убить человека, так, ясен пень, можно убить и его огонь. Вот ведь в чём штука: в конечном-то итоге все мы там будем. В конце концов все будем гнить в сырой земле. Скажем откровенно, вся наша цивилизация – не более чем слой осадка. И вот представьте себе: в конце концов какой-нибудь безродный варвар просыпается поутру и становится одной ногой на камень, а другой – на сбиту с постамента вазу из-под вечного огня

Кеннеди. И ваза эта мёртвая и холодная, а этот сучёныш даже и не отдаёт себе отчёта, что там у него под ногами. Он-то всего лишь поссать вышел с утра. Вот я когда просыпаюсь поутру да выхожу из палатки, чтобы выпустить газы да опорожнить мочевой пузырь, – как знать, на чью могилу тогда я ссу?.. Мистер Хао, не слишком ли я быстро говорю по-английски? Понятно ли излагаю мысль?

Хао понял, что имеет в виду полковник, и хотел согласиться, мол, да, это всё просто вода, которая стекает в моря и в океаны, и лишь то, что мы делаем в настоящий момент, может спасти нас от... Но его словарный запас позволил только пробормотать:

– Это правда. Я тоже так думаю. Да.

Однако в этот миг обоих отвлекла небольшая то ли крыса, то ли лягушка, которая дерзко запрыгнула в комнату через входную дверь. Полковник поразил Хао своей реакцией на это вторжение: всем телом вдруг яростно навалился на щуплого вьетнамца и толкнул его назад вместе со стулом, так что Хао приложило затылком о плотно утрамбованный земляной пол и его взгляд вдруг заволокло волной боли, будто где-то в мозгу взорвалась бомба, начинённая ледяными иголочками. Потом зрение прояснилось, а предмет – ибо это был не какой-то там грызун, а именно неживой предмет – остановился всего в метре от его лица, и он понял, что это, наверно, граната: это – его погибель. Вот на гранату с хлопком что-то опустилось. Это солдат накрыл её своей каской, потом пригнулся сам, не поспешно, а как будто с неохотой, и навалился на каску собственным телом, уставившись сначала в землю, а потом – Хао в лицо, лёжа всего в паре дюймов, так что ясно можно было прочесть ужас у него в глазах, пока он так свёртывался в клубок над своей погибелью. На несколько томительных секунд повисло оглушительное безмолвие.

Безмолвие всё не кончалось. Ещё несколько томительных секунд. Солдат не изменился в лице и так и не выдохнул, но во взгляд вернулась осмысленность, и теперь он смотрел на Хао с некоторой долей понимания.

Хао осознал, что полковник лёг ему поперёк груди – бросился на него ровно так же, как солдат бросился на каску. Осознал, как болят у него лодыжки и голова от немалого полковничьего веса. Хао отчаянно всасывал кислород, он задыхался. Тут уже и солдат выпустил струю воздуха, который всё это время удерживал в лёгких. Наконец полковник опустил ладони на пол по обе стороны от плеч вьетнамца, перевалился на колени, и Хао всё-таки удалось вдохнуть.

Полковник поднялся – тяжело, как глубокий старик, – и нагнулся, чтобы взять солдата за руку.

– Всё нормально, сынок.

Солдат словно оглох.

– Вставай. Вставай, сынок. Ну, давай же, сынок. Вставай.

Парнишка, обнаруживая в теле признаки жизни, пересилил собственный шок и перекатился на спину. Полковник же стремительно отшвырнул каску, подобрал ручную гранату, метнул её движением из-под себя в открытую дверь, но она ударилась о стену и долетела лишь до порога, и тогда он буркнул:

– А пошло оно всё к чёрту!

Приблизился, нагнулся, крепко ухватил гранату и решительно направился к колодцу. Отодвинул крышку и запустил снаряд в его глубины. Затем вернулся к зданию и вырубил генератор.

Все остальные выбежали за ним – что было, пожалуй, несколько опрометчиво. Госпожа Ван устремилась к солдату, лопоча что-то по-английски, и хлопотливо, почти истерично принялась отряхивать ему рубашку и брюки, как будто пыталась затушить пламя. Покончив с ним, она взялась за Хао, обмахивая ему спину.

– Это нехорошие люди, – сказала она опять-таки по-английски. – Вот что происходит с этими ужасными людьми.

Из храма вышел учитель. Со своего места за экраном он почти ничего не видел. Когда Хао рассказал о гранате, старик отступил от края колодца на два широких шага.

Полковник сказал:

– Слушайте, я дико извиняюсь. Колодец просто первым в голову пришёл.

Хао перевёл извинения полковника, а затем – ответ учителя:

– Думаю, это не опасно.

– Если эта граната взорвётся, она всю воду вам взбаламутит.

– Потом вода снова успокоится, – проговорил учитель.

– На вид эта штуковина довольно глубокая. Она ведь из бетона?

Хао подтвердил:

– Да, бетонная постройка.

– Выглядит по первому разряду!

– По первому разряду?

– Очень качественно сработано.

– Да-да. Его построил швейцарский Красный крест.

– Это когда?

– Не знаю.

Полковник прикинул:

– Услыхали, наверно, как гудит этот чёртов генератор, как думаете?

Хао в ответ только поджал губы.

Гости загрузили своё оборудование в машину и связались по радио с лагерем на горе Доброго Жребия, а Хао почтительно отошёл в сторонку.

– Переберёмся на высоту, – сказал полковник.

– Правильно. Там безопаснее, – согласился Хао.

Через несколько минут прибыл патруль из трёх джипов с множеством солдат, и автоколонна с рёвом укатила в ночь.

Хао пробрался в классную комнату и ощупал стену в поисках гвоздя. Разделся, повесил рубашку и брюки, развернул руками циновку, раскатал два метра холстины, чтобы укрыться от комаров. Учитель в храме слышал из-за стены его копошение и пожелал спокойной ночи. Хао негромко ответил и в крошечной темноте растянулся на постели в шортах и майке.

Что же до этого полковника – Хао ещё ни разу не видел его в форме. Это казалось вполне логичным. Порой все американцы представлялись ему гражданскими лицами, хотя из американцев за всю свою жизнь он сталкивался только с государственными служащими, военными да парой миссионеров. Точно так же он привык думать об американцах как о ковбоях. Отвага молоденького солдата его прямо-таки потрясла. Может, и хорошо, что они пришли во Вьетнам?

Но даже через стену он чувствовал, как учитель злится на себя за то, что связался с полковником. Американцы притягивают, восхищают, но в конечном итоге они – всего лишь очередная орда иноземных кукловодов. Занавес опускается за французами, потом поднимается, и вот теперь на сцене уже другое кукольное представление – на сей раз американское. Но кончилось время рабов и безвольных марионеток! Тысяча лет под игом Китая, потом времена французского господства – все они миновали. Отныне начинается свобода.

Хао тихонько обратился к учителю. Пожелал ему добрых снов. Самому же ему не спалось. Всё нутро пронизывал жгучий страх. Что, если из тьмы выкатится вдруг новая граната? Стараясь уловить шаги возможных убийц, он слушал, как живут своей жестокой жизнью джунгли, слушал многоголосый гул насекомых – столь же громкий, как шум города в полдень. На всём лежало проклятие. Жена больна, племянник мёртв, а войнам никогда не будет конца. Хао нащарил ногами сандалии, вышел к колодцу, впотьмах напился воды из жестянки и немного успокоился. Ничто ему не навредит! Он пожил всласть, познал любовь, видел много добра от мира. Счастливая жизнь!

* * *

Вкатив в храм снаряд, Чунг повернул назад, как можно тише миновал ряд хижин и выбежал на лесную тропу. Лишь через несколько метров замедлил шаг и прислушался. Голоса, какая-то возня. Однако взрыва не было.

Минута... две минуты... Если взрыв и прогремел, он мог не заметить его из-за биения собственного пульса в ушах.

Так Чунг стоял посреди узкой колеи, обхватив себя руками за туловище – как бы капля за каплей выжимая из себя горе. Он не ожидал, что рядом с американцами будут сидеть эти дураки. А не плакал он уже долгие годы.

Если бы я их и в самом деле убил, тогда, может, и плакал бы меньше.

Чунг выплакался, и ему полегчало. Как там говорят старухи: «Орошай слезами землю, гуще будет урожай». В молодости он плакал немало и по множеству причин. Но с тех пор – практически ни разу.

Двинулся дальше по тропе. В Сайгоне ему дали только одну гранату – вот эту. Что ж.

Ему велели ждать американца из гражданских, который привёз кинопроектор. Дали конкретную цель. Он как-то не спросил, почему бы тогда не послать хорошего стрелка с винтовкой. Догадывался, что гибель американца задумывали списать на несчастный случай.

Пришлось срезать путь и спуститься к ручью, чтобы обойти хутор, где жили не в меру брехливые собаки. Идя вниз по течению, он добрался до дома главы местной парторганизации. Жильцы спали. В крохотном огороде позади дома он присел на корточки, привалился копчиком к стволу дерева и зарылся лицом в колени. Отдых длился два часа.

Чунг не знал, зачем попросил своего старого друга Хао о пожертвованиях. Вступать в какие бы то ни было контакты указаний ему не давали. Впрочем, вряд ли имело смысл копаться в собственных побуждениях.

Сразу же после второго крика петуха Чунг разбудил парторга и сообщил о своём провале. Ему вручили китайский автомат «Тип-56», две обоймы по тридцать патронов в каждой и приказали возвращаться в лагерь у реки Ванкодонг, где из разношерстного сброда формировался «потерянный отряд» партизан из секты хоахао². Они объявили себя готовыми к передислокации и идеологической обработке.

– С ними были какие-то трудности? – спросил он парторга.

– Им никто не навредил. Ты не встретишь никакого сопротивления.

– Ладно. Держите оружие наготове. Только дайте мне фонарик.

Вода в реке стояла высоко. Чунгу пришлось проделать неблизкий путь до брода выше лагеря, перейти и шагать назад вниз по течению в общей сложности пять или шесть километров.

Подойдя к аванпосту – шалашу из банановых листьев и бамбука, – он условленно ухнул филином, но никто не ответил.

Тропинка привела к чёрному изрытому пятачку у реки, бывшей рыночной площади. Местное население выкосила в своё время какая-то эпидемия, а окружающие строения позднее ритуально сожгли по рекомендации практикующего врача (а больше – из суеверного страха). Однако поблизости по-прежнему стоял небольшой амбар, и теперь он служил казармой.

Молодые ребята собрались за постройкой – хоронили кого-то из боевых товарищей. Его жизнь, пояснили они, оборвалась из-за двухнедельного приступа малярии. Покойника раздели. Положили в раскрытый рот по рисовому зёрнышку, опустили обнажённого юношу в могилу

² Хоахао – ответвление буддизма, возникшее в 1939 году в южновьетнамской деревне с таким же названием. С самого возникновения отличалось радикализмом и склонностью к вооружённой борьбе.

глубиной метра в полтора без какого-либо подобия гроба и забросали её желтоватыми комьями сырой земли.

Чунг наблюдал, стоя в сторонке, и отмахивался от мух. Где-то на минуту ребята молча застыли над холмиком. Наконец один проронил:

– Плохо дело. Вот и ещё один от нас уходит.

Все они были молоды, некоторые – ещё совсем подростки. Их группировка никогда не входила во Вьетминь. Это были невежественные горцы с хребта Бадён, которые даже хоронить мертвецов толком не умели.

Когда управились с погребением, Чунг встал с ребятами во дворе казармы, чтобы обратиться к ним с речью, но смог лишь повторить то, что ранее было сказано другими:

– Мы можем достать вам лекарство от малярии. Возможно, удастся переселить вас на север, в сельскохозяйственную артель – мы зовём её «колхозом», и там вы заживёте в мире и покое. Но если хотите продолжить борьбу, мы можем найти вам лучшее применение. Мы – сплочённая команда. У нас железная организация. Мы как единый крепко сжатый кулак, который, когда надо, скрывается в рукаве. Наша воля непоколебима. Наша воля – это наше оружие. Против нас не устоять и величайшим армиям колонизаторов. Мы прогнали французов – так прогоним и американцев, убьём и закопаем в землю их ставленников. Они трубят о своих победах? Пусть себе трубят. Захватчики воюют с океаном. Неважно, сколько волн они поразят, океан нашей решимости никуда не денется. Хотите ли вы быть свободными? Личная свобода – это всенародная свобода. Люди, которые возглавляли вас изначально, это знали, они впитали эту мысль вместе с учением хоахао, и вот как далеко они вас завели! Теперь же вы должны пойти с нами и идти до самого конца – который на самом деле и есть то начало, о котором мы все мечтали, заря нашей всенародной свободы.

Впервые с тех давних пор, как перестал ходить в школу, Чунг говорил и не понимал своих собственных слов.

Его послали сюда потому, что какое-то время он послушничал при храме Новой Звезды в близлежащей деревеньке. Предполагалось, что он знаком с этими людьми. Это была смешанная компания. Малышами их, оставшихся сиротами, завербовали – вернее, похитили – и увели далеко вверх по реке боевики хоахао; сами они происходили из дельты Меконга, но Вьетминь загнал их в горы. Вожак ребят бросил юных новобранцев или были убиты. Тем временем деревня их предков опустела – сельчан разметала война. Несколько лет ребята прокладывали себе путь всё ниже и ниже по течению Ванкодонга, нигде не находя пристанища, и наконец обосновались вдоль этого участка реки, известного по всей округе своим необычайно заразным штаммом малярии – в этих краях его называли «кровавая моча». Никто их здесь не тревожил, они же один за другим умирали.

Чунг объяснил, что его собственный народ происходит из провинции Бенче, но сам он долгие годы провёл на Севере. Прямо сейчас, до воссоединения, именно на Севере лежало сердце Вьетнама.

– После воссоединения весь Вьетнам будет для нас домом. Миллионы квадратных километров Вьетнама без разделения, без переселения, без разрыва народной ткани. Каждую ночь будем мирно ложиться спать и просыпаться на другое утро тоже в мире. А те из нас, кто умрёт в пути, вот как ваш товарищ, обретут покой в могиле.

«Посмотрите на себя, – думал он, – с рождения и до смерти вас окружают только изгнание, скитание и война».

– А как нам будет жить в колхозе?

– А вы хотите работать? Там у вас будет работа и свобода.

– Но ведь мы уже давно сами по себе. Мы уже и так свободны.

– В колхозе – там свобода совсем другого свойства. («Ну да, ну да, чёрта с два, что за чудовищная ложь! – выругался он про себя. – Лучше умрите, хоть здесь, хоть там, – хотелось

сказать ему, – только держитесь подальше от колхоза».) Пришло время принять вас в формирующийся отряд, который готовится выступить на север. Там, под Баудоном, есть лагерь. Дотуда предстоит далёкий поход. Можем уложиться в сутки, если выступим завтра с самого утра.

– Мы об этом уже говорили, – ответил один из ребят. – Больше ведь нам делать-то и нечего. Пойдём на север. Но сегодня ночью луна холостая. Нельзя нам выходить завтра. Прямо сразу после холостой луны нельзя в путь выходить, примета плохая. Вот мы только что ещё одного бойца потеряли из-за этих плохих примет.

– Малярия случается не из-за дурных примет или по злой воле богов. Её вызывают живые существа – слишком маленькие, невидимые для глаза, ядовитые не меньше змей, но размерами мельче пылинки. Мы зовём этих существ микробами. Послушайте же, мои юные братья. Все мы умираем. Хотите ли вы погибнуть из-за какого-то микроба? Окончательная победа будет слагаться из множества поражений. Хотите ли вы, чтобы вам нанёс поражение микроб? Чем скорее мы выступим, тем лучше.

Они лишь глазели на него – так, словно не понимали. И, вероятно, многие из них в самом деле его не понимали, потому что происходили из края выше по реке, где говорили на различных местных диалектах.

– Мы подумаем, – проронил тот же парень.

Пока они о чём-то друг с другом совещались, Чунг отошёл в сторонку и отвёл взгляд. К нему подошёл всё тот же самый парень и коснулся его руки:

– Завтра выступаем.

– Если вы так решили, – сказал Чунг, – тогда хорошо.

Всю предыдущую ночь отряд провёл на ногах, в заботах о больном товарище. Все устали. Делать было нечего, так что ребята выставили нескольких часовых, а все остальные слонялись вокруг казармы. Чунг присел у стены. Он заметил, что тут и там в соломенной кровле виднеются дыры, заткнутые смятыми пачками из-под сигарет. С пола подъедала мусор стая костлявых кошек.

Один из партизан, одноглазый юноша, приволок целую охапку зелёных кокосов.

– Моя – Моша, – сказал он Чунгу на каком-то из горских наречий и ткнул себя пальцем в грудь.

– Меня зовут, – поправил его кто-то другой.

– Моя зовут Моша, – как смог, повторил парень, повернув голову набок, чтобы Чунг попал в поле зрения его единственного рабочего глаза. Улыбнулся: у него, по обычаю горных племён, были подпилены зубы. С помощью мачете длиной с половину его собственной ноги юноша снял кожуру с верхушек кокосов. Они выпили молоко и осколками скорлупы выскребли рыхлую прозрачную мякоть.

Ему предоставили койку и даже выдали небольшую подушку. Перед Чунгом развернулась картина бивуачной жизни: один человек стоял за дверью на карауле; в казарме же пятеро резались в карты, один наблюдал за игрой, то и дело влезая с советами, а ещё один похрапывал неподалёку. Чунг и сам попытался вздремнуть, но ему не спалось. Он представлял себе, что эти ребята провели таким вот образом уже много дней. Ветер на улице стих. Было слышно, как ворочается между тесных берегов вздувшаяся река. Стемнело. Часовые покинули посты и пришли в казарму ужинать. В общем, казалось, у берега Ванкодонга стоят лагерем не больше пятнадцати тихих, истощённых людей, готовых защититься от любого, кто нарушит их покой, и, похоже, никто из них не понимает, что никому они по большому-то счёту и не нужны.

Костёр, разожжённый для приготовления пищи, дымил всю ночь, чтобы отпугнуть комаров. Чунг спал, натянув бандану на нос и рот. Остальным, видимо, чад в воздухе ничуть не мешало.

Спустя долгое время после сумерек пошёл дождь. Ребята принялись стаскивать имущество на участки, над которыми не протекала крыша, и перекладываться сами, повторяя: «Дви-

гай! Двигай!» Вот они опять легли на новых местах, а по всей поверхности крыши барабанили капли, и повсюду сквозь неё пробивались струи воды. Из-за шума никто не разговаривал. При свете свечей Чунг видел, как их взгляды упираются в пустоту. Однако дух ребят ощутимо поднялся. Послышалось пение, зазвучал смех. Это были хорошие парни. Они всего лишь выполняли свой долг, какая бы перед ними не возникла задача. По мере того как ливень усиливался, они затыкали дыры в потолке всё новыми и новыми сигаретными пачками.

В полночь внутрь прокрались четыре собаки. Не спал один только Чунг. Когда они тихом прошмыгнули в казарму, он поводит фонариком по сторонам. Попав в луч света, собаки выскочили через открытую дверь. Огонёк прорезал дым от костра и заиграл над мужчинами и юношами, спящими кучками по два-три человека. Они лежали вплотную, а их руки свешивались одна на другую и по-домашнему, по-семейному касались друг друга.

На рассвете Чунг выбрался наружу, сел, скрестив ноги, на влажную землю и очистил ум, сосредоточившись на движении воздуха в ноздрях – точно так же он ежеутренне и ежевечерне делал мальчишкой в храме Новой Звезды. Вот уже около года он каждый день снова предавался этому занятию, и не имел понятия зачем. И паршивый же из него коммунист при таких-то духовных практиках! На самом деле он больше не был убеждён, будто кровь и революция служат полезным средством для смены понятий в уме. Кто же это сказал? – кажется, Конфуций: «Как кузнечным молотом не высечь из камня изваяние, так насилием не освободить человеческую душу». Мир здесь, мир сейчас. Мир, обещанный в любое другое время и в другом месте, есть ложь.

Эти четыре ночные собаки – то были не собаки вовсе, а Четыре благородные истины³, преследующие во тьме его лживые речи...

...Так, сбился. Чунг вернул сознание к движению дыхания.

Снова задумался, зачем он попросил Хао дать денег.

А какое было у Хао лицо, когда он меня увидел: прямо как морда у щенка, с которым я повёл себя слишком грубо во время игры. Зверёк стал меня бояться. Я его полюбил. Ах, нет...

...Рано или поздно сознание цепляется за какую-нибудь мысль и увлекается следом за ней в лабиринт, где одна мысль разветвляется на несколько новых. Потом лабиринт проваливается сам в себя, а ты оказываешься снаружи. А внутри ты никогда и был – это только сон.

Он опять сосредоточился на дыхании.

Утро – река скрывается в дымке, а за отдалённые горные пики зацепилось одинокое облако. Слышно, как в казарме возятся ребята, просыпаются, чтобы отметить пышнейшее на свете торжество – ещё один день, проведённый не в могиле. Со слипающимися глазами, завернувшись в одеяла, бредут справить нужду.

– Мои юные товарищи, покуда вы живы, – сказал он им, – узнайте, как пробудиться от этого дурного сна!

Они заспанно взирали на него.

³ Четыре благородные истины – базовые принципы буддизма, сформулированные буддой Шакьямуни: существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания, – Восьмеричный путь.

1965

Как происходило вот уже которую неделю, вечером понедельника Уильям Сэндс по прозвищу Шкип, сотрудник Центрального разведывательного управления США, испытывал себя на прочность, сопровождая совместный патруль армии и полиции Филиппин – те, как всегда, отправились прочёсывать тёмные горные леса в бесплодных поисках незримых людей. В этот раз его друг майор Агинальдо не смог присоединиться к патрулю, а кроме него никто не имел понятия, что делать с американцем. Всю ночь автоколонна из трёх джипов колесила по разбитым дорогам, производя жуткий шум, но не произнося ни слова – патруль, по обыкновению, пытался напасть хоть на какой-то след хукских боевиков⁴ и, по обыкновению, не обнаружил ровным счётом никого и ничего; перед самым рассветом Сэндс вернулся в дом для персонала и обнаружил, что свет не включается, а кондиционер молчит. Третий раз за неделю на местной электростанции случились какие-то неполадки. Он распахнул окна спальни навстречу джунглям и, изнемогая от жары, распластался на постельном белье.

Через четыре часа оконный кондиционер ожил, и Сэндс немедленно проснулся – простыни насквозь промокли от пота. Он проспал, скорее всего, пропустил завтрак, да и на утреннюю гимнастику времени, видимо, тоже не хватит. Наскоро ополоснулся под душем, оделся в брюки защитного цвета и местную тонкую рубашку с коротким рукавом и длинным подолом, называемую «баронг-тагалог», – подарок от его друга-филиппинца, майора Агинальдо.

На первом этаже для него было приготовлено место за пустым (если не считать самого Сэндса) обеденным столом из красного дерева. Лёд в его стакане с водой уже успел подтаять. Рядом лежали утренние газеты – на самом-то деле вчерашние, доставленные с курьерским пакетом из Манилы. Из кухни вышел слуга Себастьян и сказал:

- Доброе утро, мистер Скип. Парикмахер скоро будет.
- Когда?
- Вот уже сейчас.
- Где он?
- На кухне. Хотите сначала завтрак? Хотите яйцо?
- Только кофе, пожалуйста.
- Хотите к яйцу бекона?
- Переживёшь, если я буду только кофе?
- Вам какое яйцо? Обжарить с обеих сторон?
- Ну давай, неси уже.

Он сел за стол перед широким окном, через который открывался вид на безумную картину: двухлуночное поле для гольфа, окружённое девственными джунглями. Этот крошечный военный санаторий – сам дом отдыха, жильё для прислуги, сарай и техпомещение – построили, чтобы обслуживать отпускников из числа сотрудников корпорации «Дель-Монте». Сэндс ещё не встретил никого из «Дель-Монте» и к этому времени уже и не ждал такой встречи. Кажется, кроме него здесь остановились ещё только двое: один – англичанин, специалист по комарам, а другой – немец, в котором Сэндс подозревал специалиста в несколько более зловещей области, возможно, снайпера.

На завтрак – яичница с беконом. Крохотные яйца. Неизменно вкусный бекон. Никакой картошки, один только рис. Никаких тостов, только мягкие булочки. По помещению взад-вперёд сновали филиппинцы в белой униформе – при помощи швабры и тряпки боролись с гря-

⁴ *Хукбалахан* – вооружённое крыло Коммунистической партии Филиппин, с 1942 по 1968 год вёдшее в джунглях острова Лусон партизанскую борьбу сначала против японских оккупантов, а затем против американского империализма и либерально-олигархического правительства Филиппин, которое было признано ими нелегитимным.

зью и плесенью. Через проём в главную комнату на коньках из двух перевёрнутых половинок кокосовой скорлупы проехал молодой человек в одних лишь боксёрских трусах – полировал дощатый пол.

Сэндс прочёл первую полосу газеты «Манила таймс». Бандита по кличке Золотой Мальчик зарезали в гостиной его собственной квартиры. Сэндс внимательно изучил фотографию трупа Золотого Мальчика – тот лежал в банном халате, раскинув руки под каким-то невообразимым углом и вывалив язык между челюстей.

Появился парикмахер – старик с деревянным ящиком, и Шкип предложил: «Пойдём-ка во дворик». Через застеклённую дверь они вышли в патио.

Погода стояла ясная и, казалось, не предвещала ничего дурного. Однако Сэндс с опаской поглядывал на небо. Шесть недель напролёт, с самого его приезда в Манилу в середине июня, лили дожди, а потом в один прекрасный день вдруг прекратились – как обрубил. Это была его первая поездка за границу. Он никогда не покидал пределов Канзаса, пока не погрузил свой красно-оранжевый чемодан, и не погрузился сам в автобус до Блумингтона (штат Индиана), и не отправился учиться в университете; впрочем, несколько раз в детстве и ещё как-то раз подростком бывал он в Бостоне – ездил погостить у родни по отцовской линии, и в последний раз почти всё лето провёл в компании родственников-ирландцев, целого полчища каких-то крупных полицейских чинов и отставных военных: больше всего походили они на свору сторожевых мастифов, а их жёны – на стайку издёрганных пуделих. Они подавляли его своей раскованной вульгарностью и шумливой общительностью, тискали, голубили, словом, всячески проявляли к нему родственные чувства, чего он никогда не ощущал, находясь среди маминой родни со Среднего Запада, у которой было принято относиться друг к другу просто как к знакомым. Отца – жертву перл-харборских событий – помнил он смутно. Ирландские дядья из Бостона подали Шкипу пример того, к чему надо стремиться, наметили форму, которую он заполнит, будучи уже взрослым. Он и не думал, будто её заполняет. Она лишь подчёркивала, как он мал.

Со стороны филиппинцев Сэндс сейчас ощущал ту же теплоту и то же радушие, что и от тех очаровательных миниатюрных ирландцев. Только-только наступила восьмая неделя его пребывания на Филиппинах. Люди ему понравились, а вот климат здешний он возненавидел. Вот уже начинался пятый год, как Сэндс служил Соединённым Штатам в качестве работника Центрального разведывательного управления. И свою родную страну, и это её Управление он полагал овечьими славой.

– Вы мне просто по бокам подкоротите, – сказал он старику. Под влиянием покойного президента Кеннеди он решил позволить своему армейскому ёжику несколько отрасти, а совсем недавно – возможно, под влиянием местных пережитков испанского владычества – начал также отпускать усы.

Пока старик его подстригал, Сэндс ознакомился со следующим авторитетным источником, манильской газетой «Энкуайрер»: в передовице провозглашалось начало серии статей, посвящённых сообщениям филиппинских паломников о всяческих поразительных чудесах – кто-то исцелился от астмы, где-то деревянный крест превратился в золотой, другой крест, каменный, вдруг задвигался сам собою, где-то заплакала фреска с иконой, а другая икона замиrotочила кровью.

Парикмахер поднёс к его лицу зеркало восемь на пять дюймов. Хорошо, что не придётся щеголять новой причёской на виду у всей столицы! Усы пока что существовали только в надеждах, а волосы достигли промежуточного состояния – слишком отросли, чтобы их не замечать, но ещё слишком коротки, чтобы как-то их контролировать. Сколько лет он уже стригся ёжиком – восемь, девять? – с того утра, как прошёл собеседование с вербовщиками из Управления, что явились в университетский городок в Блумингтоне? Оба были одеты в поношенные деловые костюмы и подстрижены ёжиком, как он заметил днём раньше, подглядывая в гостевом поме-

щении факультета за их прибытием – прибытием стриженных ёжиком вербовщиков из Центрального разведывательного управления. Особенно ему было по душе слово «центральное».

Здесь же, в дне езды от Манилы по ужасным дорогам, эта его центральность ощущалась чуть более чем никак. Он читал суеверные газеты. Смотрел, как вьются по оштукатуренным стенам лианы, как расплзается по стенам плесень, как лазают по стенам ящерицы, как забрызгивают стены пятнышки грязи.

Со своего наблюдательного пункта в патио Сэндс засёк, что в воздухе витает некое напряжение, какая-то подспудная вражда между работниками санатория – ему не нравилось думать о них как о «слугах». Это чувство подстегнуло его любопытство. Но, будучи воспитанным в сердце Американского материка, он привык избегать личных разногласий, не замечать косых взглядов, почитать за благо неискренность и сторониться разговоров на повышенных тонах в соседних комнатах.

В патио вышел Себастьян и с довольно взволнованным видом оповестил:

– Здесь кое-кто хочет вас видеть.

– Кто такой?

– Не скажу, если позволите. Они сами скажут.

Но вот прошло двадцать минут, а к нему так никто и не пришёл.

Сэндс покончил со стрижкой, перешёл в прохладную гостиную с отполированным дощатым полом. Пусто. В обеденной зоне – тоже никого, только Себастьян накрывал стол к обеду.

– Здесь кто-то хотел меня видеть?

– Кто-то? Нет... кажется, никто.

– Разве ты не говорил, что у меня посетитель?

– Никого нет, сэр.

– Отлично, спасибо, буду гадать дальше.

Он опустился в плетёное кресло во двореке. Здесь можно было как почитать последние известия, так и понаблюдать, как англичанин-энтомолог, человек по имени Андерс Питчфорк, туда-сюда гоняет длинной клюшкой мяч для гольфа между двух полноразмерных лужаек на крайне тесном поле. Два с чем-то акра газона были тщательно подстрижены и приведены к биологическому единообразию, а ограничивал их высокий забор из металлической сетки, с которым сплетались тёмные и неизведанные дебри окружающей растительности. Питчфорк, сидящий лондонец в брюках до колен и жёлтой банлоновой рубашке, знаток комаров из рода *Anopheles*, проводил каждое утро на этом поле, пока солнце не поднималось над крышей здания и не выгоняло его на работу, которая состояла в искоренении малярии.

Под колоннадой можно было разглядеть немецкого гостя – тот завтракал, сидя в пижаме на личном двореке рядом со своей комнатой. Немец приехал в эти края кого-то убивать – так заключил Сэндс, поговорив с ним от силы дважды. Начальник отдела сопровождал его от самой Манилы и, хотя визит начальника вроде как касался подготовки Сэндса, провёл он всё время с немцем, ну а Сэндс получил указания «оставаться на связи и оставить его в покое».

Что же до Питчфорка, этого эксперта в области малярии с незабываемой фамилией, – он, должно быть, только собирал сведения. Возможно, курировал всяких там мелких агентов, действующих по деревням.

Сэндс любил угадывать, кто чем занимается. Люди то приезжали, то уезжали по каким-то маловразумительным поручениям. В Великобритании это место, вероятно, назвали бы «конспиративной квартирой». Однако в США, в Виргинии, Сэндса выучили, что конспирация никогда не бывает полной. Нигде в море не найти безопасного островка. Полковник, его ближайший наставник, крепко-накрепко вдолбил в головы новобранцам «Подветренный берег» – двадцать третью главу мелвилловского «Моби Дика»:

*Но лишь в бескрайнем водном просторе пребывает высочайшая истина, безбрежная, нескончаемая, как бог, и потому лучше погибнуть в ревущей бесконечности, чем быть с позором вышвырнутым на берег, пусть даже он сулит спасение. Ибо жалок, как червь, тот, кто выползет трусливо на сушу.*⁵

Питчфорк поместил мяч на колышек, выбрал из сумки, лежащей на газоне, клюшку с большой головкой и запустил его через забор, куда-то в глубины зарослей.

Тем временем, если верить «Энквайреру», в море Сулу пираты захватили нефтяной танкер и убили двух членов экипажа. В городе Себу кандидата в мэры и одного из его сторонников изрешетил пулями родной брат этого самого кандидата. Убийца поддерживал соперника брата – их отца. А губернатора провинции Камигин застрелил, как выразились в газете, некий «берсерк», который «в состоянии амока»⁶ порешил потом ещё двоих.

Немец же теперь упражнялся в стрельбе из духовой трубки по стволу гевеи: трубка была, как догадался Сэндс, явно не кустарной выделки, поскольку аккуратно разбиралась на три сегмента. В собранном же состоянии она пускала заряды больше чем на пять футов, а дротики на вид были длиной семь-восемь дюймов – белые, остроконечные; похожие, по сути дела, на продолговатые колышки для гольфа. Немец искусно посылал их к цели, часто прерываясь, чтобы промокнуть лицо носовым платком.

Внизу, в деревне, Шкипу назначил встречу его друг, майор филиппинской армии Эдди Агинальдо.

Шкип и наёмный убийца из Германии, который, возможно, был не наёмным убийцей и даже не немцем, проехали вместе половину пути по склону горы к рынку. Они взяли служебный автомобиль с кондиционером и с задних сидений глазели через поднятые стёкла на крытые соломой дома из покоробленной, грубо обработанной древесины, на стреноженных коз, гуляющих кур, бродячих собак. Когда миновали старушек, которые на корточках сидели на пыльных верандах и сплёвывали красным соком бетеля, от бабушек отделялись ватаги ребятишек мал мала меньше и бежали наравне с машиной.

– Что это? Они говорят там что-то.

– «Пики», – объяснил немцу Сэндс.

– Это что такое? Как вы сказали, «пики»? Какие ещё пики? Что это значит?

– Их родители когда-то выклянчивали у американских военных спички. «Спички! Спички!» А они теперь кричат просто «Пики, пики, пики!» Даже не знают, что это значит. Поблизости больше нет военных, а когда им нужны спички, то они говорят «поспоро».

Но старухи сердито хватали ребятишек за руки – такого Сэндс раньше не видел.

– Что за дела с этими людьми? – спросил он немца.

– Им нужно лучше питаться. Слишком мало белковой пищи.

– Чувствуете? Что-то тут неладно.

– Высоко в горах слишком мало рыбы. Вот белка и не хватает.

– Эрнест, – наклонился Шкип к водителю, – в деревне сегодня что-то происходит?

– Может, и происходит что-нибудь, не знаю, – ответил Эрнест. – Могу для вас у народа поспрашивать. – Он был родом из Манилы и отлично владел английским.

Майор Эдуардо Агинальдо в накрахмаленной полевой форме поджидал на заднем сиденье чёрного «мерседеса» у входа в «Монте-Майон» – ресторан, который держал некий итальянец вместе со своим филиппинским семейством. Павезе – такая у итальянца была фамилия – подавал то, что у него смогут купить, то есть немного. Для гостей Павезе приготовил тарелку весьма вкусных спагетти болоньезе с большим количеством козьей печёнки. Майор радушно

⁵ Перевод И. Бернштейн.

⁶ Амок – внезапное психическое помешательство, характеризующееся агрессией и беспричинными нападениями на людей.

поприветствовал немца и настоятельно потребовал, чтобы тот называл его «Эдди» и присоединился к обеду.

К удивлению Шкипа, немец принял приглашение. Ел гость жадно и с чувством. Он был не толст, но еда казалась его пламенной страстью. Шкип ещё не видел его таким счастливым. Это был медведеобразный бородатый персонаж в очках с толстой коричневой оправой, кожа у него на солнце скорее обгорала, чем загорала, а большие пухлые губы увлажнялись при разговоре.

– Давайте закажем у Павезе эспresso, он прекрасно бодрит, – предложил Агинальдо. – А то вон Шкип всю ночь на ногах. Устал, наверно.

– Ничуть не бывало! Я никогда не устаю.

– Как там мои люди, не обижали тебя?

– Отнеслись ко мне со всем уважением. Спасибо.

– Но вы ведь не обнаружили хуков?

– Если только они не прятались прямо у дороги, а мы их так и не разглядели.

– А что там ребята из ФП?

– ФП-то? – Имелась в виду филиппинская полиция. – ФП поработали нормально. Всё больше, правда, особняком держались.

– Они не беспокоятся о содействии со стороны армии. Не сказал бы, что могу их в этом винить. Это же не война. Эти хуки – всего лишь жалкая кучка изменников. Их низвели до положения рядовых бандитов.

– Верно. – Впрочем, путём всех этих выездов Сэндс только и пытался, что набрать побольше очков и добиться перевода в Манилу или, даже лучше того, в Сайгон. Ко всему, эти патрулирования джунглей избавляли его от нелёгкого чувства: он подвергался жёстким тренировкам, карабкался на верёвке по отвесным скалам, прыгал с парашютом в грозовые тучи, в поте лица штудировал рецепты высоковольтных веществ, перелезал через колючую проволоку, в ночном мраке переправлялся вброд через бурные ручьи, часами сидел, привязанный к стулу, на допросах – и всё это лишь для того, чтобы стать канцелярской крысой, не более чем канцелярской крысой. Собирать документы. Сортировать документы. Выполнять работу, с которой справится любая старая дева, просиживающая юбку где-нибудь в библиотеке. – А ты что делал прошлой ночью? – спросил он у Эдди.

– Я-то? Я пораньше отправился на боковую и читал «Джеймса Бонда».

– Да ну!

– Наверно, этим вечером поедет на дежурство. Вы с нами? – обратился Агинальдо к немцу. – Это довольно неплохой способ развеяться.

Немец заколебался.

– В чём цель? – спросил он у Сэнкса.

– Наш друг с нами не поедет, – сказал Сэндс Эдди.

– Я поеду дальше вниз, – объяснил немец.

– Дальше вниз?

– К поезду.

– А-а. Значит, на вокзал. А там – в Манилу, – протянул Агинальдо. – Жаль. А ведь наши маленькие патрули неплохо так помогают вернуть тягу к жизни.

Можно подумать, они часто ездили под обстрелом. Ничего подобного никогда не случилось, насколько было известно Шкипу. Эдди был ещё мальчишкой, но ему нравилось казаться грозным.

Тремя неделями ранее, в Маниле, Сэндс видел, как Эдди играет Генри Хиггинса в постановке «Моей прекрасной леди», и из памяти никак не шёл образ его друга-майора – как он, сверх меры наруганный и напудренный, гордо вышагивает по подмосткам в домашнем смокинге, делает драматические паузы, оборачивается к миловидной актрисе-филиппинке и про-

износит: «Элиза, куда, к дьяволу, запропалились мои домашние туфли?»⁷ Зрители – филиппинские дельцы со своими семьями – ревели от хохота и падали с ног. Сэндс тоже остался под впечатлением.

- Что это за штукавина, с которой вы упражняетесь? – полюбопытствовал Сэндс у немца.
- Вы про сумпитан? Да, это сумпитан.
- Духовая трубка?
- Да. Из племени моро.
- «Сумпитан» – это по-тагальски?
- По-моему, это общеупотребительное слово, – заметил Эдди.
- Это слово здесь на островах употребляют повсюду, – согласился немец.
- А из чего она сделана?
- Вы имеете в виду само устройство?
- Да.
- Из магния.
- Из магния! Господи боже!
- Оно довольно прочное. И практически невесомое.
- И кто же его для вас смастерил?

Сэндс спросил, всего лишь чтобы поддержать беседу, но, к его потрясению, Эдди и убийца вдруг переглянулись.

- Одно частное лицо в Маниле, – бросил немец, и Сэндс решил, что тему лучше закрыть.

После еды все трое сели пить эспрессо из крохотных чашечек. До приезда в эту захолустную деревушку Сэндс его никогда не пробовал.

- Что сегодня происходит, Эдди?
- Не понимаю, о чём ты.
- Что-то вроде – ну не знаю – какой-нибудь трагической годовщины? По типу дня смерти какого-нибудь великого руководителя? Почему у всех такой угрюмый вид?
- Ты хочешь сказать – напряжённый?
- Ага. Напряжённо-угрюмый.
- По-моему, они все перепуганы, Шкип. Тут в округе бродит вампир. Такая местная разновидность вампира под названием асванг.

Немец удивился:

- Вампир? В смысле прямо как Дракула?
- Асванг умеет превращаться в любого человека, принимать какой угодно облик. Тут сразу ясно, в чём беда: значит, вампиром может оказаться каждый. Когда зарождается подобный слух, он наводняет деревню, как леденящий яд. Как-то вечером на той неделе – в прошлую среду, в районе восьми – я видел, как толпа на рыночной площади избивает старуху и кричит: «Асванг! Асванг!»

- Избивает? Старуху? – переспросил Шкип. – А избивали-то чем?
- А чем под руку попадётся. Толком было не разглядеть. Темно. Мне показалось, она завернула за угол и сбежала. А позже мне какой-то лавочник рассказывал, будто бы она обернулась попугаем и улетела. Попугай укусил какого-то малыша, и малыш через два часа умер. И священник ничего поделать не мог. Тут даже священник бессилен.
- Эти аборигены – точно умственно отсталые дети, – сказал немец.

После того, как они поели и их попутчик проследовал на служебном автомобиле вниз по склону к железной дороге на Манилу, Шкип спросил:

- Знаешь этого мужика?

⁷ Б. Шоу, «Пигмалион», перевод П. Мелковой и Н. Рахмановой.

– Нет, – ответил Эдди. – Так ты правда думаешь, что он немец?
– Думаю, он иностранец. И вообще странный какой-то.
– Он встречался с полковником, а теперь вот уезжает.
– С полковником – когда это?
– И ведь что характерно, так и не представился.
– А ты спрашивал у него, как его зовут?
– Нет. А как он сам себя зовёт?
– Не спрашивал.
– Он так и не сказал об оплате. Я заплачу. – Эдди посоветовался о чём-то с полной филиппинкой – Шкип решил, что это и есть госпожа Павезе, – и вернулся со словами: – Дай-ка я возьму фруктов на будущий завтрак.

Сэндс сказал:

– Да, понимаю, манго и бананы в это время года особенно хороши. Как и все тропические фрукты.

– Это шутка такая?

– Да, я пошутил.

Они вошли под низкий тент из лоскутов брезента, покрывающий рынок, и окунулись в облако ароматов тухлого мяса и гнилых овощей. За ними, волоча тела по утопанному земляному полу, ковыляли невероятно обезображенные и изувеченные попрошайки. Подбежали к ним и дети, но нищие на тележках или на культивках в самодельной обуви из кокосовых скорлупок, исполосованные шрамами, слепые и беззубые, набросились на детей, стали колотить их клюками или обрубками конечностей, шипеть и осыпать бранью. Агинальдо вытащил табельный пистолет, прицелился по беснующейся куче-мале, и они отступили единым фронтом – видимо, сдались. Он коротко поторговался со старушкой, которая продавала папайю, и они вернулись на улицу.

Эдди подвёз Сэндса на своём «мерседесе» обратно до «Дель-Монте». До сей поры между ними не произошло ничего значимого. Сэндс удержался от вопроса, был ли в их встрече какой-нибудь толк. Эдди вошёл вместе с ним в здание, но лишь после того, как открыл багажник и вынул что-то тяжёлое и продолговатое, завернутое в бумагу и перевязанное бечёвкой.

– Тут кое-что для тебя есть. Прощальный подарок.

По настоянию майора они снова сели на заднее сиденье – обитое кожей и покрытое белой когда-то простынёй, которая уже совсем посерела.

Эдди уложил свёрток на колени и распаковал десантный карабин М1 с откидным металлическим прикладом. Деревянное цевье ствола было отполировано и покрыто изысканной гравировкой. Он протянул оружие Шкипу.

Сэндс повертел его в руках. Эдди поводит над гравировкой карманным фонариком.

– Это замечательно, Эдди. Фантастически тонкая работа. Я очень благодарен!

– Ремень из кожи.

– Да. Вижу.

– Весьма добротный.

– Я польщён и правда очень благодарен, – совершенно искренне сказал Сэндс.

– Это парни из Государственного бюро расследований постарались. У них там чудесные оружейники.

– Замечательно. Но ты назвал это прощальным подарком. Кто-то из нас уезжает?

– Так ты пока ещё не получил приказа?

– Нет. Пока ничего. Что за приказ?

– Да так, ничего особенного, – ухмыльнулся майор своей наигранной хиггинсовской улыбкой. – Но ты ведь, наверно, получишь какое-нибудь задание.

– Не забрасывай меня в джунгли, Эдди, не забрасывай меня под дождь! Не сажай меня в протекающую палатку!

– А я что-то такое сказал? Я знаю не больше, чем знаешь ты. С полковником вы это уже обсуждали?

– Да я его уже несколько недель как не видел. Он в Вашингтоне.

– Он здесь.

– В смысле, в Маниле?

– Здесь, в Сан-Маркосе. Я вообще даже уверен, что он в отеле.

– В отеле? Господи боже. Нет. Это какой-то розыгрыш.

– Понимаю, полковник – твой родственник.

– Это ведь розыгрыш, верно?

– Если только он не сам всех разыгрывает. Я ведь самолично сегодня утром с ним по телефону беседовал. Он сказал, что его вызвали отсюда.

– А-а... А-а, – глупо было издавать одни нечленораздельные звуки, однако дар речи Сэндс на время утратил.

– Ты его достаточно хорошо знаешь?

– Так же, как... гм. Без понятия. Он меня обучал.

– Значит, ты его не знаешь. Это значит, он тебя знает.

– Верно, верно.

– А правда, что полковник и в самом деле твой родственник? Дядя твой или кто-то там?

– А что, ходят такие слухи?

– Видимо, я слишком любопытен.

– Да, он мне дядя. Брат отца.

– Восхитительно.

– Ты уж прости, Эдди. Не люблю в этом признаваться.

– Но ведь он прекрасный человек!

– Это не так. Мне не нравится примазываться к его славе.

– Тебе, Шкип, стоит гордиться своей семьёй. Семьёй всегда нужно гордиться.

Сэндс вошёл внутрь – удостовериться, что произошла ошибка, но это оказалась чистая правда. Полковник, его дядя, сидел в гостиной и распивал коктейль с Андерсом Питчфорком.

– Я смотрю, ты принарядился для торжественного вечера, – сказал полковник, имея в виду баронг Шкипа, встал и протянул руку – сильную, слегка влажную и прохладную от соприкосновения с бокалом. Сам полковник был в одной из своих гавайских рубашек. Широкогрудый, пузатый, кривоногий и обгорелый на солнце. Ростом он ненамного превышал майора, но казался прямо-таки горообразным. Посеребренная сединой причёска – всё тот же армейский ёжик – походила формой на наковальню. В настоящий момент полковник уже был подшофе и держался на ногах лишь благодаря собственному прошлому: футбольным тренировкам у самого Кнута Рокне в университете Нотр-Дам⁸, боевым заданиям в Бирме в составе «Летающих тигров»⁹, операций по борьбе с боевиками – в здешних джунглях, с Эдвардом Лансдейлом, и позже, в Южном Вьетнаме. В Бирме, в сорок первом, он несколько месяцев просидел в лагере для военнопленных, а потом сбежал. Дрался он и с «Малайским тигром», и с «Патет Лао»¹⁰; сходилась лицом к лицу с неприятелем на множестве азиатских фронтов. Шкип любил дядю, но был не рад его видеть.

⁸ *Кнут Рокне* (1888–1931) – американский футболист и футбольный тренер норвежского происхождения, работал при частном католическом университете Нотр-Дам-дю-Лак в штате Индиана.

⁹ «*Летающие тигры*» – неофициальное название американского добровольческого военно-воздушного подразделения, воевавшего в 1941–1942 гг. в Азии на стороне Китайской Республики.

¹⁰ «*Патет Лао*» («Лаосское государство») – общее название военно-политических сил социалистической ориентации

– Эдди, – проговорил полковник, взял руку майора обеими ладонями, а потом поднял левую и ухватил его над локтем, массируя бицепс, – давай напьемся!

– Рановато ещё!

– Рановато? Чёрт возьми – а мне уже слишком поздно менять курс!

– Да, рановато! Чаю, пожалуйста, – велел Эдди слуге; Шкип заказал то же самое.

Полковник с любопытством посмотрел на свёрток под мышкой у Шкипа:

– Рыба к ужину?

– Покажи ему! – сказал Эдди, и Шкип выложил М1 в обрамлении открытой упаковки на латунный кофейный столик.

Полковник сел, взял ружьё на колени – ровно так же, как несколькими минутами раньше это проделал в машине Шкип, – и стал водить пальцами по изысканной гравировке.

– Фантастически тонкая работа.

Он улыбнулся. Но ни на кого при этом не взглянул. Протянул руку к полу и вручил Шкипу бумажный продуктовый свёрток:

– Меняюсь.

– Нет, спасибо, – ответил Шкип.

– Что в мешке? – поинтересовался Эдди.

– Курьерский пакет от посла, – сказал полковник.

– Ух ты! Как загадочно!

Как всегда, полковник пил из двух бокалов разом. Помахав пустой посудиною, подозвал слугу.

– Себастьян, у вас там что, совсем иссякли запасы «Бушмиллса»?

– Ирландский виски «Бушмиллс» – будет сделано! – объявил юноша.

Питчфорд заметил:

– А слуги, похоже, вас знают.

– Да я здесь вроде бы нечастый гость.

– Думаю, они вас боготворят.

– Может быть, я много даю на чай.

Полковник поднялся и двинулся к ведёрку на буфете, чтобы пальцами добавить льда себе в бокал, да так и застыл там, глядя на поле для гольфа, с видом человека, готового поделиться какой-то мыслью. Все замерли в ожидании, но он только молча отхлебнул из стакана.

Питчфорд спросил:

– Полковник, а вы играете в гольф?

Эдди засмеялся:

– Если вы соблазните нашего полковника выйти на поле, он тут камня на камне не оставит.

– Я стараюсь избегать тропического солнца, – сказал полковник. Он любовно пожирал глазами зад служанки, пока та расставляла на низеньком латунном столике чайный сервиз. Когда все остальные взяли в руки по чашке, он поднял бокал:

– За последнего хука! Пусть он как можно скорее сойдёт в могилу!

– За последнего хука! – подхватила вся компания.

Полковник жадно осушил напиток, отдышался и произнёс:

– Да ниспошлют нам небеса достойного противника!

– Вот-вот! – поддакнул Питчфорд.

Шкип отнёс бумажный пакет и великолепное ружьё к себе в номер и уложил оба предмета на кровать, испытывая облегчение от того, что можно было наконец побыть наедине с

собой. Горничная открыла комнату на весь день. Шкип со скрежетом закрыл жалюзи и включил кондиционер.

Бывалил на постель содержимое пакета: дюжину баночек резинового клея по восемь унций в каждой. Это была основа его существования.

На четырёх выдвижных столах, прислонённых к стене по обе стороны от двери в ванную, покоилась вся полковничья картотека – более девятнадцати тысяч записей, пронумерованных от старейших до новейших, более девятнадцати тысяч карточек три на пять дюймов каждая в дюжине узких деревянных ящичков, выделанных, как рассказывал ему полковник, на базе материально-технического обеспечения Приморского правительственного комплекса в Маниле. На полу под столами Шкипа ждали семь тридцатифунтовых коробок пустых карточек и две коробки, полные тысячами фотокопий восемь-на-одиннадцать, дубликат той же самой картотеки в девятнадцать тысяч записей, по четыре карточки на страницу. Главной работой Шкипа, его основной задачей на данном жизненном этапе, его целью в этой просторной спальне по соседству с крошечным полем для гольфа было создание второго каталога, упорядоченного по категориям, которые разработал полковник, а затем – снабжение обеих картотек перекрёстными ссылками. У Сэндса не было ни секретаря, ни вообще какого-либо помощника – это была частная информационно-аналитическая библиотека полковника, его тайный склад, его убежище. Он утверждал, что выполнил всё фотокопирование самолично, утверждал, что Шкип – единственный, помимо него, человек, которому довелось прикоснуться к этим тайнам.

Похожий на гильотину внушительный резак для фотоотпечатков и длинные-предлинные ряды баночек с клеем. А ещё дюжина картотечных ящичков, крепких трёхфутовых лотков, как в библиотеках, на лицевой стороне каждого выведены по трафарету четыре цифры —

2242 —

счастливое число полковника: второе февраля 1942 года, дата его побега из лап японцев.

Было слышно, как полковник что-то рассказывает. Его рёв разносился по всему дому, а остальные смеялись. При дяде Сэндс ощущал какое-то постыдное, в чём-то даже девчоночье отчаяние. Как ему стать таким же уверенным и выразительным, как полковник Фрэнсис Сэндс? Довольно рано он осознал свою слабость и впечатлительность и решил подыскать себе подходящих героев. Одним из них стал Джон Кеннеди. Линкольн, Сократ, Марк Аврелий... И эта улыбочка полковника, когда он осматривал ружьё, – знал ли дядя наперёд, что Шкип вскоре получит это оружие? Иногда полковник улыбался эдак вот по-особому, как будто заговорицки поигрывая губами, – это очень раздражало Шкипа.

Много раньше, чем Шкип следом за дядей ступил на поприще разведки – по правде сказать, даже раньше, чем появилось само ЦРУ, – ещё ребёнком он сделал Фрэнсиса Сэндса персонажем своей личной легенды. Фрэнсис выжимал вес, занимался боксом, играл в футбол. Был лётчиком, военным, разведчиком.

В тот день девять лет назад, в Блумингтоне, вербовщик спросил:

– Почему вы хотите работать в Управлении?

– Мой дядя говорит, что хотел бы, чтобы я стал его коллегой.

Вербовщик и глазом не моргнул. Словно ожидал именно такого ответа.

– А кто ваш дядя?

– Фрэнсис Сэндс.

Вот теперь мужчина моргнул.

– Случайно не полковник?

– Да. На войне он был полковником.

Второй вербовщик сказал:

– Один раз полковник – на всю жизнь полковник.

Сам он тогда был первокурсником восемнадцати лет от роду. Переезд в университет Индианы стал его первым перемещением с 1942 года – тогда, сразу после того, как отец погиб в Перл-Харборе на линкоре «Аризона», овдовевшая мать перевезла Шкипа из калифорнийского Сан-Диего обратно на свои родные равнины Канзаса, в город Клементс, и там он провёл с ней остаток детства – в тихом доме, в неосознанной печали. Привезла она его домой в Клементс в начале февраля, ровно тогда же, когда её деверь Фрэнсис-Ксавьер, пленный «летающий тигр», совершил побег, перемахнув через борт японского судна с грузом военнопленных в трюме и прыгнув в воды Южно-Китайского моря.

После выпуска Шкип занял вакансию в ЦРУ, но ещё до начала обучения вернулся к студенческой жизни – отправился получать степень магистра сравнительного литературоведения в университете имени Джорджа Вашингтона, где помогал китайским эмигрантам-националистам с переводами эссе, рассказов и стихов из континентального Китая, в котором одержали верх коммунисты. Горстку журналов, что издавали их произведения, почти единолично основало ЦРУ. Он получал ежемесячную стипендию от Фонда всемирной литературы – организации, под вывеской которой скрывалось всё то же ЦРУ.

При упоминании дяди в тот день 1955 года оба вербовщика улыбнулись; улыбнулся и Шкип, но лишь потому, что улыбнулись они. Второй сказал:

– Если вы заинтересованы в карьере у нас, то, думаю, мы сможем вас устроить.

Определённо, так оно и вышло. И вот перед ним раскинулась эта самая карьера: девятнадцать тысяч заметок с допросов, почти все – за гранью его понимания:

Дюваль, Жак (?), владелец 4 рыбацк. лодок (helios, souvenir, devinette, renard¹¹). [Зал. Дананг], жена [Чан Лу (Лью??)] инф об исп лодок в возм преступ/развед целях. Доходов с рыбалки не получ. ККсР.

Последние четыре буквы указывали на допрашивавшего, который сделал запись. Шкип взял в привычку составлять собственные записи с цитатами своих героев – «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас...» – на карточках с пометками «ДжФК», «ЛИНК», «СОК», а самая толстая пачка получилась из «Размышлений» Марка Аврелия, посланий, с которыми престарелый римский император, одинокий и попавший в окружение на задворках собственной империи, обращался к самому себе во втором веке от Рождества Христова:

«Ничто не будет для человека добром, если не содействует справедливости, благоразумию, мужеству и свободе. Ничто нельзя назвать злом, что не противодействует этому». МААР¹²

Когда Шкип приблизился к столовой, ему показалось, будто он слышит крик Питчфорка: «Вот-вот!»

Им уже подали рыбу с рисом. Шкип занял место перед пустой тарелкой у левого локтя полковника, и слуга поднёс ему его порцию. Они принялись за еду в тусклом свете канделябров. Когда отключилось электричество, это слабо сказалось на общей обстановке. Лишь прекратилось гудение кондиционера, да под потолком гостинной замер и смолк вентилятор.

Тем временем полковник продолжал разглагольствовать, размахивая в воздухе вилкой, а другой рукой придерживая бокал, как бы пригвождая его к столу. Говорил он с акцентом, с которым говорят бостонские ирландцы, однако не лишённым отпечатка многолетней службы на авиабазах в Техасе и Джорджии.

– Единственная подлинная цель Лансдейла – познать народ, учиться у него. Его труды равносильны искусству.

– Вот-вот! – воскликнул Питчфорк. – К делу это совершенно не относится, но всё так, всё так!

¹¹ «Гелиос, сувенир, загадка, лис» (фр.)

¹² Здесь и далее пер. с древнегр. под общей редакцией А. В. Добровольского.

– Эдвард Лансдейл – это образцовый представитель рода человеческого, – заявил полковник. – Говорю это без тени смущения.

– А какое, собственно, Лансдейлу дело до асвангов, да и вообще хоть каких-то наших легенд? – спросил Эдди.

– Давайте скажу ещё раз, и, может быть, на сей раз вы меня наконец услышите, – ответил полковник. – Эдвард Лансдейл в полной мере восхищается народом самим по себе, его песнями, сказками, преданиями. Что уж там выходит из этого восхищения с точки зрения разведки – понимаете? – это всё, так сказать, побочный продукт... Боже правый, да в этой рыбе одни кожа да кости. Себастьян, ну где моя рыбёшка? Куда это она уплыла? Эй, ты что, собираешься скормить ему мою рыбу? – Слуга Себастьян в этот миг предлагал Шкипу взять добавки с блюда с бангусами. Шкип знал, что это любимая рыба полковника. Неужели даже повара заранее предупредили о его визите? – Так-с, всё-таки загарпунил я себе кита, – объявил полковник, потянувшись за добавкой. – А историю про асванга как-нибудь потом доскажу.

Себастьян без приглашения подцепил вилок ещё одну, уже третью по счёту рыбину, положил полковнику на тарелку и направился на кухню, посмеиваясь про себя. Там, за дверью, переговаривалась прислуга – громко, радостно. При полковнике, а особенно когда он пребывал в шутливом настроении, у филиппинцев головы шли кругом. Его очевидная привязанность к этому народу в каком-то смысле сводила их с ума. Эдди тоже подпал под это обаяние. Он растегнул мундир и переключился с воды со льдом на шардоне. Шкип уже видел, чем закончится вечер: надраенный до блеска пол замусорят грампластинки, а все будут плюхаться на ягодицы под «Лимбо Рок»¹³. Внезапно Эдди выдал:

– А я ведь знал Эда Лансдейла! Я очень плотно с ним работал!

Да неужели? Эдди?! У Шкипа не укладывалось в голове, как такое может быть.

– Андерс, – спросил Шкип у Питчфорка, – как по-научному называется эта рыба?

– Бангус? Его называют молочной рыбой. Нерестится в верховьях рек, а живёт в море. *Chanos salmoneus*.

Эдди добавил:

– Питчфорк говорит на нескольких языках.

Бангусы были вкусные, похожие чем-то на форель, совсем без рыбного привкуса. При содействии американского Агентства международного развития у подножия гор построили рыбный инкубатор, где они и вывелись из икры. Полковник ел неторопливо и осторожно, вилок отделяя лоскутки мяса от крошечных косточек и запивая виски – уже несколькими бокалами за один ужин. Привычки его ничуть не изменились: каждый вечер после пяти он пил в больших количествах и безо всякого повода. В их семье негласно считалось, что настоящему ирландцу свойственно употреблять спиртное, но если кто-то начинал пить до пяти часов, это осуждалось как проявление разнузданности, упадничества и неуместного аристократизма.

– Расскажи-ка нам про асванга. Давай, потешь нас небылицей, – обратился полковник к Эдди.

– Что ж, так и быть, – согласился Эдди, опять, как решил Шкип, входя в роль Генри Хиггинса, – вот послушайте: давным-давно, как это всегда бывает, жили-были брат и сестра, а жили они со своей матерью, которая была вообще-то вдовая, потому что отец погиб от какого-то несчастного случая, уж простите, не припомню, что именно там произошло, но точно что-то героическое. Жаль, вы меня не предупредили, а то порасспрашивал бы у бабушки! Но в любом случае попробую вспомнить, как там в сказке говорилось. Двое детей, брат и сестра, и тут я должен снова извиниться, потому что это были двое сирот, обоих родителей у них убили, и всё-таки это была не их мать, а старая тётка их матери, которая за ними приглядывала в хижине неподалёку от одной из наших деревушек на Лусоне. Возможно, даже в нашей деревушке Сан-

¹³ *Limbo Rock* – популярная песня шестидесятых годов, наиболее известна в исполнении Чабби Чекера.

Маркос, этого я не исключаю. Мальчик был сильный и храбрый, девочка – красивая и добрая. Тётке, вернее двоюродной бабке – ну, вы это предвидели, я уверен, – ей, значит, нравилось мучить двух этих славных детей слишком тяжёлой работой, грубо на них покрикивать, а то и поколачивать древком метлы, чтобы работали резвее. А брат с сестрой беспрекословно ей повиновались и ни на что не жаловались, потому что это были весьма прилежные дети.

Долгое время деревушка не знала горя, но потом пало на неё проклятье, повадился туда кровожадный асванг – кормиться на ягнятах, также на козлятах, а что хуже всего – и на малых детках, особенно на молоденьких девочках, вот как эта сестра. Иногда видели асванга в облике старухи, иногда – в виде огромного вепря с жуткими клыками, а иногда даже оборачивался он милым ребёночком, чтобы заманивать малых деток в потёмки и высасывать их невинную кровь. Перепугался по округе весь народ, больше не мог никто улыбаться, ночью сидели все по домам, жгли свечи, больше не ходили в лес, в джунгли – ни собирать авокадо или какие там ещё есть полезные растения, ни добывать на охоте мясо. Каждый день после полудня собирались в деревенской часовне и молились за погибель асванга, но ничего не помогало, и даже, бывало, по дороге со службы случалось иной раз с кем-нибудь кровавое убийство.

И вот, раз такое дело, явился брату с сестрой как-то один святой, сам архангел Гавриил, одетый в обноски, в образе нищего, что пробирается через джунгли. Встретился он детям у колодца, куда пришли они набрать воды, и дал мальчику лук и чехол со стрелами... как называется такой чехол?

– Колчан, – подсказал Питчфорд.

– Вот-вот, колчан со стрелами. Звучит довольно красиво. Дал он парнишке этот колчан со стрелами и тугой-претугой лук и велел всю ночь сидеть в амбаре с зерном в конце тропинки, потому что там он и убьёт асванга. Ночью в амбаре собирается много кошек, одна из которых на самом деле и есть асванг, принявший этот облик для маскировки. «Но, господин, как же я узнаю, кто из них асванг, на каждую кошку стрел ведь не хватит?» И архангел Гавриил ответил: «Когда асванг поймает крысу, он не станет с ней играть, а только разорвёт её сразу же на клочки и начнёт упиваться кровью. Как увидишь такую кошку, стреляй в неё без промедления, потому что она и есть асванг. Конечно, если не попадёшь, то излишне рассказывать, что тогда асванг уже тебя самого разорвёт клыками и высосет у тебя до капли всю кровь, когда ты умрёшь».

«Я не боюсь, – ответил мальчик, – потому что знаю: вы переодетый архангел Гавриил. Я не боюсь и с помощью святых угодников сделаю всё как надо».

Когда мальчик вернулся домой со всеми этими стрелами и так далее, тётка его усопшей матери отказалась его отпускать. Сказала, что он должен каждую ночь спать в постели. Набрала на него с метлой, отобрала оружие и спрятала его в соломенной крыше хижины. Но мальчик впервые в жизни ослушался опекунши, в ту же ночь тайком вернул его себе, прокрался со свечкой в амбар и ждал там, спрятавшись в тени – а я вас уверяю, тени там были просто страхолюдные! А среди теней шныряли силуэты крыс. И силуэты кошек крались отовсюду, около трёх дюжин. Которая из них окажется асвангом? И вот, скажу я вам, во тьме сверкнула багровым огнём пара клыков, послышалось шипение, затем асванг закричал, и как только к горлу мальчика прынул его ужасный лик, парнишка выпустил стрелу и услышал, как что-то глухо стукнулось об пол – видимо, тварь упала – а потом раздался сдавленный стон, а затем заскребли когти – это раненый злой дух пополз куда-то в безопасное место. Осматривая место событий, нашёл наш юный герой отрубленную лапу огромной кошки со смертоносными когтями – левую переднюю лапу, а из неё торчала его стрела.

Вот юный герой воротился домой, а старая гнусная опекунша принялась его бранить. Сестра его тоже не спала. Двоюродная бабка подала им чаю и немного рису. «Где ты был, братец?» – «Сражался с асвангом, сестрица, и, по-моему, его поранил». А сестра тогда и говорит: «Милая бабушка, тебя тоже ночью не было дома. Где ты была?»

– «Я-то? – говорит милая бабушка. – Нет, что ты, я тут, с вами всю ночь сидела!» Но она постаралась поставить им чай побыстрее и отлучилась – дескать, надо прилечь.

Позже в тот же день наши двое детей нашли старуху повешенной за шею на дереве рядом с хижиной. А под ней натекала лужица крови – капала она как раз оттуда, где раньше была у неё левая рука. А до этого, когда бабка ещё наливала чай, обрубленную руку она от детей скрывала под платьем, а кровь-то из неё уже тогда капала – ядовитая кровь асванга.

– Это старая сказка, – сказал Эдди. – Я её много раз слышал. Но народ-то в неё верит, и вот сейчас верят, что это случилось здесь, вчера, на этой неделе. Боже мой, – воскликнул он, подливая себе шардоне и тряся бутылкой вверх-вниз над бокалом под аплодисменты немногочисленных слушателей, – это что же, я тут сидел, рассказывал – да и выдул целую бутылку?

Полковник уже вворачивал штопор в новую пробку:

– В тебе ирландский дух, парень.

Провозгласил тост:

– Сегодня день рождения коммодора Андерса Питчфорка. Salud!¹⁴

– Коммодора? – удивился Эдди. – Шутите!

– Шучу я только насчёт звания. Но не насчёт дня рождения. Питчфорк – можете ли вы припомнить, где вы находились в ваш день рождения двадцать четыре года назад?

Питчфорк ответил:

– Ровно двадцать четыре года назад я очень тёмной ночью болтался под куполом парашюта: меня сбросили над Китаем. Я даже не знал название провинции. И кто вёл самолёт, с которого я только что спрыгнул? Что за человек дал мне полдюжины шоколадных батончиков и пинком вышвырнул меня в небо? И вернулся себе на уютную койку!

– Ну и кто же не сделал этого ни разу, потому что эти сволочи меня сбили? И кем был тот человек, которого ты угостил яйцом вкрутую в лагере для военнопленных двадцать дней спустя?

Питчфорк указал на полковника:

– Не потому, что я такой щедрый. Потому, что у бедняги был день рождения.

Эдди разинул рот:

– Вы выжили в японском лагере?

Полковник отодвинул стул назад и вытер лицо салфеткой. Он вспотел, проморгался.

– Будучи у японцев далеко не почётным гостем... как бы сказать-то... я знаю, что такое быть пленным. Дайте-ка слово подберу... подберу слово – минуточку, попробую слово подобрать ... – он тупо уставился снизу вверх, на всех сразу, но в особенности на Шкипа, а сам Шкип в это время приходил к неудобному для себя пониманию, что у полковника помрачилось сознание и сейчас он без всякой смысловой связи переменит тему.

– Японцы, – шепнул Сэндс, не в силах противостоять позыву.

Полковник оттолкнул свой стул от обеденного стола, колени его растопырились, правая рука, сжимающая бокал с напитком, облокотилась на бедро, спина сделалась идеально прямой, а по багровому лицу заструился пот. Вот он – великий человек, провозгласил Сэндс про себя. Отчетливо, но беззвучно произнёс: «Человек истерзанного величия». В такой миг он не мог удержаться от излишней драматизации, ибо всё это было чересчур уж чудесно.

– У них не хватало сигар, – сказал полковник. Его выносливость и негибкая выправка внушали трепет, но не доверие. В конце концов, он был пьян. И так вспотел, что они, вероятно, видели его как сквозь разбитое стекло. Тем не менее это был настоящий воин.

Сэндс обнаружил, что опять говорит сам с собой: «Куда бы ни привёл нас наш путь, я проследую за ним».

Питчфорк сказал:

¹⁴ [Его] здоровье! (Исп.)

– В той войне я точно знал, кого ненавидеть. Это мы тогда были боевиками. *Мы* были хуками. Вот кем нам нужно стать, чтобы надавать по шапке этим сволочам во Вьетнаме. Как по мне, Лансдейл это подтверждает. Нам нужно самим стать боевиками.

– А я вам скажу, кем, по-моему, нам нужно стать, – ответил полковник. – Я вам скажу, кем научился становиться Эд Лансдейл: асвангами. Вот кто такой Эд Лансдейл. Асванг. Да. Сейчас, выдохну пару раз, протрезвею, да и расскажу, – он и впрямь набрал воздуха, но тут же осёкся, чтобы сказать Питчфорку: – Нет-нет, не надо вопить «Вот-вот!».

– Вот-вот! – выкрикнул Эдди.

– Извольте, вот вам моя байка об асвангах. На холмах под Анхелесом, прямо над авиабазой Кларка, приказал Лансдейл двум филиппинским десантникам, с которыми работал, похитить двух хукских боевиков прямо во время очередного их патруля – те подошли да и взяли двух пареньков с тыльного конца цепочки. Удавили их, подвесили за ноги, выкачали из каждого кровь, – полковник приложил два пальца к собственной шее, – через два прокола в яремной вене. И оставили трупы у дороги, чтобы на следующий день их нашли товарищи. Ну, они и нашли... А ещё через день ни следа хуков в тех местах не осталось.

– Вот-вот! – сказал Питчфорк.

– Так-с. Давайте разберёмся, – сказал полковник. – Разве эти хуки и так не живут под сенью нависшей над ними смерти? Лансдейл со своим ударным отрядом выкашивали их в небольших стычках как бы не по полдесятка в месяц. Если их не впечатляла угроза со стороны тех, кто их ежедневно преследовал, что же такого было в смерти этих двух ребят, которая выгнала их из-под Анхелеса?

– Ну как, это ведь суеверный страх. Страх неизвестности, – предположил Эдди.

– Какой такой неизвестности? Предлагаю рассмотреть этот случай с точки зрения того, как мы сможем им воспользоваться, – сказал полковник. – Я вам так скажу, они обнаружили, что война ведётся на уровне мифа. Война – это ведь и так на девяносто процентов миф, разве нет? Дабы вести свои войны, мы возносим их до уровня человеческих жертвоприношений – разве не так? – и постоянно ссылаемся на нашего бога. Она и должна стать чем-то пострашнее смерти, а то бы мы все превратились в дезертиров. Думаю, нам надо относиться к этому вопросу с большей сознательностью. Думаю, нам надо вовлекать в это дело и богов противника. И его чертей, его асвангов. Он скорее устрасится своих богов, своих чертей и своих асвангов, чем когда-либо станет бояться наших.

– По-моему, самое время вам вставить «Вот-вот!» – обратился Эдди к Питчфорку. Однако тот только молча допил вино.

– Полковник, а вы только что из Сайгона? – поинтересовался Эдди.

– А вот и нет. С Минданао. Был там в городе Давао. И в Замбоанге. А ещё в местечке под названием Дамулог, маленьком таком городишке в джунглях – вы ведь там бывали, не так ли?

– Пару раз, да. На Минданао.

– А в Дамулоге?

– Нет. Звучит незнакомо.

– Удивительно такое слышать, – сказал полковник.

Эдди спросил:

– Почему же вас это удивляет?

– Мне говорили: когда речь заходит об определённых сведениях о Минданао, стоит обращаться к тебе.

Эдди развёл руками:

– Простите, ничем не могу помочь.

Полковник мазнул Шкипа по лицу салфеткой:

– Это что такое?

Эдди воскликнул:

– Ага! Первый, кто упомянул об усах! Да, он превращается в Уайетта Эрпа¹⁵!

Майор Агинальдо и сам щеголял растительностью над верхней губой, как многие молодые филиппинцы, – редкие чёрные волоски очерчивали область, в пределах которой должны были со временем разрастись усы.

– Человек с усами должен обладать каким-нибудь особым талантом, – заявил полковник, – каким-нибудь неординарным навыком, чем-то таким, что оправдывало бы его тщеславие. Стрельба из лука, карточные фокусы, что ещё...

– Палиндромы, – подсказал Андерс Питчфорк.

Появился Себастьян с объявлением:

– Мороженое на десерт. Нам надо съесть его полностью, а то растает без электричества.

– Нам? – спросил полковник.

– Наверно, если вы его не осилите, нам придётся доедать за вами на кухне.

– Мне не надо десерта. Я подпитываю свои пороки, – сказал полковник.

– О, боже правый! – произнёс Эдди. – На минуту я позабыл, что такое палиндром. Палиндромы! Ну да!

Свет зажёгся, кондиционеры по всему зданию ожили и заработали.

– Всё равно доешьте это мороженое, – велел полковник Себастьяну.

Вслед за ужином они переместились в патио за бренди и сигарами, послушали гудение электрического уничтожителя насекомых и заговорили о том, о чём избегали говорить в течение всего ужина, но о чём каждый нет-нет да и упоминал ежедневно.

– Боже мой, скажу я вам, – начал Эдди, – в Маниле мы узнали эту новость где-то в три утра. К рассвету были в курсе уже все до единого. Передавали даже не по радио, а из уст в уста. Филиппинцы высыпали на улицы Манилы и рыдали.

Полковник сказал:

– Наш президент. Президент Соединённых Штатов Америки. Нехорошо вышло. Ай как нехорошо.

– Они рыдали как по великому святому.

– Он был красавец-мужчина, – вздохнул полковник. – За это-то мы его и убили.

– Мы?

– Черта, разделяющая свет и тьму, пролегает через каждое сердце. Меж нами нет такого, кто бы не был виновен в его кончине.

– В этом сквозит... – начал Шкип. В словах полковника сквозил какой-то религиозный пиетет. Он не хотел этого говорить. Но сказал: – В этом сквозит религиозный пиетет.

Полковник ответил:

– С религиозным пиететом я отношусь к своим сигарам. А что касается всего прочего... религия? Нет. Это не просто религия. Это, мать её, истина. Что есть в мире хорошего, что есть красивого, мы на него бросаемся и – цап! Видите вон тех несчастных букашек? – показал он на провода уничтожителя, в который врезались и коротко вспыхивали насекомые. – Буддисты никогда не стали бы тратить электроэнергию на подобное варварство. Знаете, что такое карма?

– Вот теперь вы снова впадаете в религиозность.

– Ей-богу, я из неё и не выпадал. Я о том, что она у нас внутри, вся эта война. Это и есть религия, разве нет?

– О какой войне вы говорите? О Холодной войне?

– Это, Шкип, не Холодная война. Это Третья мировая. – Полковник прервался, чтобы затоптать подошвой уголёк от сигары. Эдди и Питчфорк уже не участвовали в разговоре, только смотрели куда-то в темноту – то ли захмелели, то ли утомились от воодушевления пол-

¹⁵ *Уайетт Эрп* – знаменитый американский страж закона и игрок в карты времён освоения Дикого Запада. К концу жизни отростил пышные усы.

ковника, Шкип не мог догадаться, в чём дело, – а дядя между тем предсказуемо вынырнул из облака, в которое погрузился ранее. Но Шкип был частью той же семьи; надо было показать, что он и сам не промах. В плане чего? Да в плане того, что он выдержит штурм этого социального Эвереста: ужина и попойки с полковником Фрэнсисом Ксавьером Сэндсом. Готовясь к восхождению, он отошёл к боковому столику.

– Куда это ты?

– Да просто собираюсь плеснуть себе бренди. Если уж на дворе Третья мировая война, так к чему отказывать себе в хорошей выпивке?

– Мы сейчас на всемирной войне, вот уже почти двадцать лет. Вряд ли Корея продемонстрировала нам это в достаточной степени, или же наш взгляд всё равно оказался не способен разглядеть её признаки. Но со времён Венгерского восстания¹⁶ мы готовы бороться с таким положением дел. Это невидимая Третья мировая. Опосредованный Армагеддон. Это противоборство между добром и злом, и его истинное поле – сердце каждого человека. Сейчас я немного переступлю за черту. Хочу сказать тебе, Шкип: иногда я задаюсь вопросом, а не проклятая ли это битва при Аламо¹⁷. Это пропащий мир. Куда ни обернёшься, ещё кто-нибудь переходит на сторону красных.

– Но ведь это не просто противоборство между добром и злом, – заметил Шкип. – Это борьба между чокнутыми и нормальными. Нам всего-то надо продержаться до того, пока коммунизм не рухнет под грузом собственной экономической несуразности. Под грузом собственного безумия.

– Может, коммуняки и не в своём уме, – ответил полковник, – но они отнюдь не безрассудны. Они верят в свой командный центр и в силу своего немыслимого самопожертвования. Боюсь, – сказал полковник и глотнул из бокала; из-за этой заминки показалось, что это и есть конец фразы – что он просто боится... Но он прочистил горло и продолжил: – боюсь, это и делает коммунистов неудержимыми.

От разговоров такого рода Сэндс смутился. Они не вызывали у него доверия. Здесь, в джунглях, он обрёл радость и узрел истину, здесь, где жертвы смыли кровью ложную веру, командный центр прогнил, а коммунизм умер. Они вымели всех хуков отсюда, с Лусона, и рано или поздно выметут вообще всех до последнего коммуниста на планете.

– А помните ракеты на Кубе? Кеннеди смог дать им отпор. Соединённые Штаты Америки дали отпор Советам и заставили их отступить.

– В заливе Свиной он поджал хвост и бросил кучу славных парней подыхать в грязи – нет-нет-нет, пойми меня правильно, Шкип. Я сторонник Кеннеди, я патриот. Я верю в идеалы свободы и всеобщей справедливости. Я недостаточно рафинирован, чтобы этого стыдиться. Но это не значит, будто я смотрю на свою страну через розовые очки. Я служу в разведке. Я ищу правду.

Из темноты подал голос Питчфорк:

– Я в Бирме познакомился со многими неплохими ребятами из Китая. Мы костями друг за друга ложились. Некоторые из этих же самых ребят сейчас – правоверные коммунисты. И я жду не дождусь, чтобы увидеть, как их пристрелят.

– Андерс, ты трезв?

– Слегка.

¹⁶ *Венгерское восстание* – вооружённый мятеж против просоветского режима в Венгерской народной республике в октябре – ноябре 1956 года.

¹⁷ *Битва при Аламо* – самое известное сражение в войне между Мексикой и Техасской республикой. При осаде мексиканскими войсками миссии Аламо почти весь техасский гарнизон был уничтожен, однако начиная с этой битвы в войне наметился перелом на сторону Техаса.

– Боже мой, – сказал Шкип, – как же жаль, что он умер! Как это случилось? Куда нам теперь идти? И когда же настанет тот день, когда нам не придётся больше повторять это снова и снова?

– Не знаю, в курсе ли ты, Шкип, но тут на нашей высоте есть один боец, который считает, что это сделали мы. Наши. Наша контора. В частности, под наше внимание попали добрые друзья Кубы, те парни, что курировали операцию в заливе Свиней. Потом расследование, комиссия, Эрл Уоррен¹⁸, Рассел¹⁹ и все остальные – Даллес²⁰ и тот позаботился, чтобы отвести любое подозрение. Очень над этим потрудился. Заставил нас выглядеть кругом виноватыми.

Эдди резко распрямился. Его лицо находилось в тени, но вид у него был нездоровый.

– Не в силах выдумать ни одного хоть бы самого завалящегося палиндрома, – объявил он. – Так что, пожалуй, откланяюсь.

– С тобой всё в порядке?

– Чтобы вести автомобиль по дорогам, нужно хоть немного воздуха в лёгких.

– Дайте ему воздуха, – велел полковник.

– Я доведу тебя до машины, – сказал Шкип, но почувствовал ладонь полковника на своей руке.

– Не беспокойся, – ответил Эдди, и вскоре они услышали, как с другой стороны здания заводится его «мерседес».

Тишь. Ночь. Нет, не тишь – из джунглей доносился мерный звон, с которым мириады насекомых насмерть боролись за существование.

– Что ж, – сказал полковник, – я и не думал, будто из старины Эдди удастся что-нибудь вытащить. Без понятия, какие там у них планы. И почему он говорит, что плотно работал с Эдом Лансдейлом? Во времена Лансдейла-то он ещё под стол пешком ходил. В пятьдесят втором он, должно быть, был ещё совсем мелким пацанёнком.

– Да ладно, – ответил Шкип, думая о том, что майор Эдди, когда его сердце волновала страсть, имел обыкновение выражаться даже в некоторой степени поэтично, – назвать его слова ложью как-то язык не поворачивается.

– Чем ты здесь занимался?

– Катался по ночам с Агинальдо. Ну и знакомился с картотекой, согласно инструкции. Инструкцию, кстати, дали в ужасной манере. Резал и клеил.

– Замечательно. Очень хорошо, сэр. Какие-нибудь вопросы?

– Да: почему в документах никак не упоминается этот регион?

– Потому что собирали их не здесь. Очевидно же, что они составлялись в Сайгоне. И его окрестностях. И ещё кучка с Минданао – эти достались мне по наследству. Да, я служащий отдела Минданао, у которого нет своего отдела. Тебе что-нибудь нужно?

– Я раскладываю дубликаты обратно по коробкам, после того как обрежу их до нужного размера. Мне понадобятся ещё такие боксы.

Полковник обхватил сиденье стула коленями и подъехал поближе к Шкипу.

– Да просто распихай их по картонным коробкам, ладно? Скоро ведь переправлять их на новое место. – Кажется, полковника опять унесло от алкоголя; взгляд его помутился, и, вероятно, если бы можно было это разглядеть, нос у дяди покраснел – такая реакция на крепкие напитки была характерна для всех мужчин по отцовской линии их рода; однако речь его звучала бодро и уверенно. – Ещё вопросы?

¹⁸ Эрл Уоррен – председатель Верховного суда США в 1953–1969 гг., глава комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди.

¹⁹ Ричард Рассел – высокопоставленный сенатор-демократ, также принимал участие в расследовании убийства Кеннеди.

²⁰ Аллен Даллес – знаменитый американский дипломат и разведчик, глава ЦРУ в 1953–1961 гг., позднее также принимал участие в расследовании убийства Кеннеди.

- Кто такой этот немец? Если только он немец.
- Немец-то? Это человек Эдди.
- Человек Эдди? Мы с ним сегодня обедали, и Эдди как будто его совсем не знал.
- Ну, если он не человек Эдди, уж я тогда не знаю, чьим он может быть человеком. Не моим уж точно.
- Эдди говорил, ты с ним встречался.
- «Эдди Агинальдо», – сказал полковник, – в переводе с филиппинского значит «лживая скотина». Ещё какие-нибудь вопросы?
- Да: Андерс, что это за мелкие пятнышки грязи на стенах?
- Прошу прощения?
- Ну вот эти вот крохотные грязевые крапинки? Имеют они какое-то отношение к насекомым? Вы же вроде как энтомолог?
- Питчфорк, пробуждаясь от дрёмы, задумчиво пригубил бренди.
- Я как-то больше по части комаров.
- О, это смертоносные вредители, – поддержал полковник.
- И скорее по части осушения болот, – продолжал Питчфорк.
- Андерс о тебе очень лестно отзывался. Практически хвастался, – сказал полковник.
- Так ведь парень-то хороший. У него любопытство правильного свойства, – подтвердил Питчфорк.
- С тобой связывался кто-нибудь из нашей группы в Маниле?
- Нет. Если только вы не считаете формой контакта то, что Питчфорк тут, в сущности, живёт.
- Питчфорк не состоит в нашей группе.
- Тогда кто же он?
- Я отравитель, – проговорил Питчфорк.
- Андерс действительно почётный сотрудник корпорации «Дель-Монте». Они очень много вкладывают в искоренение малярии.
- Я специализируюсь на ДДТ и мелиорации заболоченных местностей. Но понятия не имею, что за организмы оставляют эти мелкие грязевые пятнышки.
- Полковник Фрэнсис Сэндс запрокинул голову назад и влил полбокала себе в глотку, моргнул, привыкая к темноте, кашлянул и сказал:
- Твой родной папаша – мой родной брат – погиб во время гнусного налёта япошек на Перл-Харбор. И кто же был в ту войну нашим союзником?
- Советы.
- А кто нынче наш враг?
- Шкип знал сценарий:
- Советы. А союзники кто? Гнусные япошки.
- А с кем, – вставил Питчфорк, – сражался я в малайских джунглях в пятьдесят первом и пятьдесят втором? Да с теми же самыми китайскими партизанами, которые помогли нам в Бирме в сороковом и сорок первом!
- Полковник сказал:
- Мы должны крепко держаться за наши идеалы, пока проносим их через этот лабиринт. Точнее, через эту полосу препятствий. Полосу дьявольски трудных препятствий, которые чинит нам действительность.
- Вот-вот! – вставил Шкип. Он не любил, когда дядя драматизировал очевидные вещи.
- Выживание – основа триумфа, – изрёк Питчфорк.
- Кто придёт первым? – спросил полковник.
- Но в конце, – сказал Питчфорк, – нас ждёт или свобода, или смерть.
- Полковник поднял пустой бокал, указывая на Питчфорка:

– На Сороковом километре Андерс семь месяцев кряду обслуживал детекторную радиостанцию. По сей день так мне и не рассказал, где её прятал. Там, в этом лагере, было ведь по меньшей мере с дюжину сучьих япошек, которые день и ночь только над тем и ломали голову, как бы накрыть местонахождение этой шайтан-машины. – «Сороковым километром» называлась железнодорожная станция в Бирме, на которой японцы в 1941 году интернировали их рабочую бригаду. – А вместо плошек для риса были у нас кокосовые скорлупки, – рассказывал полковник. – У каждого – своя кокосовая скорлупка. – Он протянул руку и сжал племяннику запястье.

– Ой-ой-ой, – спохватился Шкип, – неужели мы вас теряем?

Полковник уставился на него:

– А?

Шкип вскочил, чтобы вернуть дядю в реальность:

– Господин полковник, я же правильно понял, что картотека в определённый момент отправляется обратно в Сайгон?

Полковник таращился на него из темноты и чуть подёргивался, мельчайшими движениями выправляя осанку, как бы стараясь удержать голову в равновесии на шее. Видимо, в качестве упражнения на координацию изучил с разных расстояний окурки своей сигары, после чего, кажется, овладел собой и сел прямее.

Сэндс сказал:

– Я всё это время повышал свой уровень французского. Командируйте меня во Вьетнам.

– А как у тебя с вьетнамским?

– Надо бы освежить знания.

– Ты ж ни словечка не знаешь.

– Выучу. Отправьте меня в языковую школу в Калифорнии.

– Никто не хочет в Сайгон.

– Я хочу. Определите меня там в какую-нибудь контору. Буду приглядывать за вашей картотекой. Назначьте мне куратора.

– Пообщайся с моей задницей – а то башка что-то разболелась.

– Каждый показатель будет у меня доступным для восприятия и восстановимым – просто перебери их двумя пальцами, и вжик-вжик, сэр, – что искали, то вам и выскочит.

– Ты настолько влюблён в документы? Что, попал под приворотные чары резинового клея?

– Мы им скоро накостыляем. Хочу быть там, чтобы этому поспособствовать.

– Никто не хочет ехать в Сайгон. Ты хочешь на Тайвань.

– Господин полковник, при всём глубочайшем уважении, сэр, ваши намёки не имеют под собой никаких оснований. Мы им скоро накостыляем.

– Я это не к тому, что мы им не накостыляем, Шкип. Я имел в виду, что мы не победим безусловно, по умолчанию.

– Понимаю. Я готов к тому, что они окажутся достойным противником.

– А-а-а! Вопреки всем моим усилиям ты всё-таки стал одним из этих новых ребят. У тебя уже иная закваска.

– Отправьте меня во Вьетнам.

– На Тайвань. Туда, где есть сносные условия для жизни и можно встретить всех, кто едет на фронт. Или в Манилу. Манила – это вариант номер два, я бы так сказал.

– Моё владение французским становится лучше, читаю я бегло, и всегда читал. Пошлите меня в языковую школу, и в Сайгоне я заговорю на нём так, точно родился французом.

– Да брось ты. Сайгон – это дверь-вертушка, там никто надолго не задерживается.

– Мне нужны канцелярские резинки. Большие, длинные и толстые. Хочу сортировать ваши карточки в стопки по регионам, пока вы не предоставите больше боксов. И больше сто-

ликов для карточек. Дайте мне в Сайгоне комнату и двух клерков. Я вам целую энциклопедию тогда накаваю.

Полковник усмехнулся, низко, сипло – саркастически, театрально, – но Шкип знал, что это добрая примета.

– Договорились, Уилл. Отправлю я тебя в школу, уж с этим-то мы разберёмся. Но сперва мне нужно, чтобы ты выполнил для меня одно задание. На Минданао. Есть у меня там один тип, которого мне охота активнее задействовать в работу. Не против пошариться немного по Минданао?

Сэндс подавил приступ страха и решительно промолвил:

– К вашим услугам, сэр!

– Доберись туда. Пообщайся вплотную со змеями. Попробуй на вкус человечину. Научись всему.

– Это довольно размытые требования.

– Есть там один человек по фамилии Кариньян, священник, живёт на Минданао уже многие десятилетия. Отец Томас Кариньян. Найдёшь его в картотеке. Ознакомься с материалами по этому парню по фамилии Кариньян. Гражданин США, заброшенный к чёрту на кулички, католический падре. Он получает оружие или что-то в этом роде.

– Что всё это значит?

– Ну, что именно это значит, я без понятия. Такая вот формулировка. Получает пушки. По нему у меня ещё ничего не проработано.

– А потом что?

– А потом проваливай. Встреться с этим человечком. Похоже, так мы вскоре и оформим окончательно его карточку.

– Оформим?

– Мы создаём задел на будущее. Таковы приказы.

– «Оформим» – кажется... – Он не знал, чем закончить.

– Что тебе кажется?

– Звучит так, будто речь идёт не только о документах.

– Прежде чем будут приняты какие-нибудь решения, пройдёт не один месяц. Между тем мы хотим, чтобы всё было наготове. Если кто и даст делу ход, так это не мы. Ты там только для того, чтобы докладывать мне. Будешь передавать донесения через радиостанцию «Голоса Америки» на Минданао.

– А потом буду вашим каталогизатором во Вьетнаме?

– Тебе всё Вьетнам да Вьетнам! Лучше переправь свой М1 домой к мамочке. Мы такие больше не выпускаем.

– Вот дерьмо. Выпить, что ли, ещё бренди?

Полковник подставил стакан, а Шкип наливал.

– Тост – но не за Вьетнам. За Аляску. Ура!

Андерс и Шкип тоже подняли напитки.

– Это счастливая случайность. Потому что я как раз хотел подкинуть тебе заданье, и, думаю, если твой образ действий в полевых условиях будет столь же образцовым, как я предвижу, у меня появятся все причины, чтобы тебя перекомандировали.

– Вы меня разыгрываете? И весь вечер меня разыгрывали?

– Весь вечер?

– Нет. Не весь. Начиная с...

– С каких пор, Шкип? – полковник затянулся сигарой, так что его толстощёкое лицо сверкнуло во тьме оранжевым огнём.

– Вы прямо как актёр дешёвого водевиля.

– И лицедействую тут перед тобой?

– С двенадцати лет.

Полковник сказал:

– Знаешь, я вот однажды ездил на Аляску. Путешествовал по Аляскинско-Канадской трассе, по той, что построили во время войны. Это фантастично. Не сама трасса, а пейзажи. Грандиозная дорога – всего лишь такая себе ерундовая чёрточка на фоне окружающей природы. Ты ни в жизнь ничего подобного не видал. Это мир, принадлежащий Богу, который был богом ещё до Библии... до того, как он пробудился ото сна и узрел сам себя... Богу, который был своим собственным страшным сном. Там ничему нет прощения. Допускаешь хоть одну крохотную ошибку, и природа расплющивает тебя в кровавую кляксу, да, в кляксу – сию же секунду, сэр! – воспалёнными глазами он огляделся вокруг, как будто лишь наполовину узнавал обстановку. Сэндс усилием воли приказал себе не терять самообладания. – Я повстречал одну даму, что прожила там порядочно лет – точнее, это-то уже позже было, а именно на прошлое Рождество имел я такое удовольствие. Теперь уже пожилая женщина, провела она свою молодость и большую часть зрелости на берегах Юкона. Зашёл у нас разговор об Аляске, и у неё было на это только одно замечание. Она сказала: «Это место, забытое богом». Эх вы, несчастные, чрезмерно деликатные сукины дети! Я считаю ваше молчание знаком уважения. Это я тоже ценю. Так позволите ли мне подобраться к сути? Реплика этой дамы заставила меня призадуматься. Оба мы почувствовали в этом месте одно и то же: здесь есть нечто большее, чем просто чуждая природа. Оба мы ощутили власть чуждого божества. А всего за несколько дней до этого, от силы парочку, на самом-то деле, я читал Новый Завет. Его дала мне моя малышка. Он у меня и вот прямо сейчас в ранце лежит, – полковник полупривстал и снова сел. – Но я вас пощажу. Суть-то в том, что – ага! ну да! – у старого чёрта в речах есть какая-то суть, и он ещё не настолько наклюкался, чтобы к ней не вернуться – вот она в чём суть-то, Уилл. – Никто другой никогда не называл Сэндса Уиллом. – Святой Павел учит, что есть один Бог, подтверждает это, но говорит: «Есть один Бог и много разных служб». Понимаю, что можно блуждать от одной вселенной к другой, знай только разворачивайся и шагай себе вперёд. То есть можно прийти в такую страну, где участь человека полностью отличается от того, как ты привык её понимать. И эта коренным образом отличающаяся вселенная управляется напрямую через землю. Прямо через грязь, чёрт бы её побрал! Так, а в чём же всё-таки суть? А суть – во Вьетнаме. Суть – во Вьетнаме. Суть – во Вьетнаме!

В конце сентября Сэндс сел на поезд от городка у подножья гор до Манилы. Было жарко. Он расположился у открытого окна. На остановках в вагон заходили торговцы, предлагали пассажирам ломтики манго и ананаса, сигареты и жевательную резинку поштучно из открытых пачек. Какой-то пацан пытался продать ему однодюймовый снимок – совсем не сразу Сэндс понял, что на фотографии изображена оголённая женская промежность, снятая с очень близкого расстояния.

Согласно инструкции, он не собирался являться в посольство или связываться с кем-либо в Маниле касательно своего задания. Возможно, он поискал бы встречи с майором, но его отдельно предупредили воздерживаться от сношений с Эдуардо Агинальдо. Однако в офицерский клуб в Приморском правительственном комплексе вход ему заказан не был, а там подавали лучшие свиные отбивные, какие он когда-либо пробовал. На манильском вокзале он торопливо протолкнулся сквозь ораву нищих и мелких воришек, сжимая правой рукой бумажник в кармане брюк, и доехал до комплекса на бульваре Дьюи в такси, сильно пахнущем бензином.

В зале Приморского клуба с кондиционируемым воздухом можно было выглянуть в южное окно – из него открывался вид на солнце, садящееся в воды Манильской бухты, или, через комнату, в северное – на плавательный бассейн. Двое крепких на вид мужчин, вероятно, гвардейцев морской пехоты из посольства, упражнялись в фигурных прыжках с борта – делали

сальто и кувырки назад. Сэндса поразила черноволосая американка в золотистом леопардовом открытом купальнике – практически во французском бикини. Она говорила о чём-то со своим сыном-подростком, который сидел на лежаке и тупо рассматривал собственные ноги. Женщина была немолода, но роскошна. Все другие дамы у бассейна носили закрытые купальники. Противоположного пола Шкип откровенно побаивался. Принесли свиные отбивные – сочные, мясистые. Его знаний о кулинарии не доставало даже для того, чтобы догадаться, как у них получается так здорово готовить свинину.

Уезжая, он купил с прилавка у кассира плоскую пачку сигарет «Бенсон и Хеджес», хотя сам и не курил. Ему нравилось их раздавать.

Он ждал такси рядом с клубом, стоя в сумеречном свете и озирая широкие поля, жакаранды и акации, стену, усаженную шипами, и развевающийся у входа в комплекс американский флаг. При виде флага Сэндса стали душить слёзы. В этом звёздно-полосатом полотнище слились все его жизненные устремления, отчего и проистекало то щемящее чувство, с которым он любил Соединённые Штаты Америки – любил чумазые, простые, честные лица солдат на фотографиях времён Второй мировой, любил дождевые потоки, струящиеся по зелёной спортплощадке под конец учебного года, лелеял детские воспоминания о лете, о многих летних деньках, проведённых в Канзасе, где он устраивал штабики на деревьях, безболезненно падал на траву, подставляя макушку нещадно палящему солнцу, о безлюдных улицах в безветренные вечера, о густой, почти осязаемой тени исполинских вязов, о том, как бормотали радиоприёмники на подоконниках да как щебетали красноплечие желтушники, о печали взрослых из-за каких-то их непостижимых хлопот, о голосах, что разносились над дворами в опускающихся сумерках, о поездах, что катились через городок прямо в небо. Его любовь к своей стране, к своей родине сливалась с любовью к лету.

Флаг трепетал в волнах солёного бриза, а солнце скоро ушло под воду где-то вдалеке. Никогда в природе он ещё не видел ничего столь взрывоопасно-малинового, как эти закаты над Манильской бухтой. Гаснущий свет заряжал воду и низкие облака ужасающей жизненной энергией. Вот перед Шкипом остановилось обшарпанное такси, с заднего сиденья поднялись два осмотрительно-невзрачных молодых человека из дипломатической службы, и безликий молодой человек из Разведывательного управления занял их место.

* * *

Кариньян очнулся от тяжёлого сна, а по ощущениям – скорее кошмара; он весь дрожал, но что же такого пугающего было в этом сне? Да и сон ли это был – или скорее явление: некая фигура, монах с бледным пятном на месте лица, который твердил: «Твоё тело есть лучина, что возжигает страсть меж твоей любовью к Христу и милостью Божией». Кариньян уже так давно не соприкасался с английским, что смысл некоторых из этих фраз от него ускользал, как он ни прокручивал их в уме, как ни бормотал их губами – «страсть», «возжигает»? Вот уже многие годы, как ему случалось произносить подобные слова разве что шёпотом. А ещё удивительно было, с чего бы ему вдруг видеть сны о милости или об Иисусе Христе, потому что с тех пор, когда он ещё позволял мыслям обо всех этих материях себя беспокоить, тоже прошло очень много лет.

Одиночество моей собственной жизни – сиротливое возвращение Иуды домой.

Он встал с кровати в углу заплесневелой церквушки, спустился к бледно-коричневой реке с куском бледно-коричневого мыла. На него глазели двое ребятишек – они рыбачили на леску без удилища, сидя на широкой спине карабао, местной одомашненной разновидности водяного буйвола. Поблизости нежилась в прибрежном иле другой такой же зверь – на поверх-

ности виднелись только ноздри и частично рога. Не снимая дзори²¹ и нижнего белья, а мыло сунув под одежду, Кариньян окунулся в воду и поспешно вылез, пока не присосались пиявки.

К тому времени, как он вернулся, переоделся в чистые трусы, надел брюки цвета хаки, футболку и пристегнул воротничок, Пилар уже заварила чай.

Священник сел на пень у шаткого столика под пальмой, закурил первую за день сигарету и отхлебнул из фарфоровой чашки. Пилар он сказал:

– Сегодня иду на встречу с мэром Дамулога. С мэром Луисом.

– Так и пойдёте до самого Дамулога?

– Нет. Оба отправимся в Басиг, там и встретимся.

– Сегодня?

– Он говорит, сегодня.

– А кто вам сказал?

– Дату²² Басига.

– Хорошо. Я тогда заберу всё к сестре, там и постираю.

– До воскресного утра службы не будет.

Нужно было только сообщить Пилар, и об этом будет знать каждый.

– Хорошо.

– Мы встретимся с тремя другими дату. Это всё из-за миссионера – помнишь, того, который пропал?

– Да, миссионер из Дамулога.

– Они считают, что его нашли.

– Раненым?

– Мёртвым. Если только это тот самый.

Пилар перекрестилась. Она была вдовой средних лет с многочисленной роднёй, как мусульманами, так и католиками, и исправно о нём заботилась.

Кариньян попросил:

– Принеси, будь любезна, мои кроссовки.

День был серый, но пока священник шагал все десять километров по красной грунтовой дороге до Басига, он не снимал своей соломенной шляпы. Поднялся ветер, затряслись и задрожали стволы деревьев, пальмы, дома. Порывом вихря пронесло рой крохотных чёрных жучков, бесчисленных, как капли дождя. Играющие на тропинках дети при виде его с визгом бросались врассыпную. В Басиге он направился к рыночной площади, как всегда, размышляя о том, что было бы куда лучше, живи он здесь, в городе. Но город был мусульманским, и там не пожелали бы иметь церковь.

Ещё до того, как Кариньян дошёл до рынка, к нему с обеих сторон присоединились дату Басига и два других дату из Тандая, деревушки на холмах: все трое – мужчины под шестьдесят, в рваных джинсах или защитных брюках, в конических шляпах, похожих на его собственную, к тому же один из дату нёс в руке копье, и теперь, в городе, где их никто не тронет, ребяташки тихонько попискивали из-под тростниковых навесов: «А-тес, а-тес!» – отец, отец... Все вчетвером прошептались в кафе – убить время до прибытия мэра Луиса. Кариньян заказал рис с тарелкой козлятины и растворимый кофе. Остальные – рис и кальмаров.

Священник купил пачку сигарет «Юнион» и вынул одну: если эти мусульмане будут иметь что-то против, что ж, увы им. Однако они попросили его поделиться, и вот уже за столом курили все четверо.

²¹ *Дзори* (яп.) – обувь с плоской подошвой типа вьетнамок, удерживаемая на ноге с помощью узких полосок из кожи, резины, мочала и т. п., распространённая в Юго-Восточной Азии.

²² *Дату* – титул, означающий на Филиппинах вообще любого правителя, в данном случае – старейшину общины.

Мэр Луис известил на прошлой неделе, что людям, нашедшим труп и личные вещи покойного, уже сообщили, какие у пропавшего были отличительные признаки. Дату пообещали, что вернутся в Басиг с вынесенным заключением – действительно ли это пропавший американский миссионер? – не позже вторника. Кариньян был уверен, что сегодня уже четверг. Впрочем, это казалось неважным.

Подъехало джипни²³ из Кармена, облепленное пассажирами, и сбросило их, как гигантскую шкуру. На нём, вероятно, и прибыл из Дамулога мэр.

Люди проходили мимо дверей кафе, заглядывали в окна, но внутрь не вошёл никто. За другой столик уселся в одиночестве беззубый пьяный старик и замурлыкал себе под нос какую-то песенку. Несколько другая музыка исходила с заднего двора, где стайка детворы на корточках кучковалась вокруг безбатарейного радиоприёмника, какие были в ходу в армии США. Лучшее всего ловилась станция из Котабата. Передавались американские попсовые мелодии месячной давности. Маленьким слушателям заходили на ура что горячие эстрадные ритмы, что слезливые баллады.

В кафе вошёл низенький и пузатый мэр Дамулога Луис – улыбаясь, прихлопывая и играя свою собственную свиту. Он подсел к ним и оценил обстановку.

– Вы их расспросили? – сказал он по-английски.

– Нет.

Перейдя на себуанский, Луис обратился к Салилингу – самому старшему, человеку с копьём:

– Вот эти люди, которые нашли мертвеца у реки Пуланги...

– Да.

– Мы велели им поискать обувь. Прислали рисунок. И этикетку от рубашки. Прислали рисунок.

Салилинг сказал:

– У них только кости. И кольцо с пальца.

– На левой руке? Золотое?

– Они не говорили.

– Вот на этой. На левой.

– Ну а зубы они смотрели? У него в зубах были металлические коронки. Вы им сказали? – Он ткнул пальцем себе в рот и спросил Кариньяна:

– У вас такие есть? Можете им показать?

Кариньян широко разинул рот и продемонстрировал троим дату коренные зубы – зрелище, похожее, пришлось старейшинам по вкусу.

– Нашли у него в зубах металл? – допытывался мэр.

Салилинг ответил:

– Мы поищем такие зубы. Но в нашем барангае²⁴ есть проблема, о ней-то мы и хотим поговорить.

– Я не дату вашего барангая. Это вы там дату. Это не мой пост, это ваш пост.

– Нашей школе нужен ремонт. Крыша защищает от солнца, но не от дождя.

– Денег просит, – пояснил мэр Кариньяну по-английски.

– Я умею и по-себуански, – сказал Кариньян.

– Знаю. Просто нравится говорить так, чтобы эти мусульмане ничего не поняли. Я-то сам христианин, сэр. Адвентист седьмого дня. Не католик, конечно. Но перед лицом этих мусульман все мы одна семья.

– А этот пропавший миссионер тоже ведь адвентист седьмого дня, верно?

²³ *Джипни* – вид маршрутного такси на Филиппинах, переделанного из американского военного джипа.

²⁴ *Барангай* – наименьшая единица административного деления на Филиппинах, округ, район или сельская община.

- Да. Большое горе для всего Дамулога.
- Дайте этому человеку пятьдесят песо.
- Думаете, у меня найдётся пятьдесят песо? Я же не богач какой-то!
- Скажите ему, что заплатите позже.

Луис спросил Салилинга:

- Сколько стоит отремонтировать школу?
- Двести.
- Могу дать двадцать. Не сейчас. Через неделю.
- Доски стоят дорого. По меньшей мере сто пятьдесят за доски.
- У меня есть в Дамулоге доски. Если вам доски нужны, так досками я вам помочь могу.
- Досками и деньгами.
- Двадцать пять деньгами.

Салилинг о чём-то поговорил с остальными дату. Луис взглянул на Кариньяна, но священник покачал головой. Он не был знаком с их диалектом.

– Десять досок длиной хотя бы в десять футов, – сказал Салилинг по-себуански. – Да потолще.

- Да.
- Сколько вы выделите средств?
- Сорок – это потолок. Я серьёзно.
- Пятьдесят.
- Ну ладно. Пятьдесят песо деньгами и десять толстых досок. Через неделю.

Дату засовещались. Пришла хозяйка кафе, сгорбленная, встревоженная женщина, и принесла две булочки для священника, а также металлическую ложку, хотя он уже съел свою порцию, загребая пищу пальцами, как и все остальные. Будучи уверена, что белые люди предпочитают хлеб вместо риса, хозяйка всегда отправлялась на рынок, если в городке появлялся Кариньян.

Салилинг сказал:

– Будет славно, если вы подождёте недельку. Нам прямо сейчас нужно возвращаться в Тандай, а потом за холмы, к реке Пуланги.

– Так до реки они ещё не доходили! – сказал Луис по-английски.

– Я понял.

– Эти мусульмане такие медлительные. Наше время им тратить только в радость.

Миссионер пропал ещё до сезона дождей. Весть о найденном трупе пришла больше месяца назад.

Дату Салилинг сказал:

– Встретимся здесь через две недели. Либо мы придём в Дамулог. Принесём ответ, а вы привезёте древесину и деньги.

– Не через две недели – через одну, прошу вас! Миссис Джонс уже заждалась. Бедная миссис Джонс!

Старейшины заговорили между собой на своём наречии.

– Нет, – ответил дату, – за неделю не получится. Дотуда далеко, а людям с реки Пуланги доверять нельзя. Они не мусульмане. И не христиане. У них иные боги.

Кариньян сочувствовал миссис Джонс, жене миссионера. У него мелькнула мысль: «Может, пойти с ними вместе и доставить тело обратно в Дамулог?»

Луис сказал:

– Я согласен идти с вами, но не дальше Тандая, если только пойдём мы оба. А что до переправы через Пуланги – нет уж, увольте. Мне не хочется умирать. Хочется прожить подольше.

– Ладно.

– Вы отправитесь с ними, отец?

- Да.
- Сами?
- Если я пойду с ними, значит, уже не сам.

Уговорились: дату найдут Луиса в Дамулоге через две недели. Луис заказал бутылку «Сан-Мигеля».

– Люблю католические столовые, – сказал он своим собеседникам. – В нашей, адвентистской, пива не достать. Вредно для здоровья.

Хозяйка поспешила принести им закуску – мясо из большой стеклянной банки. По обеим сторонам от входа в кафе сгрудились горожане и глазели на них с открытыми ртами.

– Могу раздобыть авокадо, – предложила хозяйка Кариньяну. – Приходите к нам обедать, сделаю для вас авокадовый молочный коктейль.

Священник перекусил отбивной из мяса карабао, присыпанной специями, но, тем не менее, с невероятно сильным душком. Он кивнул в знак того, что оценил вкус по достоинству, и вот для него уже вынесли целую тарелку. Нет, мясо-то было неплохое. Но послевкусие от него слишком уж отдавало запахом карабао. Сборище за дверью голосило: «А-тес, а-тес, а-тес!».

И вышел Иуда, пошёл и удавился.²⁵

– За всех помолюсь, – крикнул им священник.

Салилинг встал и грозно двинулся на назойливых зевак. Топнул босой ногой, тряхнул копыём. Толпа отхлынула на пару шагов.

Хозяйка принялась вяло расталкивать старого пьянчужку за соседним столиком, вопя что-то невнятное. Он же, кажется, не отдавал в этом отчёта.

– Смотрите-ка, ваши прихожане хотят исповедаться, – заметил Луис.

И низринулся Иуда с высокого места, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его.²⁶

Кариньян задавался вопросом, имеют ли эти люди, заботящиеся лишь о том, как бы выжить, хоть какое-то понятие о чувстве вины. Все эти заскорузлые существа, словно вытесанные из красного дерева, которые приковывали сюда ради исповеди. Он ушёл вместе с остальными дату, отпихнувшими сельчан прочь с дороги.

– Пойду помолюсь. Каждый должен молиться. Молитесь святым угодникам на Небесах!

Ему предстояло идти с двумя дату в их барангай под названием Тандай. Туда не ходили джипни, туда, начиная с определённого места, не было даже дороги. Придётся пешком. Кариньян понял только то, что люди, у которых хранятся останки миссионера, живут у реки Пуланги. Как долго туда добираться, оставалось только гадать. Дату сказали – двадцать пять километров, но с его стороны было глупо об этом спрашивать, ибо откуда бы им знать точное расстояние? Из вежливости они предоставили примерное время: двухдневный пеший переход. Дату настаивали на том, чтобы выйти немедленно – так они смогут добраться до Тандая уже к ночи.

Они шли вместе до полудня и достигли Магинды. Там дату любезно одолжили для него лошадку, не крупнее пони, с деревянным седлом на спине. Замыкая вереницу из трёх стариков, лядащая животиная тащилась под весом Кариньяна несколько километров к подножью холма под барангаем Тандай, потом пришлось спешиться и взбираться по тропке за ней, а тем временем над изгибами невысоких гор уже спускались сумерки.

Вырубленная сельчанами просека, ведущая вверх по склону, была широка и потому удобна – но сам склон крут, и священник запыхался. Он уже был слишком стар для таких

²⁵ Матф. 27:5, точная цитата: «И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился».

²⁶ Деян. 1:18.

похождений – сколько ему лет? Да почти шестьдесят. Точно Кариньян не помнил. На полпути они услышали негромкий свист, и к ним присоединился четвёртый сопровождающий.

– Добрый вечер, атес, – сказал он по-английски. – Я составлю вам компанию.

Юноша представился как Робертсон, племянник Салилинга. Лица Робертсона в неярком вечернем свете было не разглядеть.

Раздумья об Иуде, всевозможные образы, этот монах, этот сон преследовали Кариньяна весь день. Монах из сна с серебристым облаком вместо лица. Может, удастся найти кого-нибудь, кто растолкует ему увиденное?

Они перевалили через гребень и отправились на ночёвку в здание школы. Священнику принесли ужин, состоящий из клейкого белого риса и зелёных листьев какого-то растения, которое они называли «хвай-ан», и вскоре, поскольку ночь была непроглядная, не осталось ничего кроме как лечь спать. Он улёгся на бок на деревянном полу, как и все прочие, без матраса и без покрывала. Не спалось. Воздух пах иначе, чем в его спальне у речки-вонючки рядом с Басигом, в помещении стояла духота, окна заслоняли громадные листья бананов, и даже ящерицы под застрехами верещали как-то по-чудному. Около полуночи начался дождь, постепенно лило всё сильнее и сильнее, пока гроза не стала порываться сокрушить металлическую крышу, угрожая утопить их сперва в собственном рёве, а затем в потоках ливня. Капли проникали сквозь стыки между рифлёными листами жести, и Кариньян сдвинул две парты и заполз под них, чтобы укрыться. В крошечной темноте в класс пробирались сельчане, у которых крыши протекали ещё сильнее, пока их не набралось под две дюжины. Когда ливень прекратился, ещё несколько часов было слышно, как он грохочет где-то внизу за горным склоном.

Проснулся священник на рассвете, почти не сомкнув глаз, и вышел на улицу опорожнить мочевой пузырь за углом школы. После ночного дождя было прохладно, но не чувствовалось ни единого дуновения ветерка. В этот час казалось, будто земля лежит разверстой, готовая выдать все тайны.

Какое подношение положил бы я к подножью креста, на котором висит разбойник?

Он громко испортил воздух, и ребятишки, которые подглядывали за ним из-за угла, принялись выпячивать губы и со смехом подражать звуку пускаемого ветра.

Какое утешение было бы ему у изножья смертного ложа его?

Не тратя времени на сборы и не попрощавшись, трое дату вышли и возобновили путешествие. Они ничего на себе не несли, вот и он ничего не нёс. Впрочем, хоть они и шли босиком, он обул свои кеды.

Они спустились по скользкой тропе к длинной горной гряде и добрались вдоль неё до другой вершины. С одного края мир залился алой краской, и откуда-то снизу прямо на них выкапилось солнце, испуская жгучий пар и, как казалось, сотворяя из самой дымки новый пейзаж, сложнее и величественнее прежнего, полный холмов, ущелий, искрящихся ручейков и растительности, окрашенной не просто в бесчисленные оттенки зелёного, но также серебристой, чёрной, фиолетовой.

Остановились у какого-то барангая в несколько лачуг на близлежащем холме, выпили местного кофе и съели каждый по плошке риса. Салилинг заговорил со старейшиной на висайском диалекте, и до слуха Кариньяна донеслось, как они обсуждают какую-то ружейную стрельбу, звучавшую вот этим самым утром на другом конце долины.

– Он предупредил нас, что впереди ведётся какой-то бой, – сказал Робертсон.

– Я слышал, – ответил Кариньян.

И они опять двинулись в поход.

Спустились по другому склону горы на широкую, ровную тропу, гладко утопанную буйволиными копытами. Мало-помалу проход сужался, пока Кариньяну не пришлось прижать руки к груди, чтобы их не разодрали колючие растения, густо обступившие дорогу. Салилинг возглавлял колонну, а кончик его копья задевал листву над головой и сбивал остатки ноч-

ного дождя Кариньяну в лицо. Остальные, пригнувшись, следовали за священником. Внезапно Салилинг сошёл с тропы и ринулся в море слоновой травы, через которое, где-то у них под ногами, бежала стёжка шириной в шесть дюймов. Теперь солнце атаковало их сверху, из самого зенита, а снизу тем временем нападала густая красная грязь, которая казалась живой, – приставала к обуви Кариньяна, наслаивалась на подошвах, громоздилась с боков, засасывала по самую щиколотку. Другие, шлёпая босыми ступнями, преодолевали её влёгкую, тогда как священник, бредя в середине вереницы, прорывался с боем, а на каждом из теннисных кроссовок запеклось по красному пирогу, тяжёлому, будто из бетона. Он сбросил кеды, пока их не поглотила грязевая каша, связал их шнурками и оставил болтаться в кулаке.

Когда они покинули плоскогорье и сошли к ручью на дне глубокого ущелья, а Кариньян уже отчаялся ждать конца этим бесчисленным спускам и подъёмам, откуда-то из-за ближайшей вершины раздался глухой треск, и они попали под тень дымового облака, повисшего в небе у них впереди, чёрной колонны, возносящейся вертикально вверх – потому что стоял полный штиль. И будет кровь, и огонь, и пальмовые деревья дыма²⁷ – это же из книги Иоиля, нет? Невероятно, как это вдруг к нему вернулось знание английского! Да и Писание тоже вынырнуло обратно из тьмы... Иоиль, да, глава вторая, обычно это место переводят как «столпы дыма», но в древнееврейском подлиннике ясно сказано: «пальмовые деревья дыма».

Когда они перешли ручей, бегущий по дну ущелья, Кариньян попытался очистить подошвы. Грязь не растворялась в воде, и пришлось отскребать и оттирать её пальцами. Вода казалась чистой. Он задался вопросом, можно ли её пить. Где-то на протяжении русла каждого ручейка в этой местности располагалась какая-нибудь деревня или племенная община: воду использовали для орошения, сбрасывали в неё нечистоты, купали скотину. Его снедала отчаянная жажда, все нутро изнывало от обезвоживания, но они пить не стали, вот и он не стал. Натянул на босу ногу мокрые кроссовки. Теперь они направлялись прямо к чёрному дымовому монолиту.

Они достигли вершины и по одновременно грязной и каменистой стёжке добрались до баранга в несколько хижин – те пылали, почти уже сгорели дотла – до кучи досок, по-прежнему чёрных и тлеющих. Салилинг приложил руку ко рту и гикнул. Ему кто-то ответил. Обойдя вокруг опорный столб, они обнаружили старика в набедренной повязке из мешковины. Кариньян присел на кочку, поросшую жёсткой травой, и стал отмахиваться от дыма, а Салилинг и его племянник заговорили с сельчанином.

– Говорит, пришли тад-тады, чтобы всё тут разрушить, – сказал священнику Робертсон. – Но все убежали. А он слишком старый, чтобы сбежать. Ему в руку выстрелили, вот он и прячется.

«Тад-тад» называлась христианская секта. Название означало что-то вроде «руби-руби».

Из жителей деревни никого не осталось, кроме этого старика с пулевым отверстием в ладони, на которую он наложил компресс из листьев и мушиных яиц.

– Даже если получили тяжёлое ранение, в этом племени никогда не отрезают конечности, – пояснил Робертсон. – Это необязательно, раны у них никогда не гноятся, потому что они дают мухам отложить туда яйца и личинки выедают из мяса всё нагноение.

– А-а. Ага, – протянул Кариньян.

– Хороший способ. Но бывает, от этого болеют и умирают.

По старику, его по-обезьяньи сморщенному личику и жилистой плоти, которая почти отставала от костей в суставах, было видно, что он безмерно близок именно к такому исходу. В глубине рта у него сохранилось два или три зуба, и сейчас он крайне сосредоточенно обглаживал ими плод манго. На вопросы Салилинга старик отвечал неприветливо, но когда покончил с фруктом, отшвырнул косточку и показал Кариньяну свой антинг-антинг – браслет из

²⁷ Иоиль 2:30, точная цитата: «И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма».

полых семян вокруг запястья. Его магия, объяснил дед, оберегает от насильственной смерти. Поэтому пулевое ранение ничего не значит.

Старик говорил на себуано-висайском наречии, которое Кариньян понимал довольно неплохо, но юный Робертсон всё равно перевёл:

- Ему просто нужно напиться крови обезьяны, тогда будет как новенький.
- Возьмите меня с собой к реке, – прохрипел дед. – Хочу хлебнуть немного грязи.
- А сейчас он хочет пойти с нами, – сказал Робертсон.
- Да. Понимаю.
- В этом племени говорят, что грязь даёт жизненные силы. Он хочет к реке.
- Я знаю, о чём он говорит, – настойчиво ответил священник.

Старик указал на восток, куда-то за холм, и завёл речь про какую-то сказочную страну, про земли из легенд и преданий.

- Он говорит, что вон за той горой лежит край под названием Агаманийог.
- Это только дети верят в подобные сказки, – проворчал Кариньян.

Старик по-прежнему показывал на восток:

- Агаманийог! Это страна кокосов.

Кариньян сказал:

- Оставьте детям этот ваш Агаманийог.
- Они туда не ходят, – возразил дед.

И вновь они тронулись в путь, пробираясь вброд по руслу ручья через узкую ложину, а затем – вверх по противоположному склону горы, цепляясь за пучки травы, чтобы подтянуться, а Кариньяна на каждом шагу язвило стрекало Искусителя: «Я есмь зло в полновластии воли своей, и не раскаиваюсь в том сполна. Ну ладно, чуть-чуть раскаиваюсь. Но лишь самую малость. Я потерпел неудачу в Духе усыновления».²⁸ Он приглушил голос дьявола, который принадлежал ему самому, и настроил слух на звуки извне: шелест мокрой листвы на ветру, гогот попугаев, лживую болтовню обезьянок в кустах. Растения смыкались над головами. Тропинка теперь пролежала лишь где-то в воображении Салилинга. Кариньян слепо тащился за ним, держась на ногах из страха, что если вдруг он сядет, то потеряется среди растительности. Одежда промокла насквозь, даже карманы – и те наполнились потом. Стёжка опять расширилась, и они вышли на хребет, с которого открывался вид на весь мир целиком. Теперь идти стало легче. Через менее чем два часа они стояли над долиной Аракан, около пяти километров в ширину, а по дну долины несла оливково-серые воды река Пуланги. Берега скрывали из виду исполинские акации, похожие на грибы высотой с десятиэтажный дом и с кронами шириной в сто футов. До этого момента Салилинг с ним не заговаривал, но сейчас повернулся и сказал по-себуански:

- Оглянитесь – видите, откуда мы пришли. До тех мест двадцать километров.

Кариньян посмотрел на запад: там в розоватом свете купалось серо-зелёное крошево джунглей, кипящее в котле заката.

Ещё час спускались они к остаткам барангая Татуг. Прошлогоднее наводнение прибило травы к земле и смыло дома с низких свай, но там всё ещё жили люди. Кариньян, настолько обессиленный, что был не в состоянии даже снять шляпу, присел на какой-то холмик, смутно осознавая, что тот вполне может оказаться чьей-нибудь могилой. Вокруг теснились другие могилы, не совсем ещё сгинувшие под безжалостным натиском колючих трав и ползучих лиан. Что-то истребило с десятков этих людей, да что там, больше, двадцать, двадцать пять – чума,

²⁸ См. Римлянам 8:14–16. «Ибо все водимые Духом Божиим – сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“ Этот самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии».

наводнение, разбойничий налёт. Он нашёл в себе силы наконец-таки снять шляпу. Услыхал детский смех, услышал женский плач.

– Давайте, отойдите отсюда, тут нельзя сидеть, – сказал Робертсон. Салилинг взял его за руку. Робертсон объявил: – Смотрите, вот коробка. – Он держал ящик из источенных личинками трухлявых досок. – В ней – кости вашего соотечественника.

* * *

В рамках своей первой официальной операции в качестве сотрудника разведслужбы в субботу, в 4:15 утра Сэндс прибыл во внутренний аэропорт Манилы, чтобы сесть на «Дуглас Ди-си-3», отправляющийся в Кагаян-де-Оро, самый северный город на острове Минданао, и смешался с толпой у окошек кассы – десятки полусонных людей в платках, повязанных у шеи, лениво обмахивались выцветшими журналами, ненавязчиво, но решительно пробивались к безучастным лицам персонала. Затем они исчезали, после чего, собственно, всходили на самолёт. Фамилия Шкипа шла сороковой в листе ожидания, выведенном мелом на доске у стены, но предыдущие тридцать девять путешественников так и не показались, так что он первым поднялся на борт «Ди-си-3», который пронёс всего пятерых пассажиров над радужно-переливающимися джунглями и чёрными водами моря и без происшествий приземлился на красный грунт ухабистой взлётно-посадочной полосы. Эти «Ди-си-3», как он понял, могут летать хоть с отстреленным крылом – слышал он от полковника подобные байки.

Сэндс нашёл такси до кагаянского рынка, решил обойтись без завтрака и сразу же сел в рейсовый автобус, идущий на юг через остров. Он вёз недорогой фотоаппарат, «Имperiал Марк XII» без осветительной приставки, снимающий в пастельно-зелёных тонах, но большую часть времени просто любовался пышными, словно бы губчатыми ландшафтами. Ехали они с приличной скоростью, иногда сбавляя обороты почти до предела, чтобы дать старым пассажирам сойти, а новым – сесть, но ни разу толком не остановившись. У каждого хуторка к автобусу сбегались торговцы, продавали ломтики манго и ананаса, обёрнутые в бумагу, и «кока-колу» в трясущихся полиэтиленовых пакетах, завязанных узлами и с торчащей сбоку соломинкой для питья, – они-то и составили походный паёк Шкипа до тех пор, пока поездка не прервалась на ночь в Малайбалае, довольно крупном городе среди гор в центре острова.

Всю дорогу его пронизывали волны тоски по дому – не по Штатам, не по Канзасу или по Вашингтону, а по пансионату в горах Лусона, по его спальням с кондиционерами, супу «Кэмпбелл» и арахисовой пасте «Скиппи» из спецмагазина Приморского дипломатического комплекса. Эти крошечные припадки смятения принимались им с радостью – как признаки углубляющегося погружения в среду. Его заинтриговала идея, которую выдвинул полковник: о едином боге, но многих службах. Страхи увлекли Сэндса также и к дальнему концу текущего задания – кому предстоит читать рапорт об отце Томасе Кариньяне, какое впечатление произведёт это его донесение?

Малайбалай, хоть и бедный, построенный по большей части из фанеры да оцинкованной жести, был городом многолюдным, шумным и оживлённым. Возле площади перед католической церковью Сэндс нашёл гостиницу и комнату с отдельным санузлом, как принято в мусульманских домах – кабинкой, в которой есть как туалетная дырка, так и кран с холодной водой и трёхфутовым резиновым шлангом. Такая экзотическая система ввергла его в состояние духовной тошноты. На заданиях подобного типа он был готов испытывать чувство ужаса и оторванности от мира – но не просто же от вида сантехники! Он лёг на кровать, отдышался, дал напряжению выпариться из крови. Окна в узенькой комнатухе находились слишком высоко, чтобы выглянуть на улицу. Казалось, в здешнем воздухе нет кислорода, а полон он лишь детским визгом и шумом уличной жизни. Сэндс взял фотоаппарат, спустился по лестнице наружу и сел на каменную скамеечку на площади, подставив туфли под щётку чистильщика. Маль-

чишка – на вид не старше семи-восьми лет – трудился в поте лица, верхнюю губу усеяли бисером крупные капли, и выразительно постучал щёткой по ящику, чтобы дать знать клиенту, что надо бы переменить ногу. Сэндс щёлкнул аппаратом. Мальчуган сохранил хладнокровие и притворился, будто ничего не заметил. Что ж, пожалуй, этого хватит, оно его успокоит, это ребячье лицо. Он щедро заплатил, вошёл в церковь – никаких стен, только массивный купол над рядами скамей – и стал ждать субботней вечерней литургии. Подтянулось ещё немного людей. Спустились сумерки. На улице над площадью запорхали летучие мыши. Латынь утихомирила его душевную бурю. Во время проповеди моложавый священник говорил по-висайски, но Шкип уловил много знакомой английской терминологии: «одержимость бесом»... «изгнание демонов»... «падшие ангелы»... «духовное обследование»... «психологическое обследование»... Когда молящиеся поднялись для причастия, он предоставил их самим себе и шагнул обратно в этот катастрофически чуждый город.

Останавливая каждого прохожего, пока среди них не попался один, говорящий по-английски, он узнал про ресторан в западном стиле и вскоре уже сидел в «Ла-Пастерии» – итальянском заведении, которое, похоже, часть своего меню добывало из консервных банок, но также подавали там салат из свежих овощей и антипасто с редиской, сельдереем только что с грядки и даже оливками. Белые скатерти, свечи в бутылках из-под «кьянти» и патефон, на котором персонал крутил семидесятивосьмиоборотные пластинки с джазовыми мелодиями.

Деревянные ставни были нараспашку, и внутрь залетал вечерний горный бриз – настолько прохладный, насколько это было вообще возможно на данной широте. Неподальёку от одного окна в одиночестве сидела женщина – явно англичанка или американка, молодая, но уже какая-то потускневшая, сухая, вроде библиотечной старой девы или незамужней сестры пастора. Впрочем, когда бы его взгляд ни упал на неё во время еды, она не отводила глаз, а смотрела в ответ с необъяснимой откровенностью.

Как только официант убрал её посуду, незнакомка встала и подошла прямо к столику Шкипа. Принесла свою чашку кофе и поставила её рядом с его чашкой.

– Мы весь вечер глядим друг на друга. Думаю, нам пришло время представиться. Я Кэти Джонс.

Она пожала ему руку и задержала в своей ладони. Это было не просто дружелюбие. Она, не отрываясь, смотрела ему в глаза, и взгляд её был чуть ли не полон слёз, горя от жажды чего-то неизъяснимого. Сэндс как будто язык проглотил. Он никогда не понимал, как следует вести себя с женщинами. Её натянутая улыбка, истекающая отчаянием, пронзила ему сердце жалостью. Она была больна или пьяна, а может – и то и другое.

– О, ради всего святого, – произнесла женщина и отвернулась с тихим не то смешком, не то всхлипом. Оставив свой кофе у него на столике, она поспешно вышла.

Сэндс внутренне содрогнулся и не смог доест. Несмотря на это, заказал десерт. Когда принесли заказ – канноли, – официант замялся возле него с неприятным смущением и наконец выдал: «Дама сегодня не рассчиталась. Оплатите заказ?» Шкип заплатил.

На следующий день, едва Сэндс ступил из автобуса на немощёную главную улицу селения Дамулог, его поприветствовал невысокий полноватый человек, у которого, похоже, имелась привычка производить смотр всех новоприбывших, – он представился как Эметерио Д. Луис, мэр Дамулога. Луис препроводил его в единственную гостиницу, хозяином которой был человек по имени Фредди Кастро, а по пути показал все достопримечательности Дамулога – рынок, ресторан, здание для петушиных боёв и галантерейную лавку.

Дамулог лежал в конце бетонированной дороги, здесь завершался автобусный маршрут и обрывались линии электропередачи. Хотя электричество досюда ещё добиралось, в городке не существовало ни канализации, ни, насколько смог разузнать Сэндс, каких-либо удобств в помещении, во всяком случае, не в гостинице у господина Кастро – её построили из крепкой древесины, но дождь в тот день просачивался не только через крышу, но даже через два

промежуточных перекрытия и капал с потолка его комнаты на первом этаже. Чтобы сохранить постель и личные вещи в сухости, потребовалось тщательно продумать их размещение. В сумерки мэр и господин Кастро, молодой человек, прилично объясняющийся по-английски, вдвоём отвели его к одному из пяти городских источников, и там Сэндс в клетчатых трусах и жёлтых дзори на глазах у женщин и разинувших рты детей искупался в проточной воде из трубы в склоне холма.

– Купайтесь, купайтесь, вы в безопасности, – заверил его мэр. – У нас тут нет крокодилов. У нас нет малярии. У нас нет бандитов. Насколько знаю, у нас на юге действуют некоторые организованные мусульманские группировки, но только в Котабато. А мы не в Котабато. Это Дамулог. Добро пожаловать в Дамулог!

Когда Шкип поворачивался спиной, ребяташки поднимали крик. На острове Минданао не имелось американских военных баз, поэтому никто не называл его «Джо». Дети кричали ему: «А-тес, а-тес...» Отец... Видимо, приняли за священника.

* * *

И странные же сны снились сегодня ночью, Господи...

Она сидела на скамейке на рыночной площади, восстанавливала по кусочкам ужасы прошедшей ночи, ждала шести утра – времени отъезда, ждала, пока две полусонные женщины откроют поблизости ларёк для торговли, чтобы купить там кофе. *Я стою перед судилищем Христовым, но что же перед этим, что же... вот я беру кошелёк, захожу в магазин купить карандаш, но магазин вдруг оказывается помостом на широкой чёрной арене у самого края света, а я теперь мертва и должна держать ответ за свои грехи. Но я не могу. И тьма становится мне вечною мукой.*

Чей же это голос шептал во сне? Однако женщина в ларьке уже была готова продать ей кофе, заливая кипятком из термоса ложку порошкового «Нескафе» в пластмассовом стаканчике. Женщина включила транзисторный приёмник – вещало «Радио Пилипино Осамис» из Котабато: сначала передавали популярные мелодии, а в 6:00 прервались, чтобы пятикратно прозвучала «Аве Мария».

Автобус ждал, но водитель ещё не явился. Отъезжают ли они по расписанию, её ничуть не интересовало. Она не носила наручных часов, да и не было у неё часов уже долгие годы.

Но кто это? Менее чем в тридцати футах от неё у другого ларька сидел и заказывал себе сладкий рулет тот самый мужчина из ресторана, из «Ла-Пастерии», перед которым она повела себя как дура. Дура, идиотка! Но вчера вечером при виде его она ощутила такую боль, такое томление.

В своём филиппинском одеянии – коричневых широких брюках, коричневых сандалиях, белой спортивной рубашке с коротким рукавом, в неверном свете свечей, с вихрастой причёской и усами, он был так похож на Тимоти – молодого пришельца, Тимоти – глашатая благих вестей и товарищеского участия. Вот она и кинулась к этому американцу – так же безрассудно, как кинулась бы к Тимоти, если бы тот вернулся к ней из глухой неизвестности, в которой растворился.

Ещё не рассвело. Странная здесь в горах погода, солнечные лучи колотят по голове, как молотом по наковальне, а в тени прохладно, после ночи – почти даже зябко. Она укуталась в штормовку, скрыв лицо под капюшоном, и наблюдала за американцем с расстояния в тридцать футов. Ибо вчера вечером в первое мгновение я подумала, Тимоти, будто он – это ты, и кровь ударила мне в голову и в пальцы, и зрение заволочло мне пеленой, и вот он сидит тут в шесть утра, продев руку в лямку своего хлопчатобумажного ранца, и выглядит, Тимоти, по-прежнему выглядит, точно вылитый ты. Вот подошёл другой мужчина, вероятно, водитель автобуса, сел рядом с американцем и заказал кофе. Наверху, над жестяной кровлей – хрупкие

мерцающие огоньки, вокруг них – ореолы крылатых насекомых... Сонные ларёчницы, заматанные в лёгкие одеяла, толкнутся возле деревянных лотков, на которых вскоре разложат варёные яйца, сигареты, конфеты, булочки. Тимоти, неужели ты живой? Женщина у ларька около меня плетёт для какого-то праздника миниатюрные коробочки из листьев кокосовой пальмы. Другая женщина, согнувшись, орудует короткой метёлкой, просто пучком соломы – подметает пыль... Смогу ли навсегда запомнить ту истину, что чувствую прямо сейчас?.. Тимоти, все мы живём, и все мы умираем.

Водитель открыл двери автобуса, и американец взошёл вслед за ним. Никак нельзя было садиться в этот автобус – ведь её увидят! Она поедет на другом автобусе, попозже. Кэти отвернулась, попросила яйцо, рулет и ещё один стакан «Нескафе», а потом собрала вещи и ушла. Несла свои пожитки в бумажной сумке с верёвочными ручками.

Она села на скамейку на площади Рисаля и смотрела, как с полдесятка женщин и детей засыпают баскетбольное поле слоем убранного риса, ходят между кучами с граблями, чтобы ворошить зерно. Больше ей идти было некуда. Лучше сделать ставку на менее надёжное вечернее расписание, чем оставаться на ещё одну ночь. В городе не было адвентистской церкви, так что она расположилась в меблированных комнатах, где вокруг женщины, путешествующей без попутчика, образовалась атмосфера напряжённой заинтересованности, которая ею самой ощущалась почти как ненависть. Все пытались вести себя с ней любезно. Вот почему она ушла в «Ла-Пастерию», хотя едва ли могла себе такое позволить, – впрочем, это извиняло лишь то, что она в принципе туда ушла, но не то, что она разоткровенничалась перед незнакомцем.

И правда, был ли тот настолько похож на Тимоти? Из своего бумажного пакета Кэти выудила пачку фотографий – единственную причину этой поездки. На прошлой неделе среди разномастного имущества Тимоти она наткнулась на катушку фотоплёнки и проехала весь этот путь, чтобы найти кого-нибудь, у кого можно будет её проявить. Большинство кадров вышло неплохими: всего двадцать с чем-то фотокарточек, три с изображением Тимоти, а на двух он был запечатлён мимоходом – вот Тимоти с группой инженеров из Манилы, осматривают место постройки будущей водокачки, а мэр Луис вылез на передний план, точно жизнерадостный упитанный хомяк; вот Тимоти вблизи, но размыто, по-видимому, инструктирует неопытного фотографа; вот, наконец, на одной Тимоти обнимает за плечи саму Кэти, позируя со свитой молодожёнов на какой-то филиппинской свадьбе перед розовой церковной стеной. Остальные снимки он собирался выслать новобрачным: кстати, это в Котабато, Кэти узнала розовую церковь. В этой, как он выразился, «увеселительной прогулке за казённый счёт» – без малого сто километров езды по размытым дорогам с десятками других пассажиров в джипни, рассчитанном на восемь человек, – она всё время держалась подле него. В церкви в Котабато его приняли будто Господа Бога, донимали просьбами, заваливали подношениями, уломали попристутствовать на свадьбе незнакомых людей – ну и разрешили поснимать это мероприятие на его немецкую фотокамеру.

Помимо этих фотографий, в бумажном пакете лежали вчерашний комплект одежды и небольшая подушка – её Кэти подложила под голову, сидя на деревянном сиденье в автобусе, который вёз её с гор в этот день. Дорога постепенно снижалась, убегая прямо вдаль и открывая впереди восхитительный вид на необозримые просторы – мириады оттенков зелени под медленно стягивающимися чёрно-серыми грозовыми тучами. В открытые окна со свистом залетал ветерок, пахший сперва сосной, а затем – прелым духом низменностей. Автобус проехал сквозь стену ливня и в 16:00 – с неба всё ещё накрапывало – прибыл в Дамулог.

Мэра Луиса на автобусной остановке сегодня не было. Должно быть, отлучился заключить пари. Было слышно, как режут зрители на петушиных боях в здании на другом конце площади. К шпорам птиц привязывали бритвенные лезвия, и они за пару секунд кромсали друг друга на мелкие клочки.

Они с Тимоти жили неподалёку от площади в трёхкомнатном доме с сетками на окнах и крепкой кровлей и делили его со своим слугой Корасоном, а также, как правило, с двумя или тремя племянницами Кори – не всегда одними и теми же. В доме оказалось пусто. По субботам и воскресеньям девушки ходили домой в барангай Кинипет.

После соснового аромата и относительной прохлады горного города она снова ощущала запах родного дома – запах сырого дерева и прокисшего белья. В доме было темно. Она дёрнула за рубильник на кухне – электричество работало. Разбежались по углам тараканы. В плошке с крышкой Кори оставил ей немного риса. Там кишели муравьи. Какой жутью, какой безысходностью пропитался этот дом в отсутствие Тимоти!

Она выбросила еду вместе с плошкой и всем остальным на землю у края их участка земли и ушла, пробыв дома всего три минуты.

Поежила она в столовой «Солнечный луч» – и застряла там из-за второй грозы за день. В городке отключился свет, и она пережидала непогоду в заведении, озарённом свечами, беседуя с человеком по имени Роми, приехавшим сюда из Манилы с геодезическим отрядом, и Боем Седосой, одетым в форму патрульного полицейского. Роми цедил из кружки ром «Олд-Касл», а Седоса – «Тандуай». Тельма, владелица народной столовой «Солнечный луч», сидела на высоком табурете за стойкой в другом конце зала и слушала транзисторный приёмник.

В одежде, промокшей до нитки, вошёл тот самый американец, похожий на Тимоти, – в петле на запястье у него висело нечто, смахивающее на камеру, – и нерешительно остановился в дверях. Беседа прервалась. Он сел за соседний столик и попросил подать ему кофе. Если американец и узнал Кэти, то сказать об этом ему не позволила вежливость.

Ах да, разве она не в курсе? В Дамулоге же кончается автобусный маршрут, и только на этой остановке можно снять жильё.

Он положил фотоаппарат на стол. Все наблюдали, как незнакомец пьёт кофе, а дождь и дальше монотонно барабанил по крыше.

В столовую ввалилась ватага пьяной молодёжи – парни дурачились и пинками опрокидывали столики и стулья. При свечах видны были только пугающие, стремительные силуэты. Тельма хлопала в ладоши и смеялась, будто это были её родные сыновья. Вот они ушли, и она принялась расставлять мебель как надо. Патрульный Седоса зашевелился, вынул фонарик и посветил им вслед в дождевую мглу. Потом внутрь зашла побираться какая-то юродивая. Тельма обнялась с ней как с родственницей – вполне вероятно, так оно и было.

Патрульный Седоса, хотя и продолжая держать подбородок и плечи прямо, нырнул к огоньку свечи. Внимательно взгляделся в лицо американца за соседним столиком и не отводил взгляда, пока тот не был вынужден как-то отреагировать.

– Будьте любезны, назовите ваше имя.

– Меня зовут Уильям Сэндс.

– Ясно. Уильям Сэндс. – Лицо у Седосы было как будто из какого-то фильма – мертвецки пьяные глазки в складках жирных, маслянистых щёк. Нос у него был острый, арабский. Седоса смотрел не моргая. – Ни в коем случае не пытаюсь как-то задеть вашу личность, но не могли бы вы показать мне какие-нибудь бумаги, разрешающие вам передвигаться в пределах нашей провинции?

– Не имею при себе никакого удостоверения, – признался американец, – у меня только один карман. – Он был одет в белую футболку и нечто, напоминающее купальные шорты.

– Ясно. – Седоса по-прежнему изучал внешность американца, словно та за секунду успевала изгладиться у него из памяти.

– Я в приятельских отношениях с мэром Луисом, – сказал Сэндс. – Он официально одобрил мой приезд.

– Вы часом не на армию США работаете?

– Я сотрудник корпорации «Дель-Монте».

– Ясно. Тогда хорошо. Всего лишь навожу справку.

– Понимаю.

– Если понадобится моя помощь, просто спросите Боя Седосу, – отрекомендовался патрульный.

– Ладно. И, пожалуйста, зовите меня «Шкип».

– Скип! – воскликнул Седоса.

Роми из геодезического отряда тоже повторил:

– А! Скип!

Тельма со своей табуретки за склянками с кушаньями – и та захлопала в ладоши и крикнула:

– Здравствуй, Скип!

– Так выпьем же за Шкипа! – объявила Кэти.

Неужели он понял? Он назвал свою кличку. В этом городке его больше никогда не коснутся неприятности.

Американец поднял стакан за них за всех.

– Вижу, вы таскаете с собой камеру даже под дождём, – сказала она.

– Я сегодня вечером не очень соображаю, – признал он.

– Вы держите её при себе прямо каждую минуту?

– Да нет. Я стараюсь не привязываться к фотообъективу. Если не побережусь, он ведь может насовсем превратиться в ваш глаз, в единственную мечту, через которую вы смотрите на мир.

– Вы сказали «мечту»?

– Прошу прощения?

– Ну вы ведь сказали, что он превратится в единственную мечту, через которую вы смотрите на мир?

– Разве? Я имел в виду «глаз». Ваша камера превратится в ваш глаз.

– Странная оговорка, сэр. Вы случайно не мечтали в юности сделаться фотографом?

– Нет, не мечтал, мэ. А вы случайно не мечтали сделаться Зигмундом Фрейдом?

– А у вас какой-то зуб на Зигмунда Фрейда?

– Фрейд на одну половину виноват в том, что не так с нынешним столетием.

– Правда? Кто же виноват на другую половину?

– Карл Маркс.

Этот ответ рассмешил Кэти, хоть она и не могла с ним согласиться.

– Наверно, это первый раз, когда кого-либо из этих двоих припомнили в нашем городке, – заметила она.

Роми, геодезист, потянулся через разделявшее их с американцем расстояние и пожал ему руку:

– Окажете ли вы честь составить нам компанию? – Он тянулся, пока американец не подвинул стул и не подсел к их столику. – Не желаете ли насладиться вместе с нами чашечкой горячего кофе? Или чего-нибудь ещё более горячительного?

– Непременно. Угостить кого-нибудь сигаретой? Они, правда, чуть-чуть промокли.

– Ну это ничего, – сказал патрульный Седоса, принял одну из рук американца и подержал её над пламенем свечи, чтобы немного подсушить. – А! «Бенсон и Хеджес»! Хороший табачок!

Сейчас, снова видя американца, в этот раз – даже ближе, она не ощущала в себе никакого шевеления. Тогда как ей желалось бы ощутить хоть что-нибудь. Город утопал в грязи, пропах нечистотами и всевозможной заразой. Теперь, увидев, каково в этом месте без Тимоти, ей было тошно здесь находиться – хоть с ним, хоть без него.

Мужчины обсуждали каких-то филиппинских боксёров легчайшей весовой категории, о которых она ни разу не слышала. Над столешницей вился рой крохотных мотыльков – насе-

комых привлекала свеча, вертикально воткнутая в галлоновую банку из-под бананового кетчупа «Тамис Ангханг»²⁹. Мужчины спорили о политиках, которые её не интересовали. Дискутировали о баскетболе – это была в некотором роде национальная страсть. Когда Кэти устала от разговоров, она пошла домой сквозь лёгкую морось, в непроглядной темноте, вызванной отключением света, ступая по лужам, чудом не сбившись с дороги и совсем уж удивительным образом добравшись, куда хотела.

Поставила туфли у дверей, направилась в спальню. Нашарила фонарик на прикроватной тумбочке и разделась при его тусклом освещении. На тумбочке лежала также книга Тимоти – её она нашла среди его вещей, а был это сборник леденящих душу сочинений Жана Кальвина, излагающих его учение о предопределении: книга сулила ад, доверху набитый душами, намеренно сотворёнными для вечных мук; она не знала, что делать с книгой, положила её рядом и никак не могла удержаться от возвращения к её духовной порнографии, как собака возвращается к собственной рвоте. Нашла спичку, зажгла завиток инсектицидной спирали на блюде, заползла под антимоскитную сетку, натянула простыню по самый подбородок... Некоторые люди положительно и безусловно избраны для спасения, а другие столь же безусловно обречены на гибель... Так и лежала, вдыхая смрад своей жизни, с волосами, до сих пор влажными из-за дождя. К книге она так и не прикоснулась.

Когда Кэти проснулась, комнату озарял ослепительный свет: горела лампа под потолком. Видимо, электросеть уже починили. На улице по-прежнему стояла темень, однако дождь прекратился. Она взяла сандалии на кухню, швырнула их в раковину, чтобы разогнать тараканов, щёлкнула выключателем, налила стакан прохладной воды из холодильника (он работал на газу), села за стол и стала рассматривать фотографии. Проявление плёнки было призвано чем-то её занять, пока она ждала, чтобы кто-то привёз ей кольцо – металлический перстень то ли из золота, то ли нет, но снятый с пальца у трупа, который выбросило на берег реки Пуланги. Люди с берегов реки не прислали кольцо. Чем попусту тревожить кости или это одинокое украшение, они предпочли поискать кого-нибудь с Запада, кто бы заявил о своём отношении к этим останкам. В течение нескольких недель обдумав решение между собой, они отдали перстень за совершенно пустяковое вознаграждение, каких-то пятьдесят песо.

Она глядела глазами Тимоти на эту свадебную церемонию.

Их предупредили о том, что будут снимать, и они подготовились. Маленьких девочек нарядили как куколок, напудрили и напмадили; их чёрные волосики блестели от бриолина.

Его глаза видели, его ум обрабатывал именно этот самый момент на разбитых ступенях розовой церкви. Справа на заднем плане вывеска – «ШИРЕМОНТАЖ / раздвигаем горизонты в мире восстановления протекторов», – а над праздничной толпой парят изображения архангела Михаила, и лезвие его меча обёрнуто оловянной фольгой. Как раз был Михайлов день. Мусульмане, католики – все танцевали во славу небесного воителя. Пока Тимоти священнодействовал с осветительной приставкой, родня жениха начинала издавать восклицания и смешки, а когда щёлкнула вспышка, они успели сбросить оковы всех ограничений, свойственных человеку, завизжали и попытались спрятаться один за другим в стыдливом смятении.

Кэти взяла из их ящика в холодильнике одну из филиппинских сигар, которые курил Тимоти, села с ней в руке, поднесла к губам, зажгла спичку в блюде на столе, несколько раз коротко затянулась, потом затушила её в раковине и снова села за стол, окружённая облаком родного зловония, хотя голова у неё закружилась. Сигары, фотографии, предметы, к которым

²⁹ *Банановый кетчуп* – филиппинский фруктовый соус, изготавливаемый из бананов, сахара, уксуса и специй. Появился на Филиппинах во времена Второй мировой войны из-за недостатка привозных томатов, тогда как местное производство бананов оставалось на сравнительно высоком уровне.

он прикасался, замечания, которые плавно возвращались из тумана забвения, – она машинально собирала их, как своего рода улики.

Вернулась в постель, не выключая лампы над головой. Сразу же раскрыла труды Кальвина, книгу, которую Тимоти как нашёл, так и читал без перерыва. Её поражало, что кто-то уже сформулировал все эти грязные мысли, все эти идеи, которые, как она сама полагала, посещали лишь её одну, её личные греховные сомнения, ни разу не высказанные вслух, – и Тимоти, очевидно, чувствовал то же самое, потому что никогда не заговаривал с ней ни о них, ни об этой книге. На полях он оставил карандашные пометки возле отдельных отрывков. Она закрыла глаза и читала их кончиками пальцев...

«Хотя, таким образом, те вещи, которые являются злом, в той мере, в которой они являются злом, не являются благом, всё же само существование зла есть несомненное благо».

«И если Господь знал наперёд, что они будут злом, то злом они и станут, сколь бы сейчас ни сияли они добродетелью».

«Разве мы дети? Станем ли мы прятаться от истины, что Господь в силу вечной Своей благодати избрал тех, к кому Он благоволит, для спасения, отвергнув всех прочих?»

Это трепещущее сердце, эта дрожь перед лицом бездны, эта неизбежная истинность моего предначертанного проклятия...

Она уснула при включённом свете, прижимая к груди эти ужасающие суждения.

Наступило утро – солнечное и почти прохладное, в небе плыли пушистые облака, всё так разительно отличалось от минувшей ночи, разверзнувшей небесные хляби. Вошёл Кори, принёс хлеб и три мелких яичка с рынка, приготовил завтрак, после которого Кэти встретилась с восемью санитарками – их она обучала врачебному делу, и сейчас они заведовали медпунктами в отдалённых барангях; в данный момент медпунктов было только четыре, в прошлом квартале – шесть, а в следующем – кто знает, один или шесть, а то и все десять, средства на это как приходили, так и уходили.

На встрече присутствовала также женщина из Фонда роста и развития, госпожа Эдит Вильянуэва, которая в чрезмерном количестве записывала что-то в блокнот. Восемь подшефных Кэти санитарок – все молодые, все замужние, все уже многократно ставшие матерями и привязанные к своим барангям – устроили по случаю встречи пирушку. Ели рис, жаренный с сахаром в кокосовом масле и обёрнутый в банановые листья, рис, завёрнутый в кокосовые листья, и просто рис. «У нас один рис», – несколько сконфуженно оправдывалась госпожа Вильянуэва.

Дамы очень любили её мужа, знали все новости о его пропаже и говорили о нём с обходительностью, таким образом, чтобы не объявлять его открыто ни живым, ни мёртвым. Они называли его «Тимми».

А затем, когда обед завершился, настало время идти на поклон к мэру Эметерио Луису, который занимал центральное и возвышенное положение благодаря тому, что знал всё обо всех в Дамулоге, – он был бы мэром даже в том случае, если бы официально такой должности в городке не имелось. Кэти преподнесла ему оставшиеся лакомства, разложенные на подносе из красного дерева и укрытые шёлковым платком. Хотя для почтового отделения и мэрии в Дамулоге и возвели у рынка специальное трёхкомнатное строение из шлакоблоков, градоначальник туда обычно даже не заглядывал, предпочитая уютную гостиную своего дома, где была тень и лёгкий ветерок. Он усадил Кэти на плетённый стул у своего письменного стола, громким окриком потребовал принести воды со льдом и спросил её о мерах по иммунизации против полиомиелита. Они были знакомы уже два года. И всё же он затратил несколько минут на то, чтобы по всем правилам к ней обратиться, словно к эмиссару, только что сошедшему с самолёта.

– Можем ли мы доставить вакцину от полиомиелита на отдалённые медпункты? В сельской местности с этим проблемы. Не каждый может осилить пешим ходом весь путь до Даму-

лога с такой кучей детей. Это ведь бедные из беднейших. А иногда на дороге можно и на грабителей наткнуться. Мы же не хотим стать жертвой криминальных элементов. Это бедные из беднейших.

Кэти в последнее время уже несколько раз слышала от мэра эту фразу. При этом он всякий раз произносил её шиворот-навыворот. Таков уж он был – Эметерио Д. Луис, причём буква Д, согласно гравировке на его гранитном пресс-папье, значила «Деус».

Выборы были ещё нескоро, но, как он ей рассказал, соперник по гонке за мэрское кресло уже успел его оклеветать, назвал трусом и мужчиной «с белыми яйцами»³⁰. В его глазах, где-то за муками служебного положения, огоньком поблёскивала неизменная жизнерадостность. В патио пела через звукоусилитель родоплеменные песни его сестра, которая училась в Южном университете Минданао, и он удовлетворённо слушал это пение, сложив руки у вазы с поролоновыми цветами, стоявшей на самом видном месте письменного стола.

Мэр заговорил с ней про американца, про Шкипа Сэндса, точно так же, как, должно быть, говорил со Шкипом Сэндсом про неё. И, конечно же, он был в курсе, что Кэти уже сталкивалась с американцем в столовой «Солнечный луч».

– Я спросил у Скипа Сэндса, знаком ли он с тем полковником из Америки, и действительно – они связаны весьма интересным образом... Вы, наверно, спросите, что между ними за связь?

– Мне не хотелось бы сплетничать.

– Сплетничать – это не по-христиански! – согласился он. – Если только не с мэром.

Кэти сняла платок с угощения, и Эметерио Луис изучил поднос, будто шахматную доску, не решаясь протянуть руку:

– Как много посетителей!

Кэти сказала:

– По-моему, это вы их и приворожили.

– Я их приворожил! Ну да! Я приворожил и этого американского полковника, и майора филиппинской армии, и того, другого, тоже приворожил, думаю, он был швейцарец, а вы как считаете?

– Я с ним не встречалась. С филиппинцем тоже. Только с полковником.

– Ещё я наколдовал бригаду инженеров-геодезистов. Миссис Луис, – спросил он свою дородную супругу, когда та выплыла из кухни, скользя по линолеуму соломенными подошвами дзори, – а вы как думаете? По-вашему, я способен вызывать духов?

– По-моему, у вас очень громкий голос!

– Кэти вот считает, что я умею привораживать всякие сущности, – окликнул он жену, пока та следовала к задней части дома. – Кэти, – продолжал он, – я хочу, чтобы геодезическая бригада сделала для меня кое-какую работёнку. По-моему, вы сможете помочь мне их уговорить.

– Так у меня ведь нет над ними власти, Эметерио.

– Ну ведь я же их вызвал! Теперь они должны на меня работать!

– Что ж, похоже, придётся вам самим их уговаривать.

– Послушайте, Кэти. Этот американец по прозвищу Скип – знаете, что он мне рассказал? Полковник-то приходится ему родственником. Дядей, если уж быть точным.

– Ничего себе! – ответила Кэти. Полковник произвёл на неё весьма сильное общее впечатление, но она никак не могла вспомнить – вызвать в памяти – лицо полковника, чтобы как-то сравнить их двоих.

³⁰ *Puti ug itlog* – реально существующее себуанское выражение, букв. «белые, то есть отсутствующие, яйца» – немужественный, трусливый человек.

– Я спросил у Скипа про этого филиппинского офицера и про того, другого, так он притворился, будто их не знает.

– Да откуда бы ему их знать?

– Эти люди, Кэти, все друг друга знают. У них какое-то засекреченное правительственное задание.

– Что ж, все работают под прикрытием.

Сама Кэти явилась сюда под эгидой Международного фонда помощи детям, организации, не принадлежащей ни к одной из религии, тогда как на деле она приехала в качестве жены своего мужа – труженика в виноградниках Христовых.

Мэр метнул сандалию в собаку, которая случайно забрела в комнату, – идеальный бросок, точное попадание в кормовую часть; животное по-птичьи пискнуло и выскочило за дверь.

– Мы ни в коем случае не поддерживаем азартные игры, – неожиданно пустился он в раздумья. – Игра на деньги противоречит принципам адвентизма. Я стараюсь оставить их в прошлом.

– Бьюсь об заклад, вы в этом преуспели.

– Благодарю вас. Ага – бьётесь об заклад! Ну да! Ха-ха! Бьётесь об заклад! – он поспешно пришёл в себя. – Но, видите ли, я хожу на петушинные бои. Это моя обязанность. Не хочу утрачивать связь со страстями своего народа.

– Бьюсь об заклад, вам это не грозит.

Прошло пятнадцать минут, и вот молодая женщина – служанка, соседка или какая-то родственница мэра – поставила на стол два стакана с ледяной водой. Луис промокнул испарину на лбу тыльной стороной ладони. Вздыхнул:

– Бедный ваш муж, бедный Тимми. – Все филиппинцы как один вдруг принялись звать её мужа «Тимми» – впервые за его жизнь. – Будем ждать вестей об останках. Получилось немного дольше. Я всё ещё тешу себя надеждой, Кэти, потому что возможно, мы внезапно услышим от каких-нибудь криминальных элементов о людях, которые захватили его живьём. Нас терроризирует великое множество преступников и похитителей-вымогателей, но на этот раз можно сказать, что они дают нам надежду. – Он отхлебнул из стакана, и в повисшей тишине с предельной откровенностью прозвучало: нет. Никакой надежды.

В два часа дня, после того как закончились уроки и город погрузился в дрему, она распахнула двери своего пункта медицинской помощи в Дамулоге – он был оборудован в одном из четырёх кабинетов шлакоблочного здания школы. Эдит Вильянуэва из Фонда роста и развития присутствовала в качестве наблюдателя, в то время как молодые мамочки вносили грудных детей на прививку. Их выстроилось в ряд где-то с пару десятков, девушки не старше двенадцати-тринадцати лет – а на вид им было не дать больше девяти или десяти – безжалостно подставляли плечи младенцев под уколы и получали на руки по консервной банке сгущённого молока: оно-то и составляло для них подлинный смысл визита.

Тем временем американец Шкип Сэндс сидел на бетонном крыльце, глядя в книгу: в клетчатых шортах, в белой футболке и резиновых дзори на ногах. По-видимому, крики его не беспокоили.

Когда посетительницы ушли, Кэти представила Эдит американцу. Он было привстал, но Эдит села рядом, разглаживая юбку.

– Что это за книга? – спросила Эдит. – Какой-то зашифрованный код?

– Нет.

– А что же? Что-то на греческом?

– Марк Аврелий.

– Так вы можете это прочесть?

– «К самому себе». Обычно переводят как «Размышления».

– Ого, так вы лингвист?

– Это просто чтобы не терять навык. У меня в номере лежит перевод на английский.

– У Кастро? Боже, я бы ни за что там не остановилась, – сказала Эдит. – Уеду отсюда четырёхчасовым автобусом.

– Крыша в гостинице у мистера Кастро, конечно, дырявая, но другая гостиница лежит отсюда за тридевять земель.

– Вы здесь совсем один?

Эдит была замужем и уже в годах, иначе ни за что бы не стала с ним флиртовать.

Он улыбнулся, и Кэти вдруг захотелось пнуть его в бок, чтобы проснулся, – в мягкое место под рёбрами. Сбить благодушное выражение с лица, по-американски сияющего улыбкой.

– Можно взглянуть? – попросила Кэти. Книга оказалась очень дешёвой, без украшательств, отпечатанной в издательстве Католического университета. Она протянула томик обратно: – Вы католик?

– Ирландский католик со Среднего Запада. Сборная солянка, как у нас говорится.

– Канзас, вы сказали, правильно?

– Клементс, штат Канзас. А что насчёт вас?

– Виннипег, провинция Манитоба. Вернее, его округа. На той же широте, что и Канзас.

– Долготе.

– Ну хорошо, на той же долготе. Строго к северу от вас.

– Но из разных стран, – уточнила Эдит.

– Из разных миров, – сказала Кэти. Вот так вот они, две докучливых бабы, обступили мужика! – Пойдёмте уже наконец, – потянула она его за руку.

Они отправились к улице Кэти.

– Так вы, значит, со Среднего Запада США? – спросила Эдит.

– Да, верно, из Канзаса.

Кэти вздохнула:

– Как и мой муж. Спрингфилд, штат Иллинойс.

– А-а.

– От него до сих пор никаких известий.

– Знаю, слышал. Мне рассказывал мэр.

Эдит сказала:

– Конечно, мэр – кто же ещё!

– Эметерио всё всем рассказывает, – заметила Кэти. – Так ведь он обо всём и узнаёт. Чем больше рассказывает он, тем больше рассказывают ему. Вы ждали меня?

– Ну, на самом деле да, – признался он, – но я прождал слишком долго. Теперь надо бежать.

– Бежать! – усмехнулась Эдит. – Совершенно не филиппинское занятие.

После того, как он их оставил, Эдит заметила:

– Он не отдавал себе отчёта, что я всё ещё с вами. Хотел побыть с вами наедине.

В тот же день, в районе четырёх, пока обе женщины дожидались автобуса Эдит, они втайне следили, как американец прохаживается среди прилавков в своих брючках до загорелых колен с волосатым коричневым кокосом в руках.

– Ищу кого-нибудь, кто бы его для меня расколол, – объяснил он.

Рыночная площадь занимала целый квартал, окружённый крытыми соломой киосками, а посередине помещался участок гладко вытоптанной голой земли. Они шли вдоль границ рынка в поисках кого-нибудь, кто бы справился с кокосом гостя. Приехал автобус, из дверей выплеснулась волна хаоса: пассажиры тащили на горбу мешки, сгоняли в кучу детей, размахивали курами, ухватив их за лапы, а бедные птицы только беспомощно хлопали крыльями.

– У водителя есть боло³¹, я уверена, – сказала Эдит.

Но Шкип отыскал какого-то торговца с боло за поясом, и тот мастерски срезал у кокоса верхушку, поднял его, как бы желая из него пригубить, и вернул орех американцу. Шкип протянул его спутникам:

– Кто-нибудь хочет пить?

Обе женщины засмеялись. Он попробовал молоко. Эдит посоветовала:

– Да вытряхните вы его, ради бога. А то вам желудок скрутит.

Шкип выпростал содержимое кокоса прямо на землю и дал орех торговцу, чтобы тот расщепил его начетверо.

Эдит перекинулась парой слов с водителем, а затем вернулась к ним.

– Заставила его отмыть передние фары. А то ведь никогда их не моют. Как стемнеет, так и едут будто бы с завязанными глазами, из-за грязи ничего спереди не видно. – Она начала прощаться с Кэти, рассыпаться в благодарностях и надолго затянула завершение своего визита. Протянула руку Шкипу Сэндсу, и тот неловко пожал ей кончики пальцев. – Спасибо вам огромное, – сказала Эдит. – Думаю, вы станете вдохновляющим примером для Дамулога. – В её тоне проскользнуло нечто кокетливое и неподобающее моменту.

Эдит тащила необъятную разноцветную соломенную кошёлку на ремне из конопляного волокна. Удалилась, помахивая ею, косолапо ступая в своих сандалиях и покачивая задом под шёлковой юбкой, будто карабао. Отлично. Умотала наконец-то. Весь день после полудня Кэти чувствовала в шее и в плечах какое-то напряжение, нестерпимое желание избавиться от общества этой женщины. Конец каждого дня лишал её сердце покоя, потом приходила ночь, а с ней – страдание, безумие, бессонница, слёзы, мысли и чтение книг о Преисподней.

С другой стороны, американец, который сейчас расстеливал для неё на заплесневелой скамейке свой белый платок, казался никчёмным и тупым – но в то же время успокаивал. Он произнёс:

– Voulez-vous parler français?³²

– Прошу прощения... Ох, нет, у нас в Манитобе по-французски не говорят. Мы не из таких канадцев. А вы правда лингвист, да?

– Да я-то всего лишь любитель. Вполне уверен, настоящему лингвисту здесь хватит работы на целую жизнь. Насколько мне известно, никто ещё не пытался изучить диалекты Минданао сколько-нибудь систематическим образом.

Американец взял ломтик кокоса. На него уже сползлись муравьи. Он сдул их и срезал кусочек лезвием своего тёмно-синего бойскаутского карманного ножа.

– У вас трудная работа, – сказал он.

– О да, – вздохнула она. – Я ошиблась насчёт самой природы вакансии.

– Правда?

– И насчёт её глубины, и насчёт её серьёзности.

Хотелось пожаловаться ему, чтобы он критически оценил собственное положение.

– Ну, я просто имел в виду, что вам приходится взаимодействовать с кучей народа.

– Как только оказываешься среди язычников, всё меняется. В корне меняется. Становится намного острее, намного живее, делается яснее ясного. Ох, ладно, – спохватилась она, – это такие вещи, которые путаются в голове ещё сильнее, когда заводишь о них речь.

– Догадываюсь.

– Тогда давайте и не будем о них говорить. Вы не против, если я как-нибудь набросаю пару мыслей и передам их вам? Ну, на бумаге?

Он ответил:

³¹ Боло – распространённый в Юго-Восточной Азии крупный нож с широким лезвием, схожий с мачете.

³² Хотите, поговорим по-французски? (Фр.)

- Непременно.
- А что насчёт вас? Как идёт ваша работа?
- Да это скорее похоже на отдых.
- Какие здесь интересы у «Дель-Монте»? Вряд ли на этих равнинах Магинданао хорошо примутся ананасы. Здесь слишком влажно.
- Я в отпуске. Просто путешествую.
- Значит, вы приехали сюда без видимых причин. Просто заблудившийся торговый представитель.
- Пожалуй, да, я бы рассматривал это как что-то вроде представительской должности, если бы такие милые люди как вы и так уже не выполняли здесь работу, представляя нас в лучшем виде.
- Нас – это кого, мистер Сэндс?
- Соединённые Штаты, миссис Джонс.
- Я канадка. Я представляю интересы Святого Евангелия.
- Ровно тем же занимаются Соединённые Штаты.
- Вы читали книгу «Гадкий американец»³³?
- Он ответил:
- С чего бы мне пришло в голову читать книгу с таким гадким названием?
- Она удивлённо взглянула на него.
- А, ладно, читал я «Гадкого американца», – ответил он. – По-моему, полная чушь. Самобичевание нынче входит в моду. Но я на это не куплюсь.
- А «Тихого американца»³⁴?
- «Тихого американца» я тоже читал.
- Этот роман, как заметила Кэти, он уже не заклеил «полной чушью». Она сказала:
- Мы, жители Запада, наделены многими благами. У нас бóльшая свобода воли. Мы свободны от некоторых... – её мысли вдруг застопорились.
- У нас есть права. Свобода. Демократия.
- Я не об этом. Не знаю даже, как сказать. Свобода воли вообще под вопросом. – Она с трепетом подумала, не спросить ли у него – не читал ли он случаем Жана Кальвина?.. Ну уж нет. Даже сам вопрос таил в себе бездонную пропасть.
- С вами всё в порядке?
- Мистер Сэндс, – спросила она, – знаете ли вы Христа?
- Я католик.
- Да. Но всё же знаете ли вы Христа?
- Ну, – протянул он, – думаю, не в том смысле, какой предполагаете вы.
- Вот и я не знаю.
- На это он не ответил ничего.
- Я думала, будто знаю Христа, – призналась она, – но я полностью ошибалась.
- Кэти заметила, что он, когда нечего сказать, сидит абсолютно неподвижно.
- Мы, знаете ли, не все здесь сошли с ума, – сказала она. На это он тоже ничего не ответил. – Простите.
- Он осторожно прокашлялся:
- Вы ведь можете вернуться домой, разве нет?
- О нет. Не могу. – Она прямо-таки ощущала, как он боится спросить – почему. – Просто потому, что тогда у меня в жизни ничего уже не исправить.

³³ «Гадкий американец» (The Ugly American, 1958) – политический роман Юджина Бердика и Уильяма Ледерера о деятельности дипломатического корпуса США в Юго-Восточной Азии.

³⁴ «Тихий американец» (The Quiet American, 1955) – роман английского писателя Грэма Грина, критикующий внешнюю политику США во Вьетнаме.

Американец молчал, и слышать это молчание было почти невыносимо. Пришлось заполнить паузу:

– Знаете, это не так уж необычно, не так уж странно, не такое уж неслыханное дело – находиться в трагической ситуации, но знать, что жизнь-то продолжается. Вы только посмотрите вокруг! Солнце по-прежнему всходит и заходит. Каждый день освобождает в сердце немного места – как же это слово... любовь не ослабевает, она неумолимо шевелится, толкается и пинается внутри, как дитя. Ну всё, ладно! С меня хватит! – «Что ж я за дура-то!» – чуть не вырвался крик из груди.

Заходящее солнце снизилось из-под облаков и так ударило им в глаза лучами, что внезапно весь городок залило пульсирующим алым светом. Американец никак не высказался по поводу её слов. Он спросил:

– А что произойдёт, когда всё это, гм... выяснится окончательно?

– Ну вот, поздравляю, вы подобрали нужное слово.

– Простите?

– Вы хотите сказать, если Тимоти умер?

– Если, ну... да. Простите.

– Мы не знаем, что с ним случилось. Он сел в автобус до Малайбала, и мы всё ещё ждём его домой. У него был болезненный вид, он пообещал, что перед тем, как провести все остальные встречи, сходит к доктору в тамошней санатории. Насколько мы знаем, в санатории его никто не видел. Мы вообще не уверены, что он доехал до Малайбала. Уже были в каждом городке по дороге туда – ничего, ничего, никаких вестей.

– И, догадываюсь, времени уже прошло порядочно.

– Семнадцать недель, – сказала она. – Всё уже сделано.

– Всё?

– Мы связались со всеми, с кем можно, – с местными властями, с посольством, конечно же, с нашими семьями. Совершили тысячу звонков, каждый по тысяче раз сошёл с ума. В июле приехал его отец и объявил о вознаграждении для того, кто его обнаружит.

– Вознаграждение? Он состоятельный человек?

– Нет, вовсе нет.

– А-а.

– Впрочем, кое в чём дело продвинулось. Нашлись какие-то останки.

Американец, как верный своим корням уроженец Среднего Запада, отреагировал на это замечание, промывчав:

– А-а. Угу.

– Так что прямо сейчас мы ждём вестей о личных вещах мертвеца.

– Мэр Луис мне рассказывал.

– Что, если это Тимоти? Какое-то время я ещё побуду здесь, а потом найду новую должность – в любом случае так ведь и планировалось. Если же Тимоти, к нашему всеобщему удивлению, всё-таки вернётся – а это-то он может, вы просто не знаете Тимоти, – вот если он вернётся, мы, наверно, и дальше будем работать по плану. Он ведь ждал перемены. Хотел перемен, новых задач. В смысле, тех же самых задач, но на совершенно новом месте. Ну а я – медсестра, меня могут отправить куда угодно. Хоть в Таиланд, хоть в Лаос, хоть во Вьетнам.

– Северный Вьетнам или Южный?

– У нас и правда есть люди на Севере.

– У адвентистов седьмого дня?

– У МФПД – Международного фонда помощи детям.

– Точно, МФПД. – И вдруг Шкип разразился страстной тирадой: – Послушайте, эти местные никогда не увидят лучшей жизни, чем есть у них сейчас. Но вот их дети – может быть. Свобода предпринимательства означает обновление, просвещение, процветание и всю прочую

банальщину. А ещё свободное предпринимательство просто обязано расширять свои границы, такова уж его природа. Их правнуки будут жить лучше, чем мы сейчас живём в Штатах.

– Хорошо, – опешила она, – это всё прекрасные мысли и многообещающие речи. Но ведь «этих местных» одними речами не накормишь. Им нужен рис, чтоб наполнить желудок, и притом сегодня же.

– При коммунизме их дети сегодня, может, и ели бы лучше. Но их внуки подохнут с голоду в мире, который превратится в одну большую тюрьму.

– Как мы вообще перешли к этой теме?

– А вы знали, что МФПД считается организацией прикрытия для коммунистов?

– Нет. Это правда? – Она на самом деле ничего такого не слышала, да это и не особо её волновало.

– Посольство США в Сайгоне считает МФПД орудием Третьей силы.

– Что ж, мистер Сэндс, я не принадлежу к пятой колонне или какой-то там третьей силе. Даже не знаю, что это за третья сила такая.

– Это не коммунисты, но и не антикоммунисты. Однако пользы от них больше коммунистам.

– И много ли времени люди из «Дель-Монте» проводят в посольстве США в Сайгоне?

– Мы получаем сводки отовсюду.

– МФПД – организация крохотная. Мы живём на гранты от десятка благотворительных фондов. У нас главная контора в Миннеаполисе, а ещё около сорока медсестёр работают в поле – не знаю, по скольким странам. В пятнадцати или шестнадцати странах, по-моему... Мистер Сэндс, вы, кажется, расстроены.

Он сказал:

– Разве? Это вы, должно быть, были здорово расстроены позавчерашним вечером.

– Когда?

– В Малайбалае.

– В Малайбалае?

– Ой, да ладно – в итальянском заведении? Когда мэр упомянул что-то про Кэти Джонс – адвентистку седьмого дня, имя было то же самое. Но я уж точно не подумал, что это были вы.

– Почему же?

– В тот вечер вы вели себя совсем не похоже на адвентистку седьмого дня.

Американец в своих цветастых коротких брючках, кажется, ждал от неё какого-то слова в свою защиту, хотя от этого не было никакого проку.

– Мэр и его родня всегда были очень добры ко мне.

– Нет, ну в самом-то деле – ладно вам.

– Мы ведь не всегда рассказываем о себе всю правду, а? Например, мэр считает, что вы совсем не тот, за кого себя выдаёте. Он говорит, вы здесь на каком-то секретном задании.

– В смысле, я не из «Дель-Монте»? Шпиону для компании «Доул Пайнэпл»?

– Ваш дядя сказал, что он из Управления армейской разведки.

– Вам часто выпадала возможность с ним поговорить?

– Он весьма колоритный старый плут.

– Похоже, часто. С кем он был?

– Ни с кем.

– О-о. А вот мэр припомнил пару других. Может, там был какой-то немец?

– Они прибыли куда позже.

– Другие двое? Когда они здесь появились? Помните?

– Я уехала в пятницу. Значит, они были здесь уже в четверг.

– В прошлый четверг, говорите. Четыре дня назад.

– Раз, два, три, четыре – да, четыре дня. Это плохо?

- Нет-нет-нет. Просто жаль, что я их не застал. С кем был тот немец?
- Так, дайте-ка вспомню. С ним был филиппинец. Из вооружённых сил.
- А-а, майор Агинальдо!
- Его я толком-то и не видела.
- Это наш друг. А вот насчёт парня из Германии я не уверен. А он и правда из Германии?

Сомневаюсь, что я с ним близко знаком. Мэр сказал, что у него была борода.

- Мэр говорил про какого-то швейцарца.
- С бородой?
- Не видела.
- Но полковника-то вы видели.
- В этих краях нечасто видишь бороды. Они же, наверное, колются. Как и эти ваши усы, могу поручиться.

Американец молча повернулся к ней, как бы демонстративно готовый к тому, что она примется изучающе разглядывать его лицо – без шляпы, в поту, стекающем со взмокшей шевелюры, да и с обвислых усов... Вот он позволил себе отвернуться и заметить окружающий их багряный отблеск вечерней зари в последний миг перед тем, как тот пошёл.

- Ого, – выдохнул он.
 - Моя бабушка называла это «меркоть».
 - Иногда от такой красоты буквально падаешь с ног.
 - Через пять минут начнут роиться комары, и нас съедят заживо.
 - Меркоть. Звучит экзотично.
 - Смотрите! Свет льётся точно жидкость!
 - После такого как-то сильнее верится, что рай существует.
 - Не уверена, что в рай так уж стоит желать попасть.
- Кэти полагала, что эти слова его ошеломят, но Сэндс сказал:
- Кажется, я примерно понимаю, о чём вы.

Она спросила:

- Вы путешествуете с Писанием?
- С писанием?.. Э-эм...
- У вас есть с собой Библия – то есть не прямо с собой, в гостинице?
- Нет.
- Что ж, мы, несомненно, можем обеспечить вас одним экземпляром.
- Гмм, ладненько.
- Католики не особенно держатся за Слово Божие, как это делаем мы, остальные, верно?
- Не знаю. Не знаю, как делаете вы, остальные.
- Мистер Сэндс, чем я вас обидела?
- Я дико извиняюсь, – ответил он. – Дело вовсе не в вас. Просто я веду себя несколько нелюбезно и должен устыдиться.

Извинения растрогали Кэти. Она решила проявить немного благосклонности.

Сэндс сказал:

- А кто это там идёт с мэром Луисом? Копьё вон тащит...

Она заметила, что по широкой дороге, покрытой слежавшейся грязью и неглубокими лужицами, и впрямь идёт мэр с двумя каким-то незнакомцами: сам Луис – в своей белой спортивной рубашке, развевающейся, будто платье муу-муу³⁵, поверх его обширного живота, один из его спутников указывает наконечником копья куда-то под облака, а другой курит сигарету, – и мгновенно всё поняла.

- О, Господи, – простонала она и позвала: – Луис! Господин мэр!

³⁵ *Муу-муу* – одежда гавайского происхождения вроде сарафана свободного покроя, свисающая с плеч.

Кэти встала, и Шкип Сэндс последовал её примеру. В левой руке она держала его носовой платок, на котором сидела. Мужчины обернулись и направились к ним.

– Вот она, вот она, – сказал мэр. С его приходом окончательно спустились сумерки, будто бы шлейфом притянулись вслед за ним. Во тьме поблёскивал огонёк сигареты. – Кэти, – произнёс мэр, – это весьма прискорбно.

В этот миг она уже не помнила, таила ли раньше хоть какую-нибудь надежду.

Казалось, мэр Луис обращается к Шкипу:

– Мне крайне печально, что об этом сообщаю именно я. Но, к сожалению, я всё-таки мэр.

Мэр протянул ей кольцо, и она выронила белый платок американца, чтобы принять его в ладонь.

– Кэти, сегодня вечером нам всем очень печально.

– Что-то не могу рассмотреть, есть ли на нём надпись.

– Вот она. Мне так грустно, что приходится доставлять вам это доказательство.

– Что уж тут поделаешь?

– Да-да, – кивнул Луис.

Кэти сжала перстень Тимоти в ладони.

– Что же теперь? Что мне с ним делать?

Она надела его себе на правый указательный палец.

– Не буду вас больше задерживать, можете идти, – сказал Шкип.

– Нет, не уходите, – схватила она его за руку.

– Это воистину трагично, – заметил он.

– Пойдём, Кэти, – сказал мэр. – Шкип выразит свои соболезнования позже.

Младший из спутников мэра бросил окурок в лужу.

– Мы совершили для вас долгое путешествие.

Теперь им нужно было заплатить. Кто будет платить?

– Это я должна дать вам пятьдесят песо? – спросила она. Никто не ответил. – А у вас есть... вы принесли... нет ли там чего-то ещё?.. – она повернулась к старику с копьём, но его лицо ничего не выражало – он не понимал по-английски.

– Да. У меня дома лежат останки тела Тимми, – подтвердил мэр. – Моя дорогая супруга не отходит от них ни на шаг, несёт безмолвную вахту, пока я не доставлю их вам. Да, Кэти, наш Тимми скончался. Пришло время надевать траур.

* * *

Сэндс прошёл мимо дома миссис Джонс раза три-четыре, пока не увидел, что внутри горит свет. К тому времени было уже после одиннадцати, но здесь люди устраивали себе долгую сиесту, а потом не ложились чуть ли не до рассвета.

Он взобрался по ступеням и остановился под прикрыльным светильником – неоновым кольцом в пестринках мелких насекомых. Через окно увидел её: она стояла посреди гостиной с растерянным видом. Рукой держала за горлышко бутылку.

Похоже, она его тоже разглядела.

– Хотите сигару? – спросила она.

– Что?

– Хотите сигару?

Совершенно простой вопрос, на который он не мог дать ответа.

– Я тут решила пригубить пару глотков перед сном.

Ему пришлось сделать шаг назад – она распахнула дверь, вышла и села на перилах крыльца. На ногах Кэти держалась не очень уверенно, и он ожидал, что она вот-вот рухнет в темноту.

– Хочу, чтобы вы тоже попробовали.
– Что это?
– Бренди.
– Не интересуюсь крепкими напитками.
– Так это рисовое бренди.
– Рисовое?
– Рисовое бренди. Ну... бренди. Рисовое.
– Вы себя чувствуете... – он прервался. Что за дурацкий способ начинать разговор. У неё же умер муж!

– Нет.
– Нет?
– Не чувствую.
– Вы...
– Я никак себя не чувствую.
– Миссис Джонс, – сказал он.
– Нет, не уходите, – ответила она. – Вот я до этого просила вас не уходить, а вы взяли и ушли. Слушайте, не волнуйтесь, я с самого начала знала, что он не вернётся. Вот почему я схватила вас за руку тогда в ресторане. Я знала, что надежды нет. Надежды нет, так что почему бы нам просто... не переспать?

– Господи Иисусе, – опешил он.
– В смысле, не прямо сейчас. То есть да, именно сейчас! Заткнись, Кэти. Ты пьяна!
– Вам бы лучше чем-нибудь подкрепиться.
– У меня есть немного свинины, если только она не протухла.
– Вот лучше бы вам и покушать, не думаете?
– И булочки ещё.
– Булочки, наверно... – Он не договорил. Хотел сказать, что булочки, возможно, впитают какую-то долю бренди, но стояла жара, шея у него обгорела и теперь болела, да и что толку было обсуждать впитывающие свойства разных видов пищи?

– Что с вами, молодой человек?
– Я живу без кондиционирования.
Она смерила его пристальным взглядом. Кажется, она была скорее безумна, нежели пьяна. Проговорила:

– Жаль слышать о вашем муже.
– Чего?
Она наполовину расстегнула блузку, и разрез открывался почти до пупка. Её бюстгальтер покрывал неожиданный узор из крошечных синих цветочков. По животу струился пот. У Сэндса и у самого проступила на коже болезненно-раздражающая сыпь от подмышек до сосков. Хотелось приложить к телу лёд. Хотелось, чтобы вдруг пошёл снег.

Миссис Джонс сказала:
– Если вы войдёте и выпьете капельку бренди, я чуть-чуть поем. У меня работает кондиционер.

Кондиционер располагался в спальне, так что они легли в кровать и занялись чем-то вроде любви. В процессе он чувствовал себя неловко. Впрочем, нет. Гадко. Сразу же после того, как они закончили, он столкнул с себя её руки и вернулся в гостиницу с разумом, омрачённым угрызениями совести – они обволакивали его, точно машинное масло. Только-только успела овдоветь, и в тот же день, когда до неё дошла весть... С другой стороны, после она, похоже, не испытывала стыда, да и не казалась такой уж пьяной. Похоже, она только злилась на мужа за то, что он умер.

На другую ночь Шкип проходил мимо её дома, но не заметил в окнах света. Попробовал постучаться, но не получил ответа. Постучи он хоть немного громче – перебудил бы соседей. Он ушёл.

Сухой сезон ещё не наступил, но дожди уже прекратились. Непосредственно после каждого заката слой туч придавливал Дамулог толщей горячего воздуха, который иссушал цветы и плавил мозг. Постепенно весь город стал прихлёбывать ром. Роми, молодой инженер-геодезист, затеял в столовой «Солнечный луч» кулачную драку с какими-то мусульманами, и они поколотили его на площади перед зданием, но никто не встал из-за столика, даже чтобы поглазеть.

Субботним вечером люминесцентную лампу в столовой окутали плотным роем полосатые осы и небольшие стрекозы. Остервенело спариваясь, они падали посетителям в тарелки. Одна стая за другой приземлялась в это скопление, ползала по всем осветительным приборам, а затем исчезала из виду. В кафе Сэндса подкараулил мэр Луис. У него закончился шаббат, и он искал себе компанию.

– Буду каждую ночь спасать вас от одной и той же напасти, – сказал Луис Шкипу и отвёл его отужинать в свой дом из дерева и кирпича с невиданным в этих краях полом из линолеума. Они ели острое свиное адобо³⁶, пили паинит – местный кофе. А также ром «Олд Касл» – не скотч, не бурбон, просто ром. Поскольку Роми не показывал носа из гостиницы, скрывая от общественности синяки, для развлечения Шкипу оставался только мэр. А что же Кэти Джонс?

– Утром во вторник она уехала в Манилу, – сказал мэр. – Собирается сопровождать останки мужа до аэропорта.

Новость поразила его, словно удар грома:

– Она уехала с концами?

– Встретит там своего свёкра, а он уже повезёт останки в Соединённые Штаты.

– Так она не возвращается домой с ним вместе?

– В сущности, она собирается только погрузить кости мужа на самолёт, потом-то она приедет обратно в Дамулог. Из-за своей деятельности она не сможет проделать весь путь до Штатов.

На следующий день они с мэром Луисом и грузом четырёхдюймовых железных труб поехали на разноцветном праворульном грузовике «Исудзу» на площадку для будущей водопроводной станции, где на середине широкого поля возвышалось большое бетонное здание фильтрационного отделения. Было видно как на ладони, что проект прокладки труб только-только сдвинулся с мёртвой точки. Также мэр Луис грезил о том, что когда-нибудь здесь удастся разбить стадион. Отмерял шагами периметры мини-отелей, футбольных полей и плавательного бассейна посреди плоского пустыря, заросшего слоновой травой, и вдохновенно жестикулировал своими маленькими ручками.

Дождя не было трое суток кряду. Люди покидали знойные жилища и ночевали на улице – на баскетбольной площадке, где имелась единственная в Дамулоге забетонированная поверхность, глядели в однообразно-чёрное затянутое небо и, не произнося почти ни слова, ждали рассвета.

Каждую ночь Сэндс бродил по городку и по несколько раз проходил мимо дома миссис Джонс, но так и не увидел света в окнах, пока не настал четвёртый день его блужданий.

Она ответила на стук, но не впустила в дом. Вид у неё был ужасен.

– Ты дома.

– Уходи, – отрезала она.

³⁶ *Адо́бо* – блюдо филиппинской кухни, свинина, тушенная с уксусом, соевым соусом и приправами.

- Завтра я уезжаю из города.
- Вот и хорошо. Вот и не возвращайся.
- Могу устроить так, что через некоторое время вернусь, – пообещал Шкип, – может быть, через пару недель.
- Как хочешь.
- Можно зайти и поговорить с тобой?
- Убирайся!
- Он развернулся на каблуках и направился прочь.
- Ладно-ладно-ладно, – окликнула она. – Иди сюда.

Поздним утром понедельника на площади появилось джипни – и ожидало там пассажиров, стоя с открытым капотом: над двигателем склонились двое мужчин, ещё чьи-то ноги торчали из-под машины, а водитель сидел на переднем сиденье, накачивал тормоза и громко негодовал.

Сэндс оказался первым на борту. В Маниле ему случалось кататься на таких штуках на короткие расстояния, но ни разу ещё не приходилось ехать через горы, как предстояло сегодня. На вид в этих продолговатых джипах помещалось около десятка человек, спереди и сзади, но на самом деле они возили столько народу, сколько влезало в салон, покуда не ломались оси, и передвигались по любой поверхности; их всегда размалёвывали всевозможными кричащими цветами, изукрашивали флажками, хромированными подвесками и прочими громающими побрякушками, каким позавидовал бы любой подросток-автолихач, на лобовом же стекле неизменно красовалось название машины, а то и целый геральдический девиз: «Коммандос», «Чемпион мира» и тому подобное. Это джипни именовалось «Ещё живой».

Пока длились ремонтные работы, Сэндс ждал на скамейке в пассажирском отделении, уставившись в пол, усеянный рисовыми зёрнами, а со всех сторон теснились другие пассажиры и несколько человек, которые просто искали себе укрытие от солнца. Через два часа, когда неполадки были устранены и экипаж нагрузился по меньшей мере двадцатью ездоками вместе с их багажом, Сэндсу показалось, что момент настал. Но в салон по-прежнему втискивались новые тела. Он насчитал как минимум тридцать два человека, включая одиннадцать пар ног, свисающих с крыши, и двух младенцев – один спал, а другой орал как резаный. Также было слышно, как где-то тут же кудахчут цыплята. Пассажиры прибились настолько плотно друг к другу, что у каждого первого можно было рассмотреть выступившие от перегрева мельчайшие красные прожилки на глазных яблоках или, если вдруг захочется, высунуть язык и попробовать на вкус капельки пота на щеках у соседа... Последний подсчёт Сэндса перед тем, как это чудо техники зашевелилось, сдвинулось вперёд волей некоей сверхъестественной силы, величественно поползло вон из городка, будто потный, засаленный айсберг – что толку в тормозах у такой непреклонной туши? – остановился на сорока одном пассажире: двадцать пять – сзади вместе с ним, трое – на переднем сиденье, дюжина – на крыше. Плюс водитель. Плюс ещё другие, влезавшие в последнюю секунду, и ещё больше бегущих за машиной и карабкающихся на крышу, пока они не развили достаточную скорость, чтобы последние немногие из отставших не остались позади, смеясь и взмахивая руками. Сэндс оказался лицом к лицу со стариком, похожим на обезьяну, с женщиной, похожей на ящерицу, и с девочкой, ноги которой выглядели как у столетней бабки. Не отъехав ещё порядком от города, они нырнули под низкий полог бананового леса, который чуть приглушил ревуший полдень, миновали пару-другую крохотных оцепенелых деревушек из нескольких дубовых хижин, в какой-то момент проехали прямо через костёр из горящих бамбуковых стволов посреди разбитой дороги. Затем джип, пошатываясь и постанывая, понёсся вверх по горным серпантинам. Затем спустилась шина. Почти все соскочили на землю, и Сэндс, улучив мгновение, собрал всех в кучу для общей фотографии.

Сорок семь человек сгрудилось вокруг экипажа, вскрикивая от восхищения, пока он взводил затвор фотоаппарата.

В три часа дня он сошёл в Кармене: асфальтированная главная улица, несколько двухэтажных оштукатуренных зданий – величайшая степень цивилизованности, с которой он сталкивался с тех пор, как неделю назад выехал из Малайбала. Нашёл себе комнату на ночь, прилёг вздремнуть и не просыпался почти до трёх утра. Весь городок будто вымер, за исключением собак и грешников... В этот уединённый час Сэндс раскаялся в своей похоти к Кэти Джонс. В своём воображении он пал к подножию Святого креста и взмолился, дабы Христос пролил на него каплю Своей искупительной крови. Миссис Джонс была крепко сложена, приближалась к среднему возрасту, но ещё не совсем в него вошла. У неё было круглое лицо, пухлые щёки, ореол густых волос, кучерявых, точно шерсть у ягнёнка, необычайно мягкие и добрые карие глаза и руки – тоже очень мягкие, но в то же время сильные. Когда она говорила, то касалась кончиком языка мелких, очень ровных передних зубов. Она была загадочна, мила, привлекательна, но не до такой степени, чтобы эти качества бередили сердце. Так его душа и влачилась туда-сюда между Христом и миссис Джонс, пока не послышались крики петухов.

У Шкипа были карты. Он корпел над ними ежедневно – ненасытно, радостно, свободный от оков телесности, как птица в полёте. Где искать этого священника, Кариньяна, рассказал ему полковник: на его карте острова Минданао не имелось ничего похожего на местечко под названием Насадай и ни одной реки под названием Рио-Гранде. Впрочем, на карте провинции Северное Котабато были отмечены булавками все городские церкви местной епархии, и утром он первым делом направился в Дом городских учреждений, главное административное здание Кармена – оно почему-то располагалось на самой окраине и видом своим напоминало санаторий. Ему сказали, что отец Хаддаг отдыхает. Он вышел спустя двадцать минут – жилистый старый филиппинец с духом причастного вина на устах. Совместно они рассмотрели карту. Священник сделал небольшую пометку карандашом.

– Думаю, церковь здесь или вот здесь, – промолвил он. – Таково моё резонное предположение.

Явив небывалую щедрость, он дал Шкипу напрокат мотоцикл фирмы «Хонда» на пятьдесят кубов, и Шкип совершил путешествие в двадцать миль за два часа с небольшим – а может быть, даже и в тридцать, если присовокупить к расстоянию беспрестанные колдобины, которые приходилось объезжать по диагонали. И что же – церковь ждала его точно в месте карандашной отметки: кособокий бетонный блок с растянутым над крышей куском оливкового брезента – или, может, он и служил вместо крыши. Шкип проехал по дороге из Кармена насколько хуторков, но эта постройка возвышалась в несуразном одиночестве в полумиле от ближайшего хутора, на участке реки, которая, похоже, понемногу подъедала под нею берег.

Отец Кариньян, франкоканадец по крови, седовласый, морщинистый, осторожный в обхождении и с туманом во взгляде, жил здесь очень долго – уже, по сути, тридцать три года, пережил японскую оккупацию, мусульманские восстания, знаменитые тайфуны и внезапные катастрофические перемены речного русла; говорил он на себуанском и духовно окормлял выжженных солнцем туземных католиков – так что почти совсем потерял навык изъясняться по-английски. Расспрашивая о происхождении Шкипа, любопытствовал, кем были его потомки, имея в виду, конечно, предков.

Принял его Кариньян как полагается, приказал, чтобы гостю подали чай под навесом, а сам сел напротив, сбросив дзори, соединив стопы под стулом и разведя в стороны колени. Носил он линялые джинсовые брюки и футболку, бурую от речной воды. Дышал через рот, курил сигареты «Юнион», произносил их марку как «Унион». Когда не курил, сжимал бёдра и слегка покачивался на сиденье, а его взгляд соскальзывал вниз и куда-то вбок, как у душевнобольного. В разговоре он участвовал с видимым усилием; когда Сэндс что-то говорил, он

изображал на лице какое-нибудь выражение (Сэндс был уверен, что это выходит у него ненамеренно) – то завуалированного потрясения, то дружелюбного недоверия, как если бы гость явился к нему без штанов. Казалось, он и близко не способен вести торговлю стволами.

– Вас когда-нибудь называли «Сэнди»?

– Не доводилось слышать. Зато мои друзья называют меня «Шкип».

– Скип, – повторил священник, произнеся его прозвище на филиппинский лад.

– Я так понимаю, это вы помогли с поисками пропавшего миссионера. Забрать останки, я имею в виду.

– Да. Да, это так, разве не так?

– Из долины реки Пуланги?

– Да. По пути назад, когда поднимались в гору, я упал в обморок.

– Но разве вот эта река прямо здесь – это не Пуланги? Так у меня на карте написано.

– Это... раздвоение, как называется, что-то не припомню – ну, ветка, понимаете? В этой части она Рио-Гранде.

– Рукав.

– А чтобы добраться до ветки Пуланги, пришлось идти пешком много миль. Много-много миль. По ночам сплю и вижу, будто я всё ещё в походе! Как вам чай, ничего?

– Очень вкусный, спасибо.

– Вода здесь хорошая. У нас хватает для питья, но не для купания. Бак потёк. – Он говорил про сильно растрескавшуюся железобетонную цистерну в нескольких ярдах оттуда.

– У вас в приходе порядочное количество католиков?

– Ах да. Да. Католики. Я крестил сотни человек, конфирмовал сотни человек. Не знаю, куда они все потом делись. Большую часть из них никогда больше не видел.

– Они не посещают мессы?

– Они приходят сюда в тяжёлые времена. Для них я на самом-то деле не служитель Божий. Здесь предпочитают обращаться за помощью к ведьмам и колдунам. Вот и я скорее кто-то вроде этого.

– А-а.

– Они завтра придут. Некоторые. Завтра ведь праздник, день святой Дионисии. Они верят, что у неё большая власть.

– А-а.

– Ну а вы?

– Я?

– Вы-то сами католик?

– Моя мать не была католичкой. Папа – вот он был.

– Ну... обычно отцы не очень религиозны.

– Папа погиб на войне. Я много гостил у его ирландской родни в Бостоне. Они там все довольно ревностные католики.

– А вы конфирмованы?

– Верно, я прошёл конфирмацию в Бостоне.

– Вы сказали «в Бостоне»? Я сам вырос в Бриджуотере. Это недалеко.

– Да. – Сейчас их разговор в основном шёл по второму кругу.

Священник поведал:

– После того, как я покинул родной дом, мои мать и отец переехали в Бостон. Я разговаривал с матерью по телефону в 1948 году. Позвонил из нового модного отеля в Давао. По тем временам нового. Но до сих пор, наверно, модного, а? Она сказала, что всегда молится за меня. Как услышал её голос, так и почувствовал, насколько она от меня далеко. Когда вернулся сюда, к себе в приход, то это было всё равно что начать всё заново в первый день. Снова почувствовал себя далеко от дома.

Из-за угла здания их рассматривали четверо ребяташек мал мала меньше, совершенно голых, не считая трусов. Когда Сэндс им улыбнулся, они взвизгнули и разбежались.

Кариньян сказал:

– Я встретился с тем, другим человеком. Он к нам тоже заглядывал.

– Не совсем понимаю, о ком вы.

– С полковником, полковником Сэндсом.

– Ох, ну конечно, с полковником, – спохватился Шкип.

– Только он не был в форму одет. Думаю, в форме должно быть слишком жарко. Так что не знаю, из какого он рода войск.

– Он в отставке.

– А ведь он тоже Сэндс.

– Ну да. Это мой дядя.

– Дядя ваш. Ясно. А вы тоже полковник?

– Нет, я не имею отношения к армии.

– Ясно. Вы состоите в Корпусе мира?

– Нет. Я работаю в «Дель-Монте». По-моему, я уже об этом упоминал.

– Некоторые люди очень восторгаются Корпусом мира. Каждый хочет по возможности принять у себя кого-нибудь оттуда.

– К сожалению, вынужден признать, что я о нём знаю немного.

– Вчера были ещё двое. Филиппинский военный и какой-то другой.

– Вчера?

Кариньян сдвинул брови и пробормотал:

– Или не вчера?

– Дайте-ка я приведу в порядок всю цепочку событий, – сказал Сэндс. – Когда приехал полковник?

– Ой, да несколько недель тому назад. В районе Дня святого Антония.

– А другие двое появились здесь вчера?

– Сам-то я их даже не видел. Это Пилар мне рассказывала. Я спускался вниз по реке читать отходную – скончалась одна старая-престарая женщина. Пилар говорила – филиппинец и какой-то белый. Но не янки. Иностранец. У них была пальмовая лодка.

– Ясно, пальмовая лодка, – повторил Сэндс, чуя, как у него под ногами размывается берег.

– Так, значит, Бостон, – сказал Кариньян.

– Ага, Бостон, – ответил Шкип.

– «Дель-Монте», вы сказали?

– Да, сказал. Ну а эти двое гостей... как странно, а?

– По-моему, они всё ещё на реке. Спрошу у Пилар. Она узнаёт все новости от речных жителей.

– Пилар – это ваша экономка? Та дама, которая нам чай подавала?

– Как вам чай, ничего? Молока у нас нету, – напомнил священник, как и тогда, когда они только сели.

– О, боже, – простонал Шкип.

Похоже, священник чувствовал замешательство Шкипа. Он захлопотал вокруг гостя.

– Нам всем суждено пройти через какое-нибудь духовное испытание. В детстве я сильно ненавидел евреев, потому что утверждал, будто они распяли Христа. Ещё я очень презирал Иуду – из-за его предательства.

– Ясно, – сказал Сэндс, хотя ничего не было ясно.

Похоже, Кариньяну с ним было трудно. Слова застревали у него в горле. Он коснулся губ пальцами.

– Что ж, для каждого человека очень многое значит испытать одиночество, – произнёс он, и истина, уж какую там истину пытался он донести, зримо отразилась в его глазах, похожих на две открытые раны.

– Можно, я вас щёлкну на плёнку?

Священник внезапно принял серьёзно-задумчивый и зловещий вид, сжал руки в замок на груди. Шкип настроил фокус, взвёл затвор, и Кариньян расслабился. Спросил:

– А вы вроде как паломник, а? Да. Я тоже. Я совершил очень долгий поход к реке Пуланги.

– Можем помолиться друг о друге, – предложил Шкип.

– Я не молюсь.

– Не молитесь?

– Нет-нет-нет. Не молюсь.

* * *

Этот янки любил чай. Упёрся – пойдёт, дескать, и поищет его сам. Много говорил с Пилар про тех, других визитёров.

Зачем к нему приезжают все эти люди – оставалось загадкой.

Кажется, янки понравилось ехать сюда на этом его мотоцикле – в том числе и подсакивать на ухабах, вкатываясь во двор, и получать удары матерчатой сумкой, которая болталась у него сбоку на ремне.

В отсутствие янки вокруг машины как по волшебству возникли дети и принялись, разинув рты, шупать её кончиками пальцев.

– Идёт! – крикнул Кариньян по-английски, и дети бросились врассыпную.

Почему за эти несколько последних недель к нему возвращалось владение английским? Потому что он долго думал об американском миссионере? Об этих костях в ящике, которые не говорят ничего, но зато сразу на всех языках? А может быть, когда он впервые заговорил с гостем из Штатов, с тем полковником – первым американцем за много лет (да что там – десятилетий), в сознании у него просто открылась некая дыра.

Полковник этот приезжал дважды. Сначала явился один и вёл себя почтительно. Он был добр, и местные воодушевлённо откликнулись на эту его доброту. Но будь он добрый или злой, человек, облечённый властью, всегда доставляет хлопоты.

Осознавая, как это всё, должно быть, выглядит в глазах гостя, Кариньян обозревал красную грязь тропинки, ведущей к реке, растрескавшуюся цистерну, брезентовую крышу, ползущую по стенам плесень. Янки, вероятно, уединился в бетонной камерке, «удобствах» на нижнем этаже – тёмной, закопчённой, отделённой от кухни, где Пилар сейчас варила рис и напевала песенку, всего лишь невысоким простенком. Если бы ей захотелось, женщина могла бы подойти поближе и посмотреть, как он сидит на корточках над дырой в полу. Янки, наверно, понадобится туалетная бумага. В камерке стоял один рулон, но из-за непогоды отсырел и рассохся, так что, в сущности, к делу не годился.

Пилар перестала напевать и вышла из кухни с новым подносом. На нём высилась горка нарезанных ломтиков манго и ананаса.

– Пилар, я же тебе говорил: если приедет снова этот американец, скажи ему, что меня нет.

– Так это же не тот же самый.

– Мне не нравится, когда здесь столько американцев.

– Он вообще-то католик.

– Так и полковник был католик.

– А вам что, не нравится, что он католик? Так ведь и вы католик. И я католичка.

– Ну вот опять ты валяешь дурака.

– Нет. Это вы валяете дурака.

Пилар на него дулась – за то, что он ею не овладел. И он это понимал. Кто бы стал возражать, воспользуясь он своим положением? Просто дело в том, что он очень стыдился любой физической близости.

Она сказала:

– Там опять на дороге этот старик, сюда к вам идёт. Вот только что его из кухни увидела. Не давайте ему никакой еды. А то он всегда назад приходит.

– Где американец?

Она ответила по-английски:

– В уборной.

Старик дождался, пока Пилар войдёт в дом, и только потом появился из-за угла церкви, двигаясь бочком из какой-то своеобразной почтительности; одет он был только в шорты цвета хаки со штанинами, подвёрнутыми почти до паха и подвязанными вокруг живота верёвкой. Кариньян кивнул, и старик подошёл и сел. Как и все, был он весь сморщенный – практически кожа до кости, ожившая мумия. У него было плоское, измождённое лицо умудрённого годами эскимоса. Старик широко улыбался. Зубов у него почти не осталось.

– Благослови меня, атес, ибо согрешил я, – произнёс он по-английски без видимого понимания собственных слов, – благослови меня и попроси у неба за меня прощения.

– *Te absolvo.*³⁷ Вот, возьми кусочек ананаса.

Старичок зачерпнул пару ломтиков в ладони и сказал: «*Maraming salamat po*», благодаря его на лусонском диалекте тагальского. Вообще казалось, старик подкован во многих языках.

– В прошлом месяце мне как-то во сне явился гость, – поведал Кариньян старику. – Думаю, он принёс мне какое-то послание.

Старец ничего не ответил и сосредоточился на пище, а лицо его сделалось отрешённым, как собачья морда.

Американский гость вернулся с кухни, но чая не принёс. Этот паломник-янки отличался бойкой походкой, его руки и ноги непринуждённо двигались вокруг огромного и жаркого горнила его туловища, в глубине которого полыхало пламя страдания, тогда как он, кажется, о том и ведать не ведал.

Когда янки приблизился к ним, старик освободил стул и присел рядом с ними на корточки, не отрывая пяток от земли.

– Я спрашиваю его о сне, который мне приснился. Он может истолковать его послание, – пояснил Кариньян американцу.

– Драсте, атес, – сказал старик.

– Он и вас называет «отцом», – заметил Кариньян.

Как только старец покончил со своим фруктом и облизал пальцы, то спросил по-себуански:

– Отчего ты говоришь, что твой сон содержит послание?

Кариньян сказал:

– Это был сильный сон.

– Просыпался ли ты среди ночи?

– Да.

– Заснул ли потом опять?

– Всю ночь глаз не сомкнул.

– Тогда и правда сильный был сон.

– Ко мне приходил какой-то монах, святой человек.

– Ты и сам святой человек.

– Он был одет в клобук. Вместо лица у него было серебристое облако.

³⁷ Отпускаю тебе грехи твои. (Лат.)

- Человек?
- Да.
- Из твоей семьи?
- Нет.
- Видел ли ты его лицо?
- Нет.
- Видел ли ты его руки?
- Нет.
- Показал ли он тебе свои ноги?
- Нет.

Старец заговорил со Шкипом – очень серьёзно и немного громче, чем следовало бы.

- Да-да. Приятно познакомиться, – пробормотал Сэндс.

Старик схватил американца за запястье. Заговорил. Остановился. Священник перевёл:

– Он говорит, что во сне, когда спишь, дух покидает твоё тело. И пастух... или пастырь духов берёт их и... – он посоветовался с толкователем, – пастырь духов преследует духов, сгоняет их в отару, как овец, и ведёт их к берегу, на взморье.

Человек вещал, священник задавал ему наводящие вопросы, старик дёргал американца за руку, и Кариньян по крупицам собирал связный рассказ: согнанные к берегу, духи погружаются в море, и там, внизу, оказываются они в мире снов. Границу моря снов стережёт жёлтая змея. Кто отважится ходить между двумя мирами, того задушит она в своих кольцах, и умрёт он во сне. Кариньяну доставало владения английским, чтобы связно изложить всё услышанное.

- Он ведёт какой-то запутанный рассказ. Он немного сумасшедший, по-моему.

– Этот мир не хранит воспоминаний о прошлой жизни, а жизнь будущая не хранит воспоминаний о наших нынешних невзгодах. Так что возрадуйся тому, что близится смерть твоя.

На этом старец поднялся и удалился.

- погоди! погоди! Что же тогда предвещает мой сон?

- А разве ты не услышал? – спросил старик.

* * *

Отец Кариньян настоял на том, что сам заночует в гамаке в церкви, тогда как Сэндс лёг в комнате Кариньяна в компании Святого Тела Христова – то есть Святое Тело в облике причастной облатки бдело, лёжа на кухонном буфете священника, а Сэндс пытался заснуть на постели из деревянного поддона и соломенного тюфяка под ажурной сеткой. Монашеская келья, идеально подходящая к его паломническому статусу. Он ворочался в темноте. Где-то за сеткой заунывно зудел одинокий комар. Сэндс завязал узелок на память: надо будет спросить у Кариньяна про ту фразу из Библии, что цитировал полковник, – что-то там про единого бога и многие службы. Идея эта импонировала человеку, находящемуся в услужении государству. Такая вот своего рода космологическая бюрократия... Тут его захлестнула тревога. Полковник, Эдди Агинальдо, ещё этот немец. Они, оказывается, сюда приезжали, а его никто об этом не известил. Если полковник что-то от него скрывает, то так не годится. От этой мысли живее зашевелился таящийся в недрах сознания червячок сомнения – сомнения в профпригодности полковника, в его здравом рассудке, в его способности к восприятию. Полковник немного ненормальный. А кто нормальный-то? Проблема в том, что полковник, вероятно, не доверяет талантам племянника и послал его по какому-то надуманному поручению. В какой-то момент Сэндс очнулся от сна прямо-таки библейской силы, от вещего сна, в котором утверждалось, что остров Минданао не представляет никакого интереса для Соединённых Штатов, что этот католический патер никак не может поставлять оружие мусульманам, что жизнь забросила его

– Шкипа Сэндса, Тихого американца, Гадкого американца – в эти края лишь затем, чтобы расширить круг его понятий исходя из надобностей будущей работы. Никаких подробностей сна в памяти не сохранилось. Только эта уверенность.

* * *

Кариньян втолковал этому янки, что, может быть, на утреннюю литургию явится кто-нибудь из местных, поскольку сегодня читается память близкой их сердцу святой – Дионисии.

Янки никогда не слышал о святой Дионисии. Да и никто больше не слышал.

– Да, она обладает здесь великой властью. На основании совершённых ею чудес в селениях вдоль реки её причислили к лику святых, если она уже и так не была святая. Её предали мученической смерти в пятом веке в Северной Африке. Воодушевляющий пример мученичества.

Много десятилетий назад в одной из проповедей Кариньян без задней мысли в красках описал агонию Дионисии перед необычайно большой праздничной толпой, и вот теперь вверх и вниз по течению реки она сделалась легендарным персонажем, народ приписывал ей многие исцеления, утверждал о множестве видений и чудесных явлений, знамений и посланий.

– Вот я и пытаюсь напоминать людям, когда приходит день её поминовения. Правда, для речных жителей не всегда легко определить, какое вообще сегодня число. Живут-то они без календаря.

На богослужение пришло лишь несколько человек. Перед этим священник крестил на берегу новорождённого, окропив ему лоб мутной речной водой.

– Святой воды у нас как таковой нет, – объяснял он янки. – Так что епископ издал декрет о том, что отныне в этой реке вся вода святая. Это я им так говорю.

Завёрнутый в платок, ребёнок безжизненно обвис на руках – глаза закрыты, рот нараспашку – и пускал пузыри слизи. Мать и сама ещё толком не вышла из детского возраста.

Янки заметил:

– Этот малыш, кажется, тяжело болен.

– Вы бы удивились, когда узнали бы, какие из них умирают, а какие выживают, – ответил он этому янки. – Это всегда неожиданность.

Они собрались на вечернюю мессу. Глазами гостя он видел всё как бы по новой: маленькую серую комнатку, разошедшиеся деревянные скамьи, заросший плесенью земляной пол и самих прихожан – горстку невежд, десять, одиннадцать... четырнадцать пришедших на службу, включая самого янки. Пара старух, пара стариков, несколько сопливых младенцев с чёрными глазёнками. Малыши не ревели. Изредка кто-нибудь из них то кашлял, то издавал некий квакающий звук. Старухи блеяли что-то в ответ, старики невнятно бубнили.

Гость в своих брюках защитного цвета, в своей грязно-белой футболке сидел на скамье среди прочих и сиял так, будто был последним американцем на свете – искренним, дружелюбным, внимательным слушателем, но в самой сердцевине его взгляда просматривалось пугливое одиночество.

Что же сегодня следует читать? Кариньян опять потерял книгу с графиком литургий. Вообще-то он годами с ней не сверялся, просто читал всё, что взбрело в голову, на каком стихе откроется Книга.

– О, есть кое-что. – Он прочёл по-английски: – «Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность...»³⁸

³⁸ Послание к Филиппийцам 2:1.

Попытался объяснить на местном наречии, что, по его мнению, может иметься в виду под «милосердием и сострадательностью», и закончил так:

– Не совсем понимаю, что это значит. Наверно, то, что мы чувствуем к своим родным и близким.

Отыскал пятый стих двадцать седьмой главы Евангелия от Матфея: «И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился».

Теперь – проповедь.

– Сегодня буду говорить по-английски.

Он не отдавал себе отчёта, почему так. Видимо, было ясно без слов, что присутствие янки подразумевает такого рода любезность. Ну и не то чтобы кто-то из этих людей понял его мысли на каком бы то ни было языке. Суеверные вампиропоклонники! Правда, он и сам однажды видел, как по небу летит асванг с окровавленной детской ручкой в пасти...

– Я сказал им, что сегодня проповедь будет на английском. Вообще-то я ничего не подготовил. Сегодня мы поговорим о том, что я вам прочитал, о предателе Иуде Искарите: «И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился». Он возвращается в храм, к тем, кто заплатил ему денег за то, чтобы он предал своего Учителя. Хочет вернуть их грязное серебро, но они его не приняли. Задумывались когда-нибудь, почему? Почему они отказались от таких хороших денег? Отчего так? Отчего же это, «бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился»? Исповедаюсь вам напоследок. Кто из библейских персонажей больше всего похож на меня – или на кого больше всего похож я? Иуда. Иуда-предатель – это я. В чём тут ещё исповедаться? Никто не платил мне за предательство Иисуса, но какая разница, правда ведь? Мне никогда не вернуть свой долг. Они никогда не возьмут своих грязных денег.

За тридцать с лишним лет Кариньян ни разу не говорил так долго на своём родном языке. Он дал волю красноречию, и английские слова летели у него изо рта, будто из громкоговорителя:

– Моя бабушка, бывало, любила помянуть в речи эти слова, «милосердие» и «сострадательность». Так я и не спросил у неё, в чём смысл этих понятий.

Помню, как я отвернулся от бабушки. Я её очень любил и сам ходил у неё в любимчиках, но потом, когда пришли годы моего отрочества, двенадцать, тринадцать лет, она переехала жить с нами, и я с ней очень плохо обошёлся. Она была просто старушка, а я очень плохо с ней обошёлся.

Не люблю об этом вспоминать. Очень уж горька эта память. Бабушка меня любила, а я проявил к ней такое неуважение. Я тогда ни к кому не испытывал чувства любви.

Здесь, конечно, люди живут так бедно, болеют так много, что любить их невозможно. Это утащит тебя на дно. Как полюбишь – так и пойдёшь ко дну. Каждый здесь умеет дарить любовь, но любить его в ответ – как ходить по зыбучим пескам. Я не Христос. Ни один человек – не Христос.

А иной раз мы становимся разбойником на кресте, тем самым, которого распяли рядом с Иисусом, разбойником, который повернулся к Иисусу и сказал: «Помяни меня, Господи, когда приидёшь в Царствие Твое!» Иисус же смиростивился и молвил: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»³⁹. На самом деле я думаю, что нам остаётся быть либо одним, либо другим. Либо мы предатели, либо мы разбойники.

Оглядываюсь я вокруг и думаю: как я попал сюда, в Насадай? Как меня сюда занесло? Это же просто поворот в лабиринте. Островок на болоте. Иуда прыгнул в пропасть, и Бог ведает, один лишь Бог ведает, поднимется ли он когда-нибудь наверх, а? На то исключительно воля Божья. Кто мы такие? Иногда мы все Иуды. А Иуда... Иуда вышел, пошёл и удавился.

³⁹ Лк. 23:39–41.

Все эти тридцать лет и ещё больше, которые я прожил среди дикарей, среди их всесильных богов и богинь, впитывал в себя их верования – ведь это, знаете ли, вовсе не сказки, в них всё по-настоящему, они обретают реальность, как только ты их в себя впитаешь,пустишь в своё сознание все картины их сказок, живя среди свершений их предков, за все эти годы, за которые я встретился лицом к лицу с их вредоносными демонами и святыми, святыми, которые носят имена католических святых, но только для маскировки... Сколько раз был я близок к тому, чтобы пропасть навеки, сколько раз я блуждал рядом с той частью этого лабиринта, откуда можно никогда не вернуться... но в последний миг всегда нисходит касание Святого Духа, перед тем как меня уничтожат боги и богини, в самый последний миг я получаю напоминание о том, кто я есть и зачем сюда приехал. Лишь намёк, понимаете, лишь мимолётное напоминание о том, кто я на самом деле такой. А потом – обратно вниз, в туннель.

Месса завершилась, участники праздника удалились, Кариньян разделся до трусов и дзори и спустился к реке искупаться.

От рёва лодки с мотором, какой редко услышишь на этой реке, он остановился и стал наблюдать. Судно прошло перед ним, замедляясь, мотор сбросил обороты до холостого хода, приблизился к суше, а два человека на борту не отрываясь глядели на берег. Кариньян помахал рукой. Они скрылись из виду, свернув за прибрежную поросль невысоких саговых пальм.

Он забрёл в воду по пояс и начал купание.

И глупая же вышла проповедь! Из-за того, что он говорил на английском, внутри пробудилась застарелая досада: с усилием распрямилась и принялась разрывать свои грязные путы – его душу и душевные недуги.

Как меня сюда занесло? – высовывает Иуда голову из лабиринта.

Он шагнул из реки с поникшей головой, но не глядя под ноги, погружённый в раздумья, озабоченный бессердечностью поступков, совершённых им в отроческие годы, – ни один вовсе не был таким уж серьёзным, но сейчас мысли о них приводили его в ужас, потому что говорили о некоторой безнравственности, которая, продолжи он в том же духе, сделала бы его человеком, опасным для всего мира.

Священник обернулся и среди перистых ветвей саговых пальм увидел крайне любопытное зрелище: мужчина западной наружности и в западном же наряде приложил к губам какую-то длинную трубку. Нечто вроде полого бамбукового стебля. Пока Кариньян оценивал увиденное и готовился как-то поприветствовать пришельца, щёки мужчины втянулись, что-то ужалило падре чуть выше адамова яблока – и, кажется, там и засело. Он протянул руку, чтобы смахнуть неведомое насекомое. В языке и в губах вдруг закололо, глаза пронзила жгучая боль, и через секунду-другую он уже чувствовал, будто у него вовсе нет головы, потом утратил связь с руками и ногами, а потом – и с каждой клеткой своего тела: все они в один миг куда-то пропали, словно растворились в небытии. Как он рушится в воду, Кариньян уже не почувствовал, а к тому времени, как погрузился полностью, был уже окончательно мёртв.

* * *

Облегчившись возле кустика у реки, Сэндс двинулся по тропинке ниже церкви и повстречал двух совсем маленьких мальчиков, которые ехали вдоль оросительной канавы верхом на спине карабао. Они улыбались со стеснительным и нерешительным видом:

– Атес, атес...

Может, приняли его за Кариньяна – а может, считали, будто во всей вселенной существует лишь один-единственный священник, который принимает разные облики.

Он бросил детям жевательную резинку. Один из них протянул руку, но не поймал и сполз с широкой спины животного, чтобы подобрать её из травы у края канавы.

– Атес... Атес...

– Я вам не отец, – сказал Сэндс.

В лучах заката он глядел, как вниз по реке сквозь волшебную радужную дымку, взбиваемую довольно-таки мощным винтом, мчится пальмовая лодка с двумя фигурами на борту. Ничего такого не было в этих пассажирах, так далеко продвинувшихся по реке и скрытых за маревом брызг, что при любых других обстоятельствах побудило бы его воскликнуть: «Да это же Эдди Агинальдо и тот немец!», ничего настолько важного, чтобы они заслужили, скажем, упоминания в донесении. Но раньше эти двое таились, а сейчас вдруг обнаружили своё присутствие. Он чуть было не развернулся и не ринулся обратно к церкви за биноклем, но внезапно заметил священника – вот он, плывёт от берега лицом вниз. Кто так плавает? Утопленники. Сэндс кинулся в воду, желая помочь. Нырнул в омут, и вода сомкнулась у него над головой. Выплыл на поверхность, увидел Кариньяна – его покачивало на волнах, вертело и утаскивало потоком. Сэндс поплыл было за ним, передумал, выгреб на берег и побежал по тропинке вдоль берега, пока не оказался ниже по течению, чем Кариньян, пинком отшвырнул свои сандалии, вышел на глубину, снова нырнул, пытаясь преградить путь сносимому течением священнику. Он просчитался. Свободно раскинувший безжизненные конечности – очевидно, мёртвый – священник стремительно скользнул вперёд по касательной и понёсся вниз на середину речного плёса шириной в четверть мили.

Опять Сэндс прекратил погоню, развернулся, выкарабкался на берег и направился, теперь уже босиком, по тропинке. Отклонился от намеченного курса в сторону какого-то дома, увидел на траве перевёрнутую бангу⁴⁰, позвал хозяев, но в доме никого не оказалось, попытался поставить её на днище – не вышло, попробовал дотащить её до тропинки. Его остановил какой-то человек – мускулистый юноша, босоногий, с голым торсом, в красных шортах и совершенно растерянный. Он быстро сообразил, что действовать надо в срочном порядке, и схватил весло, прислонённое к стене дома. Оба подхватили лодку под бока и урывками вытолкали к берегу, рискуя свалиться в воду, взгромоздились на борт и устремились за трупом – филиппинец работал веслом, американец указывал направление, их судёнышко неуклонно нагоняло убитого, а тот между тем держал путь в Царствие Небесное.

На другой день Сэндс вернул мотоцикл «Хонда» в епархию и доложил о гибели отца Томаса Кариньяна через утопление. Отец Хаддаг опечалился из-за такой утраты и удивился тому, что слышал о ней так скоро.

– Порой недели пройдут, пока весть от речных жителей досюда доберётся, – сказал он.

Это поручение заняло всё утро. После Сэндс забронировал себе в Кармене комнату и съел цыплёнка на вертеле и плоску риса вместе с тремя людьми из министерства сельского хозяйства, на которых он попросту наткнулся посреди трассы, проходящей через город, – все они слонялись по ней туда-сюда в надежде отыскать какой-нибудь ресторан. Они обосновались у одного из придорожных ларьков, где продавец поджаривал тощие куриные ножки и бёдрышки над углями из кокосовой скорлупы, spryskivaya затем смесью из соевого соуса, специй и кока-колы. За трапезой наблюдали голодные собаки. Давид Альвероль, главный из трёх сотрудников минсельхоза, изъявил желание пошататься с американцем по городку, однако Сэндс смертельно устал. Другие двое сохраняли хладнокровие, тогда как Давид Альвероль, кажется, так восторженно воспринял встречу с американцем, что тому стало по-настоящему страшно за его душевное здоровье. Альвероль всё повторялся, несколько раз представился по

⁴⁰ Банга – традиционная филиппинская долблёная лодка с противовесом.

имени, его лицо блестело от пота, а также от внутреннего возбуждения. Каждые две минуты он предлагал, чтобы американец заглянул к нему домой «на светскую беседу».

– Вы такой славный, – сказал он американцу. – Прямо мой типаж. Не могли бы вы остаться с нами ещё минуток этак на тридцать?

Давид делался всё настойчивее, чем немало смущал двух своих товарищей, пьяно упрашивал со слезами на глазах, пока американец вылезал из их правительственного джипа перед входом в свою скромную гостиницу:

– Пожалуйста, сэр, ну пожалуйста, всего на полчаса, сэр, я вас умоляю, сэр, ну пожалуйста...

Сэндс назначил им встречу на завтра, предупредив, что его график может помешать сдержать обещание. На том и расстались, Сэндс и двое других – понимая, что никогда больше не увидятся, а Давид Альвероль – ожидая, что наутро будет здесь как штык, и предвкушая новую встречу с гостем из Америки.

Сэндс не стал сообщать отцу Хаддагу о восьмидюймовом дротике для сумпитана, торчавшем из шеи Кариньянова трупа.

В своём номере в Кармене он лежал без сна и думал о немце – об убийце. Черты, что прежде казались ему в немце женоподобными, теперь представлялись поэтичными – очки, пухлые губы, бледная кожа. Он близко соприкасался со смертью, он знал, что почём. Раньше Сэндс полагал его персоной напыщенной и раздражительной. Теперь же немец воспринимался им как носитель некоего трансцендентного бремени.

Не успел Шкип возвратиться в Дамулог, как городок атаковали мелкие красные муравьи. Они ползали по всему его столу в столовой «Солнечный луч», по всей его постели в гостинице у Кастро.

Он мог бы продолжить путь до города Давао на южном конце острова и попасть на авиарейс до Манилы. Вместо этого поехал обратно в Дамулог. Мог бы провести там максимум ночь и убраться с первым же автобусом. Вместо этого остался там на три недели, в течение которых составлял донесение: оно не содержало никакой существенной информации, полностью основывалось на измышлениях мэра Эметерио Д. Луиса и не выводило никаких заключений касательно природы контактов священника или ответственности за его гибель.

Фактически Сэндс ушёл в самоволку. Он хоронил свою служебную оплошность под ворохом бессмысленных трудов и вырабатывал в себе присущую истинному солдату отрешённость от душевной горечи. А ещё – проводил ночи с миссис Джонс.

1966

Увольнение Билла Хьюстона на берег в Гонолулу началось с утренней вахты, слишком рано для человека, у которого есть лишние деньги: в довершение всего, во флоте пожелали лишить его каких-либо ночных развлечений. Челночным автобусом от морского вокзала через голые поля базы ВВС и город добрался он до Вайкики-бич, поблуждал понуро среди больших отелей, сел прямо на песок в своих джинсах «Левис», расстёгнутой гавайской рубашке и невероятно чистых туфлях – белых, из натуральной оленьей кожи с красными резиновыми подошвами, – поел у киоска жареной свинины на деревянном шампуре, городским автобусом доехал до Ричардс-стрит, застолбил койку в отделении ИМКА⁴¹ и с часа дня начал пьянствовать по прибрежным барам.

Вначале Билл испробовал заведение с кондиционером, которое облюбовали молодые офицеры, – сидел там в одиночку за столиком, покурил «Лаки Страйк» и попил «Лаки Лагер». От этого он почувствовал себя везучим. Когда набралось достаточно мелочи, позвонил домой на материк и поболтал с братом Джеймсом.

Это лишь усугубило его подавленность. Брат Джеймс оказался дураком. Брат Джеймс собирался загрести в армейку, как и он сам.

Билл укрылся в клубе «Большой бурун» и там обменялся бутылками с двумя ребятами слегка старше него самого; один из них, по имени Кинни, недавно присоединился к команде на корабле Хьюстона – судне военно-морской транспортной службы США «Боннерс-Ферри», танкере класса Т-2; личный состав корабля комплектовался в основном гражданскими – к ним этот Кинни и принадлежал. Правда, он не просто вальсировал себе на борту, совершая тропический круиз. Он уже довольно долго провёл во флоте, и всё это время перебирался с судна на судно и не имел настоящего жилища на суше. Кинни успел снюхаться с каким-то пляжным босяком (в буквальном смысле – обуви на нём не было), который, похоже, был чем-то крепко обдолбан. Босяк заказал на их столик два кувшина пива подряд и через некоторое время сообщил, что до отправки домой по досрочному увольнению он, дескать, служил в Третьей дивизии морской пехоты США во Вьетнаме.

– Да, детка, – похвастался босяк. – Я и справочку себе выкроил!

– Это с чего бы?

– С чего бы? Да с того, что я психически больной.

– Да с тобой вроде всё в порядке.

– А если пивка нам поставишь, то будет вообще полный порядок, – сказал Кинни.

– Не вопрос. Мне ж пенсия полагается по инвалидности. Два сорок два в год. Могу сколько хошь «Хэмса» выжрать, если только буду жить на пляже, как здешние моуки, и жрать то же самое, что они жрут.

– А что они жрут? И что за моуки такие?

– У нас тут есть моуки, а есть хаули. Мы вот – хаули. А моуки – это аборигены местные, мать их за ногу. Что жрут? А всё что хошь, лишь бы по дешману. Потом ещё есть хуева туча япошек всяких да китаёзов, их-то вы уже, поди, заметили. Эти по разряду гуков проходят. Знаете, почему у гуков жратва такая вонючая? Да потому что жарят они её прямо вместе с крысиным говном, тараканами и вообще со всем, что там в ихний рис попало. Им всё это побоку. Спросишь их, с хера ли у вас тут такая вонь стоит, так ведь они даже и в толк не возьмут, о чём речь-то вообще. Да, я-то всякого навидался, – продолжал босяк. – У себя там гуки носят эти свои ржачные шляпы соломенные, видали, поди, – островерхие такие? Девка, скажем, на велике едет, так ты хватанёшь её за шляпу, когда мимо проходишь, – ну и чуть ли

⁴¹ ИМКА (Юношеская христианская организация) – международная волонтерская организация для военнослужащих.

не отрывается тогда у ней башка-то, потому как шляпа-то верёвочкой привязана! Сдёргиваешь её прямо с велика, чувак, тут она так и ёбнется прямо в грязь. Видал я как-то раз одну, так она вся покорёженная была, чуваки. Шею ей верёвкой-то перерезало. Дохлая она была, вот что.

Билл Хьюстон совсем запутался:

– Что? Где?

– Где? Да в Южном Вьетнаме, чувак, в Бьенхоа⁴². Практически в самом центре города.

– Ну это вообще пиздец, чувак.

– Да? Не, пиздец – это когда какая-нибудь из этих тёлочек бросает тебе на колени гранату, потому как ты, чувак, позволил ей рядом с тобой на дороге встать. Они ведь правила-то знают. Знают, что дистанцию соблюдать нужно. Которые дистанцию не соблюдают, у тех, верно, и граната при себе имеется.

Хьюстон и Кинни хранили молчание. У них просто не было в запасе никаких сопоставимых тем. Парень допил своё пиво. В один миг они даже почти заснули. По-прежнему никто не продолжал разговор, но босяк всё-таки сказал, как бы отвечая кому-то на что-то:

– Это всё херня. Вот я-то всякого навидался...

– Давайте-ка ещё по пивку, – предложил Кинни. – Не твоя ли очередь проставляться?

Босяк, кажется, не помнил, кто там что купил. К столику несли всё новые и новые кувшины.

* * *

Джеймс Хьюстон вернулся домой после последнего дня третьего года обучения в старшей школе. Выпрыгнул из автобуса, улюлюкая и показывая водителю средний палец.

Мать уехала на работу на попутке и оставила грузовик на въезде в гараж, как он и попросил. Младший брат Беррис стоял на дороге, ковырялся пальцем в ухе и вглядывался в дуло игрушечного пистолета с пистонами, раз за разом нажимая на спуск.

– Глаза-то побереги, Беррис. Слыхал я, одному пацану искра в глаз попала, так его в больницу увезли.

– А из чего пистоны делают?

– Из пороха.

– Чего-о-о? Из по-о-ороха?!

В доме зазвонил телефон.

– Мне не велели отвечать, – сказал Беррис.

– Телефон-то что, опять включился?

– Не знаю.

– Ну так он же звонит, нет?

– Да ладно!

– Ну вот, теперь перестал, дурошлёп ты этакий.

– Да я бы не смог ответить никак. Всё равно звук такой, как будто на том конце жуки какие-то в трубку говорят. Уж точно не люди.

– Ох и угарный же ты кадр, – сказал Джеймс и вошёл в дом, где было душно и чуть-чуть пованивало мусором. Мать отказывалась включать испарительный охладитель, если только температура не переваливала за тридцать семь.

Джеймс принёс с собой из школы множество бумаг, домашних заданий, табель успеваемости, ведомости об окончании учебного года. Их он запихнул в мусорное ведро под раковиной.

Снова зазвонил телефон: это был брат, Билл-младший.

⁴² Во время Вьетнамской войны в городе Бьенхоа находилась крупнейшая авиабаза ВВС США.

- Чё, небось жарко там у вас, в Финиксе?
- Почти под тридцать семь, ага.
- Здесь тоже жарко. Я бы сказал – знойно.
- Откуда звонишь-то?
- Гонолулу, Гавайи. Час назад стоял на Вайкики-бич.
- Гонолулу?
- А то.
- Видел уже гавайских танцовщиц?
- Видел парочку шлюх, только и всего. Но готов поспорить, они и станцевать могут.
- Да уж по-любому!
- А ты будто много об этом знаешь!
- Я-то? Ничего я не знаю, – сказал Джеймс. – Так, говорю просто, чтобы не молчать.
- Чёрт возьми, хотел бы я уже вернуться в старую-добрую Аризону.
- Ну так не я же из нас двоих на сверхсрочную записался!

– На пустыню-то я в любом виде согласен. У вас-то там всё по-чесноку, уж раз жара, так жара, верно? Сухая и жгучая. А здесь всё такое влажное и кашеобразное, да уж какое есть. Вот представь, парень, случилось тебе поднимать крышку над котлом кипящих помоев? Вот так оно и ощущается, когда выходишь на улицу в тутошних краях.

- Так чего, – сказал Джеймс, – что ещё там у тебя происходит?
- Слушай, а тебе вообще лет-то сколько?
- Да мне-то семнадцать уже совсем скоро.
- Что делать-то думаешь?
- Что делать думаю? Не знаю.
- Школу-то закончил?
- Не знаю.
- В смысле – не знаешь? Ты ведь выпустился?
- Чтобы выпуститься, мне ещё год нужен.
- И нечего больше делать, кроме как выпускаться, так ведь?
- Ну, я-то других вариантов не вижу. Ну или я вот подумывал насчёт армии, может быть.
- А чё не во флот?
- Нет уж, прости, братан, во флоте гомосеков многовато.
- Ты, братан, больно уж хитрожопый. Тогда тебе лучше в армейку. Потому что в том роде войск, где я сейчас служу, ты только и будешь, что каждый день люлей огребать.

Джеймс смолк в недоумении. Похоже было, будто на той стороне провода с ним говорит какой-то чужой человек. В беседу вмешался телефонный оператор, и Биллу пришлось вбросить ещё монет. Джеймс сказал:

- Ты там в каком-то баре или что?
- Ага, в баре. Я в баре в Гонолулу, на Гавайях.
- Ладно, думаю, это...

Он не знал, что это такое.

– Да. Бывал я и на Филиппинах, и в Гонконге, и в Гонолулу – ну-ка, где ещё, уже и не помню, – и так скажу: тропики – это ни фиги не тропический рай. Тут полным-полно гнили – насекомых, пота, вони, не знаю, чего ещё. А тропические фрукты, которые ты тут видишь, все в основном гнилые. Валяются раздавленные на улице.

Джеймс пробормотал:

– Короче... Здорово, что ты позвонил.

– Ага. Лады, – сказал Билл. – Лады. Эй, ты мамке скажи, что я звонил, ладно? Скажи, что я приветы ей передавал.

– Лады.

- Лады... Передай, что я её люблю.
- Лады. Ну, до скорого.
- Эй! Эй! Джеймс!
- Да?
- Ты ещё там?
- Я ещё тут.
- Иди-ка в морпехи, браток.
- Да ну, морская пехота – переоценённые войска.
- Морпехам кортики выдают.
- Морпехи – это так-то флот, – возразил Джеймс, – в смысле, часть флота.
- Ага... ну...
- Ну...
- Ладно, вообще-то кортики только у офицеров, – заметил Билл-младший.
- Ага...
- Ладно, пойду, что ли, тёлочку себе сниму, – сказал брат. – Ты тоже сходи перепихнись! –

И повесил трубку.

- Да что ты понимаешь! – усмехнулся Джеймс.

Джеймс порылся в кухонных ящиках и откопал полпачки ментоловых сигарет «Сейлем», которые курила мать. Перед тем, как он вышел за дверь, телефон опять зазвонил – на проводе вновь оказался Билл-младший.

- Это снова ты?
- Ну, с утра был я, да.
- Чё там ещё?
- Передавай от меня привет горе Саут-Маунтин.
- Саут-Маунтин от нас больше не виден. Теперь у нас вид на Папаго-Баттс.
- С востока?
- Мы живём на Ист-Макдауэлл-роуд.
- Ист-Макдауэлл-роуд?
- Ну а чё, по-моему, зашибись!
- Да это ж посреди пустыни!
- Мать на коневодческой ферме работает.
- Да ну нафиг!
- Она в лошадях ещё с детства шарит.
- Смотри, как бы тебя там ядозуб не цапнул.
- Там от солнца негде укрыться, а так нормалёк. Мы там прямо рядом с резервацией

Пима.

- А ты сейчас, значит, в школе.
- Какое-то время ходил в Пало-Верде, где-то наверно, с октября.
- Пало-Верде?
- Ага.
- Пало-Верде?
- Ну да.
- Когда мы жили над Саут-Сентрал, наша школа, было дело, играла с Пало-Верде – то ли в баскетбол, то ли в футбол, то ли ещё во что-то. Как наша школа тогда называлась-то?
- Я в началку ходил. Начальная школа Карсона.
- Да ну на фиг. Никак название своей собственной старшей школы не вспомню – а ведь ходил в неё когда-то!
- Да ладно, по-моему, всё зашибись!
- Во Флоренсе бываешь хоть иногда?

- Не-а.
- А с батей хоть иногда видишься?
- Не-а, – сказал Джеймс. – Да он так-то мне и не батя.
- Ладно, ты там не нарывайся на неприятности. Учись на его примере.
- Не следую я никакому его примеру. Я вообще на его пример не гляжу.
- Лады, – сказал Билл-младший, – короче...
- Короче. Да. Ты прям правда на Вайкики-бич?
- Ну вообще-то нет. Не прямо сейчас.
- Мы вот прямо на перекрёстке Пятьдесят второй улицы и Ист-Макдауэлл-роуд. У них тут зоопарк рядом есть.
- Что?
- Ага, небольшой такой зоопарк.
- Эй, передай там мамке кое-что – когда она домой-то будет?
- Позже. Через пару часов.
- Может, я уже ей звякну. Хочу рассказать ей кое о чём. Тут у меня на корабле двое ребят с Оклахомы, так вот, короче, знаешь, что они оба сказали? Сказали – я, мол, говорю, будто бы я родом из Оклахомы. Я и говорю: «А вот и нет, сэр, никогда там не был – но родня у меня оттуда». Скажешь это мамке, лады?
- Будет сделано.
- Скажи ей, что она, видать, зачала меня в Оклахоме, а уж я появился на свет таким, будто я оттуда.
- Окей.
- «О-кей» – это ведь сокращённо, а полностью – «Оклахома»!
- Да ну на фиг, – не поверил Джеймс.
- А то ж. По-моему, зашибись, не?
- Окей.
- Лады. До скорого.
- Они повесили трубки.
- Нализался в дрова, подумал Джеймс. Видимо, такой же алкаш, как его папаша.
- Вошёл Беррис со своим пистолетом на пистонах в одной руке и фруктовым мороженым «Попсикл» на палочке в другой, в одних шортах, похожий на маленького патрульного полицейского:
- По-моему, мне искра в глаз попала.
- Джеймс сказал:
- Мне идти надо.
- Похоже, как будто мне искра в глаз попала?
- Нет. Заткнись, мелкий, чего ты как невменько?
- Можно, я в кузове грузовика поеду?
- Если только не хочешь вывалиться и убиться.
- Джеймс сходил в душ и переоделся, и ровно когда он уже выходил, телефон опять затрещивил. Снова брат.
- Алё... Джеймс?
- Да.
- Алё... Джеймс!
- Да.
- Эй! Эй! Эй...
- Джеймс повесил трубку и вышел из дома.

Подобрал Шарлотту, потом – Ролло, а потом – девочку, которая нравилась Ролло и которую звали Стиви (а полностью – Стефани) Дейл, и они выехали из города к горам Макдауэлл – там, как они слышали, намечалась тусовка, какая-то необузданная вечеринка на свежем воздухе, где можно будет отдохнуть от родительского надзора, предположительно, в стороне от дороги и вообще от всего, прямо посреди пустыни; однако если такой междусобойчик действительно где-то происходил, он затерялся в путанице пересохших ручьёв, так что они вырулили обратно на шоссе, сели в кузове пикапа и стали пить пиво.

– А похолоднее взять было нельзя? – спросил Джеймс.

– Я его из морозильника в сарае стыбил, – ответил Ролло.

– Тусовку на свой выпускной – и ту найти не можем, – проворчал Джеймс.

– Так это и не выпускной, – сказала Шарлотта.

– А что тогда?

– Последний день школы. Я школу не заканчиваю. Ты, что ли, заканчиваешь?

– У меня только пиво заканчивается, – заметил Джеймс.

– Я, по ходу, никогда школу не закончу, – заявила Шарлотта. – Да и пофигу.

Ролло сказал:

– Ага, похуй-пляшем, руками машем. – Все рассмеялись его похабной фразочке, а он добавил: – Мы ж сельские ребята.

– Да не, какое там, – возразил Джеймс.

– Твоя мать работает на лошадиной ферме. Мой батя занимается орошением. А за домом у меня, чтоб ты знал, братан, стоит огромный-преогромный сарай.

– Здесь, за городом, куда приятнее, – заговорила Стиви. – Копов нету.

– Это правда, – согласился Джеймс, – никто до тебя тут не докопается.

– Только не забывай о змеях.

– Особенно о той змее, что у меня в штанах, – сказал Ролло, и девушки завизжали и засмеялись.

Джеймс был разочарован: когда обе девушки прыснули, пиво хлынуло через нос почему-то именно у Шарлотты. Стиви была младше, ещё только девятиклассница, но казалась проще и не такой взвинченной. Держала спину прямо и соблазнительно курила. И что он забыл с этой Шарлоттой? Вообще-то ему нравилась Стиви.

Он высадил Ролло, а потом довёз Шарлотту до дома. Получалось, что Стиви всё ещё вроде как остаётся в грузовике. Он позаботился о том, чтобы посадить Шарлотту первой.

Поцеловал на прощание, пока они стояли у неё перед домом. Она обвила ему руками шею и прильнула к нему, вяло чмокнув влажными губами. Джеймс держал её без особых усилий, одной левой рукой, в то время как правая свободно висела. Вышел Шарлоттин старший брат (у него сегодня был выходной) – и уставился на них из дверей. «Закрой дверь или выруби чёртов вентилятор, дурила!» – крикнула изнутри её мать.

В грузовике Джеймс спросил у Стиви:

– Тебе домой?

– Да не то чтобы, – ответила она, – в принципе, нет.

– Хочешь, прокатимся?

– Конечно. Было бы прикольно.

Они остановились ровно там же, где были час назад с остальной компанией, сели, смотрели на невысокие горы и слушали радио.

– Какие планы на лето? – спросила Стиви.

– Ожидаю знака свыше.

– Значит, никаких, – сказала она.

– Чего никаких?

– Планов.

– Я вот не знаю, стоит ли поставить себе целью просто найти подработку на лето или отыскать что-нибудь существенное и постоянное – только бы не возвращаться в школу.

– Думаешь бросить учёбу?

– Думал записаться на военную службу, как батя.

Она никак не отреагировала на эту мысль. Положила кончик пальца на приборную доску и стала возить им взад-вперёд.

Джеймс исчерпал запас красноречия. В шее ощущалось такое напряжение, что он сомневался, удастся ли повернуть голову. На ум не шло никаких тем для разговора.

Он всё хотел, чтобы она сказала что-нибудь про Шарлотту. Но девушка только спросила:

– А ты чего это такой надутый?

– Да блин...

– Ну чего?

– По-моему, нам с Шарлоттой пора расстаться. Вот прям реально пора.

– Ага... Я бы сказала, она, наверно, чувствует, что так скоро и будет.

– Реально? Чувствует?

– Просто ты от неё не тащишься, Джеймс, вот ни чуточки.

– А это прям видно, да?

– Вокруг тебя как будто туча, из которой льёт дождь.

– Что, и вот сейчас, в эту минуту – тоже?

– Что?

– Ну сейчас же на меня ничего не капает, нет?

– Нет. – Она улыбалась, она сияла, будто солнце. – А ты что, правда служить пойдёшь?

– Ну а то. В армию или в морскую пехоту. Кажется, ты не против, если я тебя сейчас поцелую, не?

Она засмеялась:

– А ты забавный.

Он надолго приник к ней губами, а потом она сказала:

– Вот что мне в тебе нравится. Ты такой забавный, когда радуешься. А ещё симпатичный – это тоже кое-что. – И они ещё немного поцеловались, пока по радио не началась реклама и он не завозился с ручкой настройки.

– Хммм, – протянула она.

– Что такое, Стиви?

– Пытаюсь понять: целуется этот мужчина как военный – или как морской пехотинец? Хммм, – промычала она, целуя его. Наконец отстранилась. – Может быть, как лётчик?

Он поцеловал её и нежно-нежно коснулся её рук, её щёк, её шеи. Он знал, что не стоит сразу лезть руками туда, куда так хотелось.

– У меня ещё одно тёплое пиво осталось, – предложил он.

– Пей. Я не хочу.

Джеймс сел напротив водительской двери, а она – напротив своей. Он был рад, что солнце садится, – не надо было париться о том, как он выглядит. Иногда он не был уверен, что у него на лице есть хоть какое-то осмысленное выражение.

Теперь ему приспичило рыгнуть. Джеймс просто взял и без всякого стеснения дал волю отрыжке, после чего воскликнул:

– Привет от желудка!

Стиви полюбопытствовала:

– А твой папа в тюрьме, правда?

– Это с чего ты это взяла?

– А что, нет?

– Не, это скорее про моего отчима, – сказал Джеймс. – Вообще он просто чувак какой-то левый. В том, что он в нашей жизни вообще появился, мамка моя виновата, не я.

– А твой настоящий папа служит в армии, да?

Джеймс облокотился руками на руль и опёрся на них подбородком, глядя наружу... Так, теперь ей вдруг взбрело в голову, что они должны выложить друг другу самые грязные тайны.

Он вышел, завернул за кустик и отлил. Солнце закатилось за гору Верблюжий Горб на юго-западе. Небо над головой ещё было чисто-голубым, а затем у горизонта окрасилось немного другим оттенком, таким розовато-жёлтым, который исчезал, если внимательно приглядеться.

Сидя вновь в грузовике рядом с ней, он объявил:

– Ну что ж, я только что принял решение: запишусь в сухопутные войска.

– Реально? В сухопутные войска, да?

– Ну а то.

– А что потом? Получишь какую-то специализацию?

– Собираюсь ехать во Вьетнам.

– А там что?

– А там замочу дохуя людишек.

– Боже, – воскликнула она. – Ты сейчас не с парнями, знаешь ли. Я вообще-то девушка.

– Виноват, мэм!

Стиви положила ладонь ему на шею и ласково погладила пальцами по волосам. Он выпрямил спину, чтобы она прекратила.

– Какие ужасные вещи ты говоришь, Джеймс.

– Что?

– То, что ты сказал.

– Да вырвалось просто. Я не хотел... то есть не имел в виду ничего такого.

– Тогда не говори так.

– Ну блин... Ты правда думаешь, что я такой злой?

– У каждого есть тёмная сторона. Просто не надо её подпитывать, пока не разрослась.

Они снова поцеловались.

– Ладно, проехали, – сказал он, – чего тебе сейчас хочется?

– Чего... Не знаю. У нас есть бензин?

– Ну а то.

Его взволновало то, что она сказала «у нас».

– Давай покругим по району и посмотрим, что вообще происходит.

– Давай тогда выберем дорогу подлиннее.

Это значило, что он сможет серьёзно к ней подкатить.

– Ладно.

Это значило, что она не возражает.

Уже в темноте Джеймс остановился перед домом, и тогда же с работы вернулась мать на «шевике» Тома Муни с откидным верхом – она смотрела в окно с пассажирского сидения: рот у матери был рассеянно приоткрыт, лицо скрывалось под потрёпанной соломенной шляпой, а шею защищала бандана. Муни помахал Джеймсу, и Джеймс уронил окурок на землю, притоптал каблуком и помахал в ответ. К этому времени «шевик» уже уехал.

Мать так и вошла домой, не сказав сыну ни слова – это молчание было необычно, но очень его обрадовало.

Длилось оно, пока он не последовал за ней на кухню.

– Если думаешь, будто я не умоталась на этой ферме, так подойди потрогай, как вот тут на руке мышца дёргается. Достанет у меня сил разогреть банку супа, так ты лучше поешь. Не

заставляй меня суетиться, сядь себе да о чём-нибудь помечтай. – Она включила на кухне свет и встала под лампой, маленькая и выдохшаяся. – У меня палка колбасы есть и помидорчиков тоже вот немного. Бутерброд хочешь? Садись, приготовлю нам супа и бутербродов. А где Беррис?

– Кто?

– Сейчас объявится. Он же у нас вечно голодный. Я пока донашивала его до срока, вес потеряла. В начале весила сто девятнадцать фунтов, а на девятом месяце похудела до ста одиннадцати⁴³. Кормился он на мне изнутри-то. – Утирая лицо, она вымазала его грязью с ладони.

– Мам, ты руки-то хоть мой перед готовкой.

– О, господи, – вздохнула она. – Вот дела-то, настолько умоталась, что аж себя не помню. Так, открой мне банку, сыночка.

Они сели есть арахисовую пасту, варенье и суп «Кэмпбелл» прямо из банки.

– Давай-ка я помидорчик разрежу.

– Я только что поел. Мне уже не хочется.

– Овощи надо кушать, овощи – они полезные.

– Так вон в супе овощи есть. Он ведь и называется «Суп овощной».

– Ты не убегай. Я поговорить с тобой хочу. Когда у тебя летние каникулы начинаются?

– Сегодня был последний день уроков.

– Так приходи тогда работать на ферме.

– Ну не знаю.

– Не знает он, ты смотри! Как денюжки тратить, так всё он знает, а как заработать хоть чего-нибудь, так не знает он, ишь какой!

– Я подумывал про военную службу. Может, в армию пойду.

– Когда? Сейчас?

– Мне уже семнадцать.

– Семнадцать лет – ума нет.

– Биллу-младшему тоже семнадцать было. Ты за него подписалась.

– Полагаю, это ему не во вред пошло.

– Он, кстати, звонил сегодня.

– Звонил? Что рассказывал?

– Ничего особенного. Он в Гонолулу.

– Ни разу от него ни гроша не видела. Правда, не то чтобы я хоть раз об этом просила.

– Если попаду в армию, буду присылать тебе понемногу.

– Ну, разок-другой он отправлял кое-какие денюжки. Не регулярно. Но в последнее время – нет. А попросить я у него не могу – гордыня душит.

– Каждый расчётный день буду присылать понемногу. Клянусь, – пообещал Джеймс.

– Это ты уж сам решай.

– Так, значит, ты за меня подпишешься?

Она не ответила. Джеймс взял вилку и отправил в рот дольку помидора.

– Ты мне отправляй конверт каждый месяц, а я буду в нём деньги назад посылать.

– А с вербовщиками-то ты уже говорил?

– Поговорю.

– Когда?

– Поговорю.

– Когда поговоришь-то?

– В понедельник.

⁴³ Соответственно 54 и 50 кг.

– Если в понедельник к вечеру у тебя будут документы и ты сможешь указать мне веские причины для службы, то я, может, и подпишусь. Но если ты только мечтаешь, тогда во вторник лучше просыпайся да езжай вместе со мной на ферму. Телефон у нас снова на линии, а за квартиру дай-то бог, чтобы было чем заплатить. Где же Беррис?

– Придёт, как проголодается.

– Он у нас вечно голодный, – вздохнула мать и принялась по второму разу твердить всё то же самое, потому что не говорить обо всём об этом она просто не могла.

Мать не умела молчать. Всё время читала Библию. Она была слишком старой, чтобы быть его матерью, слишком уставшей от жизни и слишком недалёкой.

* * *

Билл Хьюстон удовлетворённо смаковал пиво, но с определённого момента оно перестало лезть ему в горло. Эта забегаловка, по всей видимости, стояла фасадом к западу, потому что через открытую дверь помещение заливало светом жгучее солнце.

Кондиционер тут отсутствовал, но в заведениях, в которых он пил, это было делом привычным. Кабак как кабак, что уж тут.

Он вернулся из туалета, а Кинни всё допытывался у пляжного босяка:

– Так что ты там натворил-то? Ну-ка признавайся как на духу!

– Ничего. Да забей ты.

Билл Хьюстон сел и сказал:

– Ничего против вас, парни, не имею. Только есть у меня младший братишка – так вот он хочет пойти в морпехи.

Бывший морпех был уже пьян.

– Ну это всё фигня. Вот я-то всякого навидался.

– Говорит, дескать, сделал там чего-то с какой-то бабой, – объяснил Кинни.

– Где? – не понял Хьюстон.

– Да во Вьетнаме, чтоб его, – сказал Кинни. – Ты чем слушаешь-то?

– Я-то всякого навидался, – повторил парень. – Там как оно всё было-то: они, значит, бабу эту держали, а этот чувак взял да пилотку-то ей и вырезал. И вот такая хуйня там всю дорогу творится.

– Твою ж душу! Без балды?

– Да я и сам такое делал.

– Так это ты делал?

– Ну я ж там был.

Хьюстон сказал:

– То есть ты прям реально... – повторить за бывшим морпехом не поворачивался язык, – реально это сделал?

Кинни сказал:

– Ты пилотку у какой-то сучки вырезал?

– Ну я прямо там был, когда всё случилось. Совсем рядом, прям вот в той же – ну, это, почти в той же деревне.

– Это были твои ребята? Твоё подразделение? Кто-то из твоего взвода?

– Не, не наши. Это какие-то парни из Кореи, корейское подразделение какое-то. Эти засранцы ваще без тормозов.

– Так, теперь заткнись нахер, – велел Кинни, – и выкладывай нам, что ты натворил.

– Ну, там ваще много всякой нездоровой хуйни происходит, – ответил парень.

– Да ты балабол. В морской пехоте США никогда такого не допустили бы. Ё-мое, какой же ты балабол.

Парень вскинул руки, как арестант:

– Эй, ну ты чё, чувак, – заради чего такой кипиш?

– Просто скажи мне, что ты резал живую бабу, тогда признаю, что ты не балабол.

Бармен крикнул:

– Эй ты! Я с тобой уже говорил! На проблемы нарываешься? По морде захотелось?

Это был крупный толстый гаваец без рубашки.

– Вот это как раз и есть моук, – пояснил их собутыльник, когда бармен швырнул на пол тряпку и подошёл к ним.

– Я ж тебе сказал отсюда выметаться.

– Так то вчера.

– Я говорил тебе выметаться отсюда с этим твоим гнилым базаром. Это значит, что я не хочу тебя здесь видеть – ни вчера, ни сегодня, ни завтра.

– Э, я ж тут с пивом сижу.

– Забирай с собой, мне насрать.

Кинни встал:

– Давайте-ка съебём по-хорошему из этого сраного шалмана. – Он сунул руку за пазуху и потянулся к ремню.

– Так, если ты там за волюной полез, так ты у меня сядешь, если я тебя сразу не прикончу.

– Меня в жаркий день выбесить легче лёгкого.

– Катитесь отсюда, вы трое.

– Ты нарываешься или как?

Молодой босяк разразился безумным смехом и отскочил к двери, покачивая руками, будто обезьяна.

Хьюстон тоже поспешил к выходу, бормоча: «Давай, давай, давай!» Он ничуть не сомневался, что и впрямь заметил у Кинни за поясом рукоять пистолета.

– Видите – вот это и есть моук, – сказал босяк. – Они всегда такие все из себя чёткие да дерзкие. А как возьмешь над ними верх, так сразу нюни распускают, как младенцы.

Они взяли по бутылке вина «Мэд-Дог 20/20» на брата у бакалейщика, который, правда, потребовал у них купить на закуску три буханки белого хлеба «Вандербред», но сделка всё равно получилась выгодная. Немного хлеба съели, а остаток швырнули паре собак. Вскоре они вышли, пьяные, окружённые стаей голодных дворняг, к ослепительно-белой полосе песка, о который разбивала синие пенистые волны чёрная морская вода.

Какой-то человек остановил рядом с ними автомобиль – белый, официального вида «Форд Гэлакси» – и опустил оконное стекло. Это был адмирал в форме.

– Ну что, орлы, я гляжу, вы тут отрываетесь не по-детски?

– Так точно, сэр! – гаркнул Кинни и отсалютовал, приложив средний палец к брови.

– От души надеюсь, что так и есть, – сказал адмирал. – Потому что тяжёлые времена наступают для мудаच्या вроде вас. – Он захлопнул окно и укатил.

Остаток дня они провели, попивая вино на пляже. Кинни привалился спиной к пальмовому стволу. Босяк распластался на спине, а бутылка держалась в равновесии у него на груди.

Хьюстон снял туфли и носки, чтобы чувствовать, как песок образует холмики под выемками ступней. Ощутил, как сердце воспаряет ввысь. В этот миг он понял, что значит фраза про «тропический рай».

Он сказал товарищам:

– Я вот что думаю, в смысле, насчёт этих моуков. По-моему, они в родстве с индейцами, которые живут вокруг моего родного города. И не только с индейцами, но ещё и с индийцами – ну, которые из Индии, – да и вообще со всеми другими людьми такого пошиба, которые приходят на ум, у которых в крови есть что-то восточное, и вот почему, по-моему, по факту

все люди на этой земле чем-то да похожи. И вот поэтому-то я и против войны... – помахал он своим «Мэд-Догом». – Вот поэтому-то я и пацифист.

Было чудесно стоять на пляже перед такой аудиторией, жестикулировать полугаллонной бутылкой вина и нести несусветную чушь.

Впрочем, Кинни вытворял нечто возмутительное. С осовелым выражением на лице он наклонил свою бутылку над блестящими чёрными туфлями и наблюдал, как вино капает на носки. Бросил несколько щепоток песка в направлении босняка, посыпал ему на грудь, на лицо, на рот. Тот смахнул песок и притворился, будто не понимает, откуда это на него вдруг посыпалось.

Кинни предложил завалиться всей компанией домой к какому-то своему приятелю.

– Познакомить тебя хочу с этим парнем, – сказал он босяку, – а там уже и с балабольшством твоим разберёмся.

– Договорились, хуеплёт, – ответил босяк.

Кинни сжал большой и указательный палец.

– Вот в такие клещи тебя зажмём, не отвертишься, – пригрозил он.

Они направились через пляж, чтобы найти дом приятеля Кинни. Хьюстон света белого не видел, ступая босиком по раскалённому песку, а потом – и по чёрному асфальту.

– Где штиблеты свои оставил, ты, долбодятел?

Свои белые носки Хьюстон нёс в карманах джинсов, а вот туфли куда-то исчезли.

Он остановился приобрести в магазине пару шлёпанцев за семнадцать центов. Там была скидка на мокасины «Тандерберд», но Кинни сказал, что его приятель должен ему денег, и пообещал сводить их в город как-нибудь потом.

Хьюстон любил эти туфли из оленьей кожи цвета слоновой кости. Чтобы они не теряли белизны, припудривал их тальком. А теперь что? Брошены на милость прилива.

– Это какая-то военная база? – спросил он. Они оказались в квартале, застроенном дешёвыми розово-голубыми домиками.

– Это коттеджи, – сказал босяк.

– Эй, – обратился Хьюстон к их попутчику. – Как тебя звать-то, парень?

– Ни за что не скажу, – ответил босяк.

– Да он просто мегабалабол, – сказал Кинни.

Может быть, эти коттеджи и имели несколько обшарпанный вид, но они не шли ни в какое сравнение с теми трущобами, какие Хьюстон повидал в Юго-Восточной Азии. Асфальтированные тротуары покрывал тонкий слой белого песка, и пока все трое шагали между кокосовых пальм, он слышал, как в отдалении шумит прибой. Он уже не раз проходил через Гонолулу, и город ему очень нравился. Он бурлил и вонял, так же как и любой другой тропический город, но он был частью Соединённых Штатов Америки и находился в довольно-таки хорошем состоянии.

Кинни проверил номера над входом.

– Вот здесь мой кореш живёт. Давайте сзади обойдём.

Хьюстон сказал:

– А почему нам просто в дверь не позвонить?

– Не хочу я в дверь звонить. Хочешь, сам позвони.

– Ну нет, чувак. Это же не мой приятель.

Следом за Кинни они обогнули здание.

У одного из окон задней стены, в котором горел свет, Кинни привстал на цыпочки и заглянул внутрь, потом прижался к стволу пальмы, растущей у стены, и сказал пляжному босяку:

– Ну-ка сделай милость, постучи по сетке.

– А чё я?

– Да вот собираюсь удивить пацанчика.

– На кой?

– Ну ты просто постучи и всё, ага? Этот парень мне денег должен, вот мне и охота его удивить.

Босяк поскрёб ногтями по оконной сетке. Свет внутри погас. В окне возникло чьё-то лицо, едва различимое за марлей:

– В чём дело, уважаемый?

Кинни сказал:

– Грэг!

– Кто там?

– Это я.

– О, Кинни, – здорово, чувак!

– Ага, в точку, я самый. Чё там, будет у тебя два шестьдесят?

– Чувак, я тебя не вижу.

– Будут у тебя мои два шестьдесят?

– Ты как, только вернулся на остров? Где ты был?

– Гони мои два шестьдесят.

– Блин, чувак. У меня же телефон есть. Чего не позвонил?

– Я тебе написал, что мы прибудем в первую неделю июня. А что у нас сейчас, как ты думаешь? Сейчас первая неделя июня. И я хочу видеть свои денежки.

– Блин, чувак. Я ща не смогу всё вернуть.

– Сколько у тебя есть, Грэг?

– Блин, чувак. Наверно, смогу достать немного.

Кинни процедил:

– Ну ты и говнюк, настоящий кусок лживого дерьма.

Из-за пояса он вытянул синий автоматический пистолет сорок пятого калибра и прицелился в человека, а человек вдруг упал, точно марионетка с перерезанными нитями, и исчез из виду. В это же время Хьюстон услышал звук взрыва. Попытался понять, откуда он раздался, найти ему какое-то иное объяснение, нежели то, что Кинни только что выстрелил этому человеку прямо в грудь.

– Погнали, погнали, – заторопился Кинни.

В оконной сетке зияла дыра.

– Хьюстон!

– Чё?

– Готово. Уходим.

– Чё, уже?

Хьюстон не чувствовал под собою ног. Двигался будто на колёсах. Они проходили мимо жилых домов, зданий, припаркованных машин. Прodelали долгий путь, как показалось, за три-четыре секунды. Он выдохся и весь взмок от пота.

Сумасшедший босяк похвалил:

– Ловко сработано, чувак. По-моему, ты победил в этом споре.

– Я не прощаю своим должникам. Я не прощаю тем, кто переступает мне дорогу.

– Мне идти надо.

– Ага, кто бы мог подумать, что тебе идти надо, долбоёба ты кусок.

– Где мы? – спросил Хьюстон.

Босяк теперь всё больше отклонялся с тротуара на мостовую.

– Эй! Что-то не нравится мне твоя рожа, – окликнул Кинни уходящего парня. – Слышь ты, чокнутый ссыкливый предатель!

– Чё? – сказал парень. – Слышь, ты на меня не залупайся!

– Не залупаться? На тебя?

– О, кажется, вот и мой автобус.

Парень рванул через дорогу прямо сквозь сигналивший автопоток и скрылся за автобусом.

Кинни крикнул:

– Эй! Морпех! Пошёл ты на хуй! Да! Всегда готов!⁴⁴

Хьюстон согнулся пополам и блевнул на чей-то почтовый ящик.

Кинни выглядел неважно. Глаза ему заволокла мутноватая плёнка. Он предложил:

– Пойдём-ка жажнем. Пробовал когда-нибудь коктейль «Глубинная бомба»? Рюмка бурбона на кружку пива?

– Ага.

– Я вот могу до посинения этой дрянью упиться.

– Ага, ага, – пробормотал Хьюстон.

Они нашли какое-то заведение с кондиционером, Кинни проставил им обоим по пиву и рюмке бурбона, усадил Хьюстона в тёмном полукабинете, огороженном спинками диванов, и занялся приготовлением «Глубинной бомбы».

– От этой штуки у тебя потроха винтом закрутит. Пробовал такое когда-нибудь?

– Конечно, заливаешь рюмку в пиво – и жахаешь.

– Так ты пробовал?

– Ну, я просто знаю, как это делается.

Без каких-либо воспоминаний о пролетевших часах, Хьюстон очнулся в поту, весь искушенный комарами и песчаными блохами; его заживо поглощал какой-то продавленный матрас, а внутри черепа мерно пульсировала головная боль. Было слышно, как где-то невдалеке так же мерно дышит прибой. Первая полностью осознанная мысль: он видел, как один человек застрелил другого, вот так, раз – и всё.

Похоже, он разместился в чём-то типа спальни на открытом воздухе. Добрался до крана в углу, где вволю напился проточной воды и помочился в раковину, сперва вытащив оттуда мокрую простыню с большой и чёрной по краю дырой, прожжённой посередине. Нашёл свои наручные часы, бумажник, брюки и рубашку, но вот туфли потерялись ещё вчера, на берегу, вспомнил он теперь; а ещё он был практически уверен, что забыл вещмешок в ИМКА. Шлёпанцы же за семнадцать центов, по-видимому, сами ушлёпали куда-то по своим делам.

В бумажнике лежала одна купюра в пять долларов и две в один. Ещё какие-то монеты валялись россыпью на бамбуковом полу – он насобирал девяносто центов. Хьюстон вышел на улицу – захватить свои пожитки.

В голове всё плыло. Вода, которой он нахлебался, опьянила его по второму кругу.

На вывеске значилось: «Отель „Кинг Кейн“», а чуть ниже: «Ждём в гости всех моряков».

Он огляделся в поисках Кинни, но не увидел вообще никого, ни единой живой души. Остров как будто был необитаем. Пальмы, солнечный пляж, тёмный океан. Он направился прочь от берега, в сторону города.

Хьюстон не стал возвращаться на «Боннерс-Ферри». Он не собирался хоть сколько-нибудь приближаться к месту стоянки судна или к любому другому, где мог наткнуться на Кинни – последнего человека, которого хотелось бы видеть. Он пропустил отход корабля и две недели без увольнения проболтался на суше, спал на пляже и ел по разу в день в баптистской миссии у моря, пока не удостоверился, что Кинни теперь ближе к Гонконгу, чем к Гонолулу; тогда он сдался береговому патрулю и ещё неделю отдыхал на гауптвахте.

⁴⁴ *Semper fidelis* («всегда верен», «всегда готов служить» – лат.) – девиз морской пехоты США.

Его ранг опять откатился к тройке, он снова стал матросом – это означало, что Хьюстон автоматически терял должность машиниста котельной. Уже второе понижение. Первое он заработал за «систематические мелкие нарушения дисциплины» во время службы на военноморской базе в бухте Субик – после того, как повадился посещать гнездилища порока за её воротами.

Следующие восемнадцать месяцев Хьюстон провёл, выполняя всевозможную нудную работу и наряды по уборке кухонных отходов на базе в японской Ёкосуке, окружённый преимущественно буйными неграми, мало к чему пригодными раздолбаями и непутёвыми дезертирами – такими же, как он сам. Чаще, чем хотелось бы, вспоминался ему тот адмирал из Гонолулу, что опустил окно своего белого «Форда Гэлакси» и предрёк: «Наступают тяжёлые времена!»

* * *

Поскольку у Джеймса теперь появилась девушка, которая дала ему полный доступ к своему телу, он на время забросил мысли об армии. Раз или два в неделю складывал на заднее сиденье родительского пикапа надувной матрас и спальный мешок, тайком увозил Стиви Дейл от её ни о чём не подозревающей семьи и занимался с ней любовью в предраассветной прохладе пустыни. Дважды, а то и трижды за ночь. Джеймс даже стал вести подсчёт. Между десятым июля и двадцатым октября – как минимум пятьдесят раз. Но не больше шестидесяти.

Стиви, похоже, участвовала в этом без особого увлечения. Только и делала, что лежала как бревно. Ему хотелось спросить: «Тебе, что, не нравится?» Хотелось спросить: «Не могла бы ты хоть немножко пошевелиться?» Но в атмосфере разочарования и неуверенности, которая напознала на него после секса, он был совершенно не способен на общение с ней, только притворялся, будто слушает, пока она говорила. А болтала она всё про школу, про предметы, про учителей, про чирлидерш (сама она входила в группу поддержки как дублёрша, но готовилась в следующем году влиться в основной состав) – тарыхтела ему на ухо без умолку. Эта её весёлость, подобно кулаку, ещё глубже макала его головой в унитаз.

На уме у Джеймса была не только личная жизнь. Он беспокоился за мать. За работу на ферме она получала сушие гроши. Изнуряла себя трудом. Похудела, стала костлявой. Первую половину каждого воскресенья проводила в молельном доме под названием «Ковчег веры», а каждую субботу после обеда ездила за сотню миль во Флоренс, в тюрьму – увидеться со своим гражданским мужем. Джеймс никогда не сопровождал её во время этих паломничеств, да и Беррис, которому было теперь почти десять, отказывался служить ей спутником – когда несчастная пожилая женщина начинала по утрам субботние и воскресные сборы, просто сбегал из дома и скрывался среди трущоб, автофургонов и гор дорожной пыли.

Джеймс не знал, что чувствует к Стиви, но знал, что из-за матери у него разрывается сердце. Когда бы он ни упомянул о записи на военную службу, она была вроде и не против подписать бумагу, но если он её сейчас покинет, как оно всё для неё обернётся? У неё нет ничего на этом свете, кроме пары рук и безумной любви к Христу – который, в свою очередь, о ней, кажется, и слыхом не слыхивал. Джеймс подозревал, что она просто морочит себе голову – бьётся о Библию и её посулы вечной жизни, как букашка о стекло. Едва только приняв решение бросить школу и связаться с армейскими вербовщиками, он забуксовал на много недель, стоя на самом верху трамплина. Или на краю гнезда.

– Мама, – говорил он, – любому орлёнку приходит пора улетать.

– Ну так лети, – отвечала та.

В армии ему отказали. Не захотели брать несовершеннолетнего.

– В морпехи тебя возьмут, если тебе есть семнадцать, а в армию – нет, – сказал он матери.

– Ну и что, не можешь подождать полгодика?

- Скорее три четверти года.
- За это время ты подрастёшь и научишься многому в школе, образованный будешь. Потом сможешь закончить и будешь готов для службы от начала до конца.
- Мне надо уходить.
- Так иди тогда в морпехи.
- Не хочу я в морпехи.
- Почему нет?
- А больно уж они нос задирают.
- Тогда почему мы с тобой говорим про морпехов?
- Потому что в армию меня не возьмут, пока мне нет восемнадцати.
- Даже если я подпишусь?
- Да пусть хоть кто угодно подпишется. Мне нужно свидетельство о рождении.
- Есть у меня твоё свидетельство. Там написано «1949». Будто нельзя просто взять и поменять на «1948»? Хвостик у девятки изогнуть до конца, вот и будет восьмёрка восьмёркой.

В последнюю пятницу октября Джеймс снова пошёл на вербовочный пункт с поддельным свидетельством о рождении и вернулся домой с указанием в понедельник явиться на сборы.

Первые две недели основного курса боевой подготовки в Форт-Джексоне, в штате Южная Каролина, показались самыми долгими за всё время, что он жил на этом свете. Каждый день словно вмещал в себя целую жизнь, полную неопределённости, унижения, замешательства и изнурения. Всё это влекло за собой всепоглощающее состояние ужаса, по мере того как он всё чаще думал о том, что рано или поздно ему придётся убивать или самому быть убитым. В поле, в строю, на занятиях с другими курсантами, которые ревели, как чудовища, и закалывали штыками соломенные чучела, он чувствовал себя нормально. Наедине же с собой едва соображал, а всё из-за этого страха. Спасало его только утомление. Непосильные физические нагрузки воздвигали стеклянную стену между ним и вот этим вот всем – он почти ничего не слышал, почти ничего не помнил из того, на что смотрел, что ему показали буквально секунду назад. Ждал одного лишь отбоя. На всем протяжении курса метался во сне как припадочный, но спал ровно столько, сколько позволялось.

Джеймса определили во Вьетнам. Он понимал: это значит, что он уже покойник. Он не стал подавать апелляцию, даже не спросил, как надо подавать, ему просто вручили его судьбу. Прошло четыре дня с окончания курса подготовки, и вот он уже нёс свой обед к столу среди гущи срочников; лицо окутывал парной дух пюре из порошкового картофеля, ноги ощущались как резиновые, а он двигался к будущему, где что ни шаг, то растяжка или противопехотная мина: вот выйдут они с ребятами патрулировать джунгли, а он выбьется вперёд остальной колонны, окажется на переднем крае и наступит на какую-нибудь штуку, которая возьмёт да и разорвёт его на клочки прямо на месте, разбрызгает, точно краску, – и раньше, чем грохот ударит ему по ушам, эти уши разлетятся во все стороны... разве что, наверно, можно будет услышать, как что-то вдруг тихонько так зашипит. Не было никакого смысла сидеть здесь, ковырять ложкой обед на подносе с перегородками. Следовало спасти свою жизнь, убираться из этой столовой, может быть, затеряться на улицах какого-нибудь крупного города, где в кинотеатрах круглые сутки показывают порнуху.

Подшли два каких-то парня и завели разговор о смерти в бою.

- Это вы пытаетесь меня запугать ещё сильнее, чем я уже боюсь? – сказал Джеймс, стараясь произвести впечатление, будто ему всё нипочём.
- Вполне вероятно, что тебя и не убьют.
- Да заткнитесь вы.
- В натуре, на войне не так много сражений и всякого такого.
- Видели вон того парня? – спросил Джеймс, и они заметили: за три стола от них сидел чрезвычайно шуплый чернокожий в серо-зелёной парадной форме, какой-то первый сержант.

На вид он был недостаточно крупный, чтобы его признали годным для службы, однако его грудь украшали многочисленные орденские ленты, включая одну голубую с пятью белыми звёздами, означающую Почётный орден Конгресса.

Как только Джеймс и другие видели солдата с наградами, они считали свои долгом подойти поближе и рассмотреть знаки отличия. Надеть их – это ведь всё равно что выпить кофейку со своей внутренней личностью, закалённой и закопчённой в героических подвигах, пока мимо проходит малышня, чувствуя, как ёкает у неё под ложечкой, и стараясь не заглядываться. Правда, чтобы этим наслаждаться, надо было вернуться с войны живым.

Когда его собеседники ушли, Джеймс вернулся в очередь за новой порцией. Народ жаловался на качество пищи, поэтому и Джеймс выказал неудовольствие – но на самом деле ему нравилось, как тут кормили.

Чернокожий с голубой лентой на груди поманил его к столу.

Джеймс не знал, что делать, и решил всё-таки подойти.

– Ты не бойся, падай, – заговорил сержант. – Не такой уж я и страшный, хоть и чёрный.

Джеймс подсел за стол.

– Я смотрю, взгляд у тебя тот самый.

– А?

– Да взгляд у тебя так и говорит: я хотел кататься на танке или чинить вертолётные двигатели, а вместо этого меня засылают в джунгли маслины ловить.

Джеймс промолчал, чтобы ненароком не расплакаться.

– Мне ваш сержик сказал – как бишь его, Конрад, Конрой...

– Сержант, ага, – подтвердил Джеймс, сидя как на иголках. – Сержант Коннел.

– А чего ж ты не додумался вписаться во что-нибудь добровольцем, чтобы отмазаться от этого дела?

Теперь Джеймс боялся, что рассмеётся:

– Да потому что я тупой.

– Едешь в Двадцать пятую дивизию, так? Какая бригада?

– Третья.

– Я вот как раз из Двадцать пятой буду.

– Да ладно? Без балды?

– Правда, не из третьей бригады. Из четвёртой.

– А третья – они сейчас, они... ну, вы поняли... воюют, да?

– Некоторые части – да. К сожалению.

Джеймс почувствовал: если только сейчас получится произнести: «Господин сержант, я не хочу воевать», он совершенно точно спасёт свою жизнь.

– Менжешься, как бы тебя не убили?

– Вроде как, знаете ли... в смысле – ага.

– А не из-за чего тут менжеваться-то. К тому времени, как Тварь тебя сожрёт, ты уже и так пустой, ты уже не думаешь. Просто кайфуешь с того, что происходит.

Джеймса не особо ободрило это утверждение.

– Ну так. – Щуплый негр сгорбился, мелко поигрывая кончиками пальцев обеих рук. – Поди-ка сюда. Слушай. – Джеймс наклонился к нему, слегка опасаясь, что тот схватит его за ухо или ещё чего учудит. – Когда ты в зоне боевых действий, как-то не хочется быть флажком на карте. Рано или поздно этот флажок обрушится под напором превосходящей силы неприятеля. А тебе же хочется иметь какое-то пространство для манёвра, так ведь? Хочется как-то участвовать в принятии решений, так ведь, а? Значит, ты хочешь записаться добровольцем в разведотряд. Это дело добровольное. Сам туда берёшь да записываешься. А после этого уже никогда-никогда не вызываешься добровольцем – ни за что, ни на что, даже если предлагают прыгнуть в койку с горячей красоткой, будь она хоть подружкой Джеймса Бонда. Это правило

номер один – не вызывайся добровольцем. А правило номер два – когда ты на чужой земле, то не насилуй женщин, не обижай скотину и по возможности не трогай чужое имущество, кроме поджога шалашей – это часть работы.

– У вас там на груди Почётный орден.

– Да, есть такое. Так ты того, слушай, чего говорю.

– Окей. Ладно.

– Может, я и чёрен как сажа, но я твой брат. Знаешь, почему?

– Нет, вряд ли.

– Потому что ты ведь отправляешься в Двадцать пятую дивизию на замену, так?

– Да, сэр.

– Да не зови ты меня сэром, ну какой я тебе сэр? Едешь, значит, в Двадцать пятую, правильно?

– Правильно.

– Ладно. Так вот знаешь что? Я как раз из Двадцать пятой приехал. Не третья бригада, четвёртая. Но всё равно, может быть, я и есть тот парень, кого ты заменишь. Вот, стало быть, я тебя и просвещаю.

– Хорошо. Спасибо.

– Нет, это не ты меня благодари, это я тебя благодарю. Знаешь, почему? Это мне ты, может быть, едешь на замену.

– Не за что, – сказал Джеймс.

– А теперь: всё, что я только что сказал, ты это намотай себе на ус, ага?

– Будет сделано.

Джеймсу нравилось, как изъясняются в пехоте, и он старался сам так говорить. Пространство для манёвра. Флажок на карте. Превосходящие силы. Намотать на ус. Такие же выражения использовал некий сержант разведки, когда произносил речь в их казармах всего двумя неделями ранее. Теперь эти выражения звучали не как пустое сотрясение воздуха, за ними чувствовалась правда жизни. Одно было ясно: если уж суждено тебе быть пехотинцем-салабоном, то также, вероятно, придётся и ходить в разведку.

* * *

Больше года проведя в Штатах, в Калифорнии – два месяца в Институте иностранных языков Министерства обороны в Кармеле и почти двенадцать месяцев на курсах повышения квалификации офицерских кадров в школе ВМФ в Монтерее, – Шкип Сэндс возвратился в Юго-Восточную Азию и где-то между Гонолулу и островом Уэйк, миля за милей летя над Тихим океаном на «Боинге-707», вошёл под покров той тайны, которая в дальнейшем его поглотит.

Прибыв в Токио, на винтовом самолёте Сэндс вылетел в Манилу, оттуда – на поезде к подножью горного хребта к северу от города, а оттуда на автомобиле – опять в дом отдыха для сотрудников Управления в Сан-Маркосе, готовый столкнуться с Эдди Агинальдо и радостный ввиду того, что майору придётся ходить в бессмысленные ночные патрули по знойным джунглям, – но обнаружил лишь, что патрули приостановлены, а Эдди Агинальдо нет нигде поблизости. Официально было объявлено, что хуков уничтожили. Андерс Питчфорк давно уехал. Так что компанию Сэндсу составляла только прислуга и редкие отпускники из Манилы – как правило, переработавшие курьеры, которые всё время спали без просыпу. Около месяца ждал он, пока один из них не привёз ему весточку от полковника.

Весточка прибыла в курьерском пакете, на открытке с фотографией памятника Джорджу Вашингтону. Жёлтая печать в углу предупреждала: «СЛУЖЕБНОЕ / ХРАНИТЬ ПОД

ГРИФОМ „СЕКРЕТНО“ / КОНВЕРТ НЕ ВСКРЫВАТЬ / СПАСИБО / ВАША ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА США».

С наступающим Рождеством. Пакуй картотеку целиком и полностью. Отправляйся в Манилу. Зайди в Отдел. Я в Лэнгли, стою на ушах. На прошлой неделе заезжал в Бостон. Тётя и двоюродные братья передают тебе наилучшие пожелания. До встречи в Сайгоне. Дядя Ф. Кс.

Однако картотека уже была упакована – по крайней мере, так он предполагал. В первый же день после возвращения Сэндс нашёл в шкафу, где оставил карточки, три серо-зелёных фанерных бокса армейского образца с выведенным по трафарету на каждой крышке именем «Бенé У. Ф.» – знак ударения кто-то дописал вручную фломастером – причём каждый был заперт на тяжёлый висячий замок.

Не получив никаких указаний насчёт ключей к этим сокровищам, Сэндс отложил это дело на потом и выполнил следующее поручение – то есть выехал в посольство в Маниле на служебной машине, чуть ли не доверху набитой материалами по дядиному проекту. Там ему было приказано оставить машину и катить за сорок миль от столицы на авиабазу Кларка, откуда он на военно-транспортном самолёте проследует в Южный Вьетнам.

Завтра – канун Нового года. Его маршрут предусматривал взлёт с аэродрома Кларка (уже в новом году) и приземление в аэропорту Таншоннят в предместьях Сайгона.

Наконец-то! Чувствуя, будто уже поднялся в воздух, Сэндс сел в служебный автомобиль на бульваре Дьюи, глядя, как дрожит солнце над Манильской бухтой, и в его сияющих лучах, чтобы успокоиться, стал просматривать почту. Информационный бюллетень для выпускников Блумингтона. Журналы «Ньюсвик» и «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», оба – многонедельной давности. В большом конверте из обёрточной бумаги Сэндс нашёл финальный набор калифорнийской корреспонденции, отправленной отсюда через его адрес армейской почтовой службы. Эти письма преследовали его целых два месяца. От тёти Грейс и дяди Рэя, старшего из четырёх братьев его отца, пришёл праздничный конверт, внутри которого что-то позвякивало – как оказалось, новенькая монетка в полдоллара с портретом Джона Кеннеди и поздравительная открытка фирмы «Холлмарк», к которой, очевидно, монетку привязали ленточкой, но за время путешествия в десять тысяч миль та успела оборваться. Двадцать восьмого октября Шкипу исполнилось тридцать, и в ознаменование этой вехи как раз и пришлось пятьдесят центов, вдвое больше обычного – такому большому мальчику уже не будешь слать четвертаки.

Ещё довольно редкостная вещица – письмо от вдовой Беатрис Сэндс, матери Шкипа. Конверт был пухлым на ощупь. Вскрывать его он не стал.

А вот и письмо от Кэти Джонс. За прошлый год он получил уже несколько штук, каждое безумнее предыдущего, сохранил их все, но отвечать перестал.

Ты уже наконец здесь, во Вьетнаме? Может быть, в соседней деревне? Добро пожаловать в Библию с эффектом полного погружения. Правда, здесь лучше быть откуда-нибудь не из твоих Соединённых Штатов Америки. Слишком много неприязни. А вот французов здесь ненавидят чуть меньше. Они ведь побили французов.

Помнишь Дамулог?..

В следующем абзаце в глаза Сэндсу бросилось слово «интрижка», и дальше он не читал. Никаких дальнейших указаний от полковника.

Он не видел дядю больше четырнадцати месяцев и заключил, что кого-то из них, а может, и обоих вывели из игры в связи с тем неоднозначным инцидентом на Минданао. Короче говоря, что-то удерживало их от активных действий. Он окончил курс вьетнамского в Институте ино-

странных языков Министерства обороны, и то, что начиналось как логичная вводная часть к назначению в Сайгон, обернулось одиннадцатью загадочными месяцами, проведёнными в компании трёх других переводчиков (причём никто из них не был этническим вьетнамцем); переводчикам поручили работу над неким проектом сомнительной практической ценности, а точнее над патентованной глупостью – им надлежало сделать выдержки для энциклопедии мифологических отсылок из более чем семисот томов вьетнамской литературы; сей титанический труд осуществлялся в основном в трёх подвальных помещениях школы ВМФ в Монтерее и состоял главным образом в составлении списков, распределении по категориям и каталогизации всевозможных сказочных персонажей.

Это, как он понял, был дядин вклад в Отдел психологических операций Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму, в котором полковник сейчас служил – как в дальнейшем понял Шкип – в качестве главного координатора с ЦРУ. Полковник фактически официально возглавлял отдел психологических операций КОВП-В – если верить сотруднику Управления из Лэнгли по фамилии Шоултер, который минимум раз в месяц выходил на связь с переводческой командой Шкипа; некоторое время спустя Шкипу предстояло помогать полковнику в этом предприятии. «Когда я ему там понадобится?» – «В январе или около того». – «Восхитительно», – сказал Шкип, совершенно разъярённый такой задержкой. Этот разговор состоялся в июне.

Мудрёный проект окончился неожиданным переводом всех троих участников в какие-то другие места, а весь бесполезный материал они разложили по коробкам и отправили в Лэнгли.

Он вскрыл письмо от матери.

Дорогой мой сынок, Шкипер! —

её почерк, округлый, наклонный, крупный, покрывал несколько страниц канцелярской бумаги шесть на восемь дюймов:

Точно не знаю, что тебе написать, так что, во-первых, сообщу, что беспокоиться не о чем. Не хотелось бы, чтобы ты подумал, будто только дурные новости могут заставить меня сесть и послать тебе письмецо. На самом деле всё наоборот, погода у нас по-настоящему замечательная, бабье лето. Небо синее-синее, нигде не видать ни облачка. Поезда проезжают мимо с каким-то новым звуком, потому что с деревьев опадает листва, и пока что это радостное приветствие, а довольное скоро мы будем слышать лишь тоскливый свист зимнего ветра среди голых ветвей. Сегодня днём настолько тепло, что хочется, чтобы комнату продуло сквознячком. Откроешь окна – слышишь, как кричат красноплечие желтушники. А травка по-прежнему зеленеет, видно, где её надо бы заново подстричь, перед тем как осень по-настоящему вступит в свои права. Как увидела, до чего пригожий сегодня денёк, так и решила: «А напишу-ка письмецо!»

Спасибо тебе за деньги. В комплект к стиральной машине купила центрифугу. Сейчас она у меня доверху полна бельём – стоит, крутится-вертится. Но в хорошую погоду, вот как сейчас, я люблю вывешивать большие вещи вроде простыней и пододеяльников на верёвочку на улице и сушить их под открытым небом – ровно так я сегодня и сделала. Вывесила простыни на верёвочке, как в старые-добрые времена. Да, я заказала центрифугу, телевизор брать не стала. Ты сказал – возьми себе телевизор, но я не стала. Когда чувствую, что надо бы развлечься, иду к книжным полкам и беру оттуда или «Лавку древностей», или «Эмму»⁴⁵, или «Сайлеса Марнера»⁴⁶, открываю где попало и читаю – а в девяти случаях из десяти прихо-

⁴⁵ «Эмма» – роман Джейн Остин.

⁴⁶ «Сайлес Марнер» – роман Джордж Элиот.

дится возвращаться в начало и перечитывать книгу полностью. Приходится, и всё тут. Это мои давние добрые друзья.

Я рассказывала тебе, что старый преподобный Пирс вышел на пенсию. Сейчас в церкви новый человек, пастор Пол. Довольно молодой. Фамилия у него Коннифф, но все говорят просто «пастор Пол». С ним теперь всё по-новому. Он меня заинтересовал, и я всю зиму не пропустила ни одного воскресенья, а потом знаешь ведь – погода смягчается, припекает солнышко, возникают всякие хлопоты... в общем, не бывала я там, наверно, уже с апреля. Телевизора нет, но я стараюсь следить за новостями. Разве это не ужасная новость? Не знаю, что и думать. Иногда жалею, что не с кем поделиться своими мыслями, а потом думаю, что лучше и не стоит. Знаю, ты примкнул к государству, чтобы быть полезным этому миру, но наше руководство посылает славных ребят разорять чужую страну и, может быть, сложить там голову без какого-либо разумного оправдания.

Что ж, прошло полчаса с тех пор, как я написала последнее предложение. Новая цен-трифуга дзынькнула, и я побежала складывать бельё – а оно всё ещё горячее! Ты извини, что я говорю такие вещи. Может быть, я просто выскажу всё, что хочется, вернусь в начало и перепису письмо заново, вычеркну неудачные отрывки и пошлю только удачные. Нет, лучше не стоит. Для меня война значит нечто иное, чем для генералов и солдат. Начиная со следующего 7 декабря будет двадцать шесть лет с тех пор, как мы потеряли твоего отца, и я каждый день по-прежнему тоскую о том, как всё было прежде. Потом, через некоторое время после гибели твоего отца, у меня появились другие мужчины, и я правда была какое-то время вместе с Кеннетом Бруком, пока он не устроился на работу в «Северо-западные авиалинии», но это случилось как-то слишком быстро для нас обоих, раньше, чем мы с Кеном во всём разобрались, так что когда он переехал в Миннеаполис, так у нас всё и заглохло, ничего не поделаешь. Иначе, думаю, мы бы с ним помолвились, а значит, у тебя появился бы отчим. Но это уже не по теме. О чём была речь? Господи, лучше мне не посылать это письмо! Я ведь не знаю, понимал ли ты хотя бы, что между нами с Кеном Бруком что-то происходит? Ты Кена-то вообще помнишь? На каждое второе Рождество он с семьёй приезжал домой повидать сестру и прочую родню. На следующий год они ездили обратно в родной город к его жене – не знаю, куда именно. Мальчик мой, неужто у меня один из тех самых дней?

Лучше уж я вытолкаю нашу старенькую газонокосилку и в последний раз за год приведу двор в порядок. Надо будет её смазать. Всё лето этим занимались для меня дети, то один, то другой из Штраусов, Томас или Дэниел, но они сейчас в школе. Они посменно возились с громадным шумным бензиновым монстром их папы. Каждый раз зарабатывали по два доллара. А та старенькая косилка – моя давняя подруга. Помнишь, как я ухаживала за двором: «И береги пальцы от лезвий!» – вот как я кричала, как будто эти лезвия вдруг выскочат и откусят тебе пальцы, даже если никто не будет толкать косилку. А потом как-то раз слышу – лезвия зажуужжали, смотрю в окно – а вот и Шкипер в этой своей футболочке, худенькими ручонками толкает мимо окна косилку, ну ни дать ни взять Паровозик, который смог! С первой же попытки весь двор в порядок привёл! Надеюсь, ты это помнишь, потому что я помню как нельзя яснее. И, надеюсь, ты вспомнишь, как тогда радовался, – и сама тоже вспомню и порадуюсь.

Признательна тебе за записки, которые ты присылаешь. А то люди ведь о тебе всё спрашивают, так что здорово, когда у меня есть на что сослаться. Посещаешь Институт иностранных языков, посещаешь флотские курсы повышения квалификации, прикреплён к посольству США – всё это весьма впечатляет, чувствую себя как будто звездой.

У нас весь день стояла прелестная погода, но вот сейчас, около трёх часов дня поднялся небольшой ветерок, простыни вздуваются и хлопают. Так они станут белее всего, когда сушатся на солнышке и на ветру. Да и самим нам с этим ветерком очень повезло, потому что живём мы недалеко от путей, но ветер всегда дует в другую сторону, и нас не засы-

пает песком и каменной крошкой. Как здорово, что мы живём «с другой стороны» путей! Всё вспоминаю, как увидела тебя тогда из окна. Вмиг разглядела твою силу характера. Как увидела тебя, так и подумала: «Напористый, как папа, уж этот-то пробьётся через колледж, освоит все науки и ремёсла, ничто не остановит этого парнишку». А теперь опять учёба, опять институт. Армия, флот, посольство, кажется, будто ты прямо нарасхват.

В этом месте, когда до конца оставалось всего шесть строк, Шкипу пришлось остановиться и обругать себя. Он пробыл в Штатах четырнадцать месяцев – мог бы и заглянуть домой перед тем, как снова уехать. Но он уклонился от встречи. Вот ведь как получается: война, интриги, рок – их он был готов встретить лицом к лицу. Но только, пожалуйста, не маму. Не её бельё, хлопающее на тоскливом осеннем ветру. Только не Клементс, штат Канзас, со своим историческим правом быть небольшим, невысоким и квадратным. Здесь, в Маниле, приблизительно на четырнадцатом градусе северной широты и сто двадцать первом градусе восточной долготы, он просто не мог оказаться ещё дальше. Но этого расстояния всё равно было недостаточно. Было больно думать о том, что она там совсем одна. В особенности – после такого долгого пребывания в Языковом институте. В полном соответствии со словами полковника («отправлю я тебя в школу, уж с этим-то мы разберёмся») его назначили – в 1965 году, перед самым Днём благодарения – в институт на высоком утёсе с видом на Кармель. Можно было созерцать низкий туман, нависший над берегом, или туман повыше, окутавший землю, или, в ясные дни, чистейшую гладь Тихого океана, далёкого до рези в душе, пока он, Шкип, проходил курс полного погружения во вьетнамский язык, что означало четыре недели тюремного заключения, а потом ещё четыре недели с возможностью покинуть здание только в выходные. В свой первый отпуск он причастился в паре миль вдоль побережья у Сестёр Пресвятой Девы Марии из Намюра – в воскресенье по утрам женский монастырь открывался для мирян на мессу. Взгляды прихожан упирались в алтарь, а сёстры, отрезанные обетом от мира, то ли сидели, то ли стояли (никто не знал наверняка) за стеной, скрытые даже от членов их семей, некоторые из которых садились на скамьи, чтобы краем глаза ухватить повёрнутые кверху ладони затворниц – их просовывали через маленькое окошко, чтобы получить Тело Христово. То, что он видел их в то утро и подумал о них сейчас, ослабило его узы. Разве он принял обет отречения от мира? Нет. В каких бы условиях Шкип ни находился, он был свободен и боролся за всеобщее освобождение. А вот мать – там точно был принят какой-то обет. Какое-то добровольное самоограждение.

*Шкип, я молюсь за тебя и за всю страну. Подумываю снова начать ходить в церковь.
Прости, что так редко пишу, я правда признательна за твои письма, но требуется совершенно особенный день, чтобы я взялась за перо и бумагу.
Ну вот, пожалуйста, ещё одно письмо – или что уж у меня получилось.
С мыслями о тебе,
мама.*

Справившись с этим испытанием, Сэндс почувствовал в себе силы приняться и за письмо от Кэти Джонс. Но уже слишком стемнело, чтобы читать.

На изучение корреспонденции он потратил довольно значительное время, а такси не сдвинулось и на полквартала.

– Что, какая-то проблема? – спросил он водителя. – Что случилось?

– Да вот застряли что-то, – буркнул водитель.

Далеко за изгибом бульвара по краю бухты виднелись огни свободно движущегося транспорта. А вот они здесь застопорились.

– Я вернусь, – сказал Шкип. Вышел и прошёл пешком до места помехи, огибая заглушенные автомобили, петляя среди застойных луж. Поток задержал большой автобус – его остановил один-единственный пешеход, который стоял, шатаясь, посреди улицы, пьяный, с лицом, залитым кровью, с разорванной на груди майкой; со слезами на глазах человек выступил против этой махины, самой крупной, которую смог вызвать на бой, – а перед этим его, похоже, избил кто-то в драке. Гудели клаксоны, кричали голоса, рычали двигатели. Держась в тени, Шкип стоял и наблюдал: окровавленное лицо, искажённое страстью в лучах автобусных фар; голова запрокинута, руки болтаются, как будто человека подвесили на крюках за подмышки. Этот вонючий, загнанный город. Шкипа вдруг переполнила радость.

* * *

Когда Джеймс получил увольнение, мать взяла трёхдневный отпуск с фермы Мак-Кормика, и они коротали время, смотря вместе телевизор в маленьком домишке на краю пустыни. В день, когда он вернулся, она распаковала его униформу и тщательно выгладила стрелки паровым утюгом.

– Ну вот, теперь ты делаешь что-то для родной страны, – сказала она. – Коммунистам этим отпор дать надо. Они же все безбожники.

Наверно, это утверждение даже несло бы какой-то смысл, если бы она не говорила того же самого и о евреях, и о католиках, и о мормонах.

После того, как старушка вернулась к работе, Джеймс стал проводить кучу времени со Стиви Дейл. В канун Рождества после полудня они вдвоём выехали на пикапе матери к подножию холмов на шоссе Кэрфри – к месту одиночной аварии, в которой погиб водитель.

– Вон, видишь? – показала Стиви. – Врезался в кактус сагуаро, потом – в дерево паломверде, потом – вон в тот большой камень.

Почерневший остов автомобиля несколько дней назад оттащила от валуна ремонтно-выездная бригада, но убрать ещё не успела. Машина опрокинулась вверх дном и обгорела.

– Летел небось как бешеный.

– Только он в машине и был. Единственный автомобиль на дороге.

– Опоздывал, наверно.

Они употребили по паре бутылок пива, и вскоре Стиви стала тёпленькой. Они сидели и смотрели на покорёженный скелет, похожий на обугленную протянутую ладонь.

– Водитель внутри сгорел заживо, – сказала она.

– Надеюсь, он наружу вылетел, – ответил Джеймс. – Ради его блага надеюсь, что так.

Машина когда-то была красной, но пламя расплавilo краску. Теперь из-под слоя копоти лишь кое-где поблёскивал голый металл. Наверно, это был «шевроле», но наверняка сказать трудно.

– Всё на свете медленно сгорает, – заявила Стиви.

– Да? Разве? Чё-то не догоняю.

– Всякая вещь окисляется. Абсолютно всё на свете.

Джеймс сообразил, что Стиви почерпнула эту информацию на уроках химии.

За время основного курса подготовки он неоднократно думал о ней, но в этом не было ничего личного. Так же часто он думал по меньшей мере о семи других девчонках из школы. Сидя с ней здесь, даже в окружении всех этих безграничных просторов, он почувствовал себя зажатым в тиски.

Джеймс сказал:

– Можно, я тебя спрошу кой о чём? В первый раз, когда у нас было это самое, ты была – ну, ты понимаешь, – девственницей или как? Это был твой первый раз?

– Ты вот щас серьёзно?

– Хмм. Ага.

– Не, ты прикалываешься?

– Ага. В смысле, нет.

– Ты за кого меня принимаешь?

– Да я так, просто спросил.

– Да, я была девственницей. Это ведь не что-то такое, чем занимаются каждый день – уж я-то, во всяком случае, не занимаюсь. Ты как считаешь, – спросила она, – я что – какая-нибудь давалка дешёвая?

Услышав это, Джеймс рассмеялся, а Стиви, в свою очередь, заплакала.

– Стиви, Стиви, Стиви, – спохватился он, – прости меня.

Джеймс был рад, что сегодня сочельник. Завтрашний день она проведёт в кругу семьи, и ему не придётся с ней встречаться. Впрочем, это на неё всего лишь действовало пиво, и уже через две минуты девушка приняла извинения.

– Закат всегда такой красивый, когда в небе облака, – пролепетала она.

В сумерках сейчас быстро становилось прохладно. Чувствовалось, как поднимается ветерок – последний тёплый ветерок под конец дня. Стиви осыпала его поцелуями.

В Южной Каролине с Джеймсом обращались как со скотиной, однако он выжил. Стал крупнее, сильнее, старше, лучше. Но возвратившись в мир, в котором вырос, он не имел понятия, как сидеть в одной комнате с матерью или о чём говорить с этой шестнадцатилетней девочкой, ни малейшего понятия, как протянуть эти несколько дней, пока его не отправят в Луизиану на повышенную подготовку пехотных подразделений, пока он не вернётся туда, где ему скажут, что делать.

Стиви сказала:

– Наверно, мы развернём подарки и всё такое прочее довольно рано, – и любовно прощлась кончиками пальцев по его загривку. – Во сколько хочешь прийти в гости?

Пока Джеймс обмозговывал этот простой вопрос, тот как будто разбухал внутри черепа, и наконец самый его разум не выдержал и треснул надвое.

Он дёрнул за ручку двери со своей стороны, выбрался на воздух, подошёл к разбитому автомобильному остову и склонился над ним, упёршись руками в колени, с трудом не падая; взор его устремился к зимнему небосклону. Вдали он увидел дрожащие обрывки миража – то ли видения ужасной огненной смерти во Вьетнаме, похожей на ту, которая постигла мужика из этого обугленного «шевроле», то ли вереницы лет, наполненных расспросами Стиви и прикосновениями её пальцев к его шее.

* * *

На базе Кларка Сэндс переночевал в отдельной комнате с ванной в здании для неженатых офицеров, бо́льшая часть которого была отведена под общие спальные помещения, пропитанные атмосферой студенческого общежития – поминутно открывались и закрывались двери, в коридорах шумели полуодетые молодые люди, а звуки душа и мелодии Нэнси Синатры старались перекрыть инструментальную босанову Стэна Гетца и резкую вонь аэрозольных дезодорантов. Прибыл он вечером, где-то в восемь. Вместе с водителем втащил к себе в комнату ящики. Ни с кем не говорил, лёг рано, встал на другой день – в канун Нового года – поздно, сел во внутрибазовый челночный автобус и попросил шофёра-филиппинца высадить его где-нибудь, где можно позавтракать.

Вот так в 9:00 тридцать первого декабря 1966 года Сэндс оказался в закусочной в боулинг-клубе, даже в столь ранний час забитом служащими ВВС – ребята улучшали средние показатели в наполненном стуком зале. Он ел яичницу с беконом с пластиковой тарелки, сидя за столиком бок о бок с бесконечными рядами шаров для кегельбана, и следил за игрой.

Несмотря на общий шум, в походке некоторых спортсменов была заметна некоторая осторожная вкрадчивость, собранность, как у охотничьих собак. Другие подходили к линии вразвалочку и бросали корпус вперёд, как толкатели ядра. Шкип никогда раньше не играл в боулинг, даже не наблюдал до этого раза, как происходит игра. Само собой, захотелось поучаствовать: так влекли к себе эта аккуратная геометрия, эта неумолимость баллистических траекторий, это органическое богатство деревянных дорожек, эта немая услужливость машин, которые сметали упавшие кегли и взамен поднимали новые, а в довершение всего – бессилие и напряжённость момента; вот ты держишь шар, вот ты его направляешь, вот пускаешь в свободный полёт как родного сына, без надежды как-то на него повлиять. Неторопливая, масштабная, мощная игра. Сэндс решился попытать счастья, как только расправится с завтраком. Пока же он пил чёрный кофе и читал письмо от Кэти Джонс. Та писала опрятным почерком, по-видимому, перьевой авторучкой, синими чернилами по тонкой сероватой папиросной бумаге, вероятно, вьетнамского производства. Первые из её нечастых писем к нему были прямолинейны, многословны, проникнуты одиночеством и задушевностью. Она интересовалась, смогут ли они встретиться в Сайгоне, и тогда Сэндс ждал этой встречи. Недавние же письма, эти путанные размышления —

Всю жизнь я имела дело с шутами – с джокерами. Только с джокерами. Ни тузов, ни королей. Первым тузом оказался Тимоти; он-то и познакомил меня с королём, то есть с Царём – Иисусом Христом. До этого я приехала в Миннеаполис учиться в колледже. Но я утратила стимул к учёбе, так что бросила, устроилась секретаршей и каждую ночь гуляла и распивала коктейли с молодыми людьми, которые работали в деловом центре города, с юными джокерами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.